

Передняя обложка, титульный лист // Богословский вестник
1893. Т. 3. № 7. 2 с.

ГОДЪ

ВТОРОЙ.

БОГОСЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКОЮ ДУХОВНОЮ АКАДЕМІЕЮ.

ІЮЛЬ

1893.

2-я типографія

А. И. Снегиревой въ Сергеевскѣй Покладѣ Московск. е.

1893.

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходить ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ: безъ пересылки шесть рублей, съ пересылкою семь рублей, за границу восемь рублей.

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи, въ редакцію «БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА».

Изъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ можно выписывать слѣдующія изданія:

		Цѣна съ пересылкою.
Творенія Св. Григорія Богослова т. 1	6	9 р. — к.
„ „ Ефрема Сирина т. 1—6		9 „ — „
„ „ Василия Великаго т. 1—7.		8 „ 40 „
„ „ Аванасія Александрійскаго т. 3 и 4.		3 „ — „
„ „ Григорія Нисскаго т. 1—8.		12 „ — „
„ „ Іоанна Лѣтвичника 1 т.		1 „ 50 „
„ „ Цила Синайскаго т. 1—3		4 „ 50 „
„ „ Исидора Пелусіота т. 1—3		4 „ 50 „
„ „ Епифанія Киррекаго т. 1—6		9 „ — „
„ „ Блаженнаго Θεодорита т. 1—3. 6 и 7		9 „ — „
„ „ Макарія Египетскаго 1 т.		2 „ — „
„ „ Кирилла Александрійскаго т. 1—8.		12 „ — „
Св. Василия Великаго бесѣды на Шестодневъ		— „ 45 „
„ „ „ избранныя нравственныя правила.		— „ 15 „

Избранныя бесѣды: св. Василия Великаго (№№ 1—11), св. Григорія Богослова (12—14), св. Григорія Нисскаго (15—16), св. Ефрема Сирина (17—34), св. Іоанна Златоустаго (35—49), св. Іоанна Дамаскина (№ 50-й), по 3 коп. за №.

Св. Астерія Амасійскаго: слово на начало поста. Ц. 10 коп.; бесѣда противъ корыстолюбія. Ц. 10 к.; слово обличительное противъ празднованія календъ. Ц. 5 к.; бесѣда на слова Евангелія отъ Маттея: „по всякой-ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею“? (Мѡ. 19, 3). Ц. 5 коп.

Тихонія Африканца книга о семи правилахъ для изслѣдованія и нахожденія смысла Св. Писанія. Ц. 40 к. Тоже со статьею *Арх. Антонія*: „о правилахъ Тихонія и ихъ значенія для современной экзегетики“. Ц. 50 к.

Полное годовое изданіе журнала: Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями: за 1847, 1849, 1850, 1856, 1858—1865, 187 $\frac{1}{2}$, 1880—1884, 1886—1891 гг. За каждый годъ цѣна съ пер. 4 руб. За годы 1843—1846, 1848, 1851—1855, 1857 и 1885 имѣются не полныя годовыя изданія.

Отдѣльно отъ Твореній Св. Отцевъ одни ежегодныя „Прибавленія“ за 1844—1864, 1871 и 1872 гг. по 1 руб., а за 1880—1891 гг. по 2 р. за каждый годъ.

Прот. С. Смирнова. Исторія Моск. Дух. Академіи до ея преобразованія. Ц. 3 р.

Его-же. Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Ц. 2 р.

Его-же. Исторія Лаврской Семинаріи. Ц. 2 р. 25 к.

Сборникъ, изданный по случаю празднованія 50-лѣтія М. Д. Академіи. Ц. 1 р.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ за 1843—1886 гг. Ц. 35 к.

Списки студентовъ М. Д. Академіи съ 1814 по 1889 г. Ц. 60 к.

Прот. А. В. Горскаго. Исторія Евангельская и церкви Апостольской. (Акад. лекціи). Ц. 3 р.

Памяти наставника нашего В. Д. Кудрявцева-Платонова. Ц. 50 к.

А. Лебедевъ. Очерки исторіи Византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV в. Ц. 3 р.

Его-же. Греческіе церковные историки IV и V вѣковъ. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Голубинскаго. Исторія русской церкви. Томъ I-й, періодъ первый кievскій, или до-монгольскій. Вторая половина тома. Ц. 5 р.

Его-же. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра. Ц. 2 р. 25 к.

Житіе и чудеса преподобнаго Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. Ц. 5 коп.

В. Ключевскаго. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Ц. 2 р. 50 к.

П. Цвѣткова. Аврелій Пруденцій Клементъ. Ц. 3 р.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Московскою Духовною Академіею.

ІЮЛЬ

1893.

2-я типографія

А. Д. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. е.

1893.

Типографіи А. И. Снегиревой
въ Москвѣ и Сергіевомъ Посадѣ.

Печатать позволяется. Юня 18 дня, 1893 г.

Ректоръ Академіи Архіепископъ Антоній.

дѣвы вмѣстѣ съ юношами, то есть: добрыя и благочестивыя души, непорочность которыхъ означается дѣвствомъ, а крѣпость и великая сила именовъ юноши. Въ самомъ дѣлѣ: кто у нихъ святъ, если законъ никого не можетъ довести до совершенства и не достаточенъ для ихъ оправданія? У кого изъ нихъ духовная крѣпость и сильный умъ, если они не знаютъ блистательныхъ подвиговъ жизни евангельской? Не всѣ ли они вялы и во грѣсахъ разслаблены умомъ? Да и можно ли въ этомъ сомнѣваться?—Итакъ, они оскудѣли въ жаждѣ, и не имъ сказано: *почерпите воду отъ источника спасенія* (Исаи 12, 3), напротивъ повелѣлъ даже облакамъ *еще не одождити* на нихъ *дождя* (Исаи 5, 6), потому что не послушались самого Христа, Который возглашалъ: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ и пьетъ* (Иоанна 7, 37), но, оставивъ Его, источникъ жизни, ископавъ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержать (Иерем. 2, 13): склонились къ учениямъ и заповѣдямъ человѣческимъ (Исаи 29, 13): которыя не могутъ пользующихся ими ни напоить для жизни, ни соблюсти для спасенія.

Глава IX, ст. 1. *Видѣхъ Господа стояща на жертвенницѣ, и рече: порази очистилище, и поколеблется преддверія и пресницы въ главы встѣхъ: и оставшья ихъ оружіемъ избію.*

Блаженные пророки, озареніемъ Духа проясняя око своихъ естественныхъ способностей, не воспринимаютъ только знаніе будущаго, но иногда, видя какъ бы на картинѣ теченіе самыхъ событій, дивуются сами и убѣждаютъ слушателей принять въ этомъ участіе съ ними, со всею силою стараясь разъяснить значеніе видѣній. Такъ, божественный Амосъ говоритъ: *и рече Господь ко мнѣ: приспѣ*

конецъ на люди моя Израиля, не приложу ксему еже мимоити его: и восплачутся стропове храма въ той день, глаголетъ Господь: мнози падшии, во всемъ мѣстѣ наверху молчаніе (8, 2—3). Но вотъ возвѣщенное прежде видѣть исполняющимся на самомъ дѣлѣ согласно съ предсказаніемъ: увидѣлъ, говоритъ, Господа, стоящаго на жертвенникѣ и какъ бы начинающаго разрушеніе, повелѣвающаго быть сему самому. Стоитъ же Онъ на жертвенникѣ, не честь ему оказывая: такъ думать глупо, ибо нелѣпѣе всего предполагать и утверждать, что третищамъ идольскимъ Богъ удѣляетъ вниманіе и честь. Какъ могъ бы Онъ почитать жертвенникъ телицы? Напротивъ, Онъ стоялъ съ намѣреніемъ низвергнуть и низринуть на землю. Поэтому Онъ какъ бы повелѣлъ пророку начать разрушеніе, говоря: ударь по жертвеннику (*πάταξον ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον*), и поколеблются преддверія, и пусть храмъ долженъ будетъ немедленно пасть. *И престѣпы въ главы встанъ*, то есть: начни съ знатнѣйшихъ между ними и порази выдающихся, которые поставлены во главѣ прочихъ; съ ними вмѣстѣ погибнутъ остальные и послѣдуютъ участи начальниковъ, также сдѣлавшихся добычею меча. Подобно сему и то, что возвѣщено устами Іезекіиля о шести мужахъ, которые шли отъ воротъ, обращенныхъ къ сѣверу, и, держа сѣкиры, слѣдовали за мужемъ, облеченнымъ въ подирь, каковымъ мужамъ сказано было Богомъ: *идите въ градъ его, и изстѣцуйте, и не пощадите, и не помилюйте: старца, и юношу, и младенцы, и жены избійте въ потребленіе; а ко вѣзмъ, на нихже есть знаменіе, не прикасайтесь и отъ освященныхъ моихъ начните* (Іезек. 9, 1—6). Видишь: начаткомъ содѣлалъ облеченныхъ властію или слывущихъ почтенными и святыми, быть можетъ по причинѣ усвоенной славы

священнодѣйствія или извѣстности другими какими нибудь достоинствами, такъ какъ таковые люди суть какъ бы возглавіе прочихъ.

Это случилось съ тѣми, кои ругались надъ Господомъ: когда они, несчастные, презрѣвъ законъ и пророковъ, не приняли Христа, конецъ закона (Римл. 10, 4), и пророковъ, но хотя ясно сознавали, что Онъ наслѣдникъ, извергли Его вонъ изъ виноградника (Марка 12; Матѳ. 21; Луки 20) и наконецъ распяли, тогда они преданы были на опустошеніе Римскимъ полководцамъ, и знаменитый оный храмъ былъ сожженъ, жертвенникъ въ немъ ниспроверженъ, предверія разбиты и вмѣстѣ съ толпою погибли и предводители: никого у нихъ не пощадила война. И каждый изъ вѣрующихъ, хотя онъ и есть храмъ Бога, потомучто имѣетъ Его обитающимъ въ себѣ,—хотя онъ и считается жертвенникомъ, потомучто собственною жизнію совершаетъ священное служеніе Богу,—если послѣ этого, обратившись къ безопасности, оскорбитъ Бога, то придетъ въ ничтожество и подвергнется самому ужасному низверженію, ибо не лицепріятенъ Владыка и, по написанному (Иезек. 33, 12), *правда праведника не избавитъ его, въ онъже день прелстится.*

Ст. 1—4. *И не убѣжитъ отъ нихъ бѣжащій, ниже уцѣлѣетъ отъ нихъ уцѣлѣваяй. Аще сокрыются во адъ, то и оттуду рука моя исторгнетъ я: и аще взыдутъ на небо, то и оттуду свергу я. Аще скрываются на версъ Кармила, то и оттуду взышу, и возму я: и аще погрузятся отъ очю моею во глубинахъ морскихъ, то и тамо повелю змѣви, и угрызетъ я: и аще пойдутъ въ плънь предъ лицемъ врагъ своихъ, и тамо повелю оружію, и избіетъ ихъ: и утвержу очи мои на нихъ во злая, а не во благая.*

Слушающимъ это, кажется, своевременно будетъ сказать, что гласомъ Давида воспѣвается Богу *камо пойду отъ Духа твоего* и слѣдующее (Псал. 148, 7 и далѣе). Божество всевидяще, да кромѣ того и все-сильно, и никто не скроется отъ неусыпающаго ока, ибо сказалъ: Богъ приближайся азъ есмь, а не Богъ издалеча: еда отъ мене утаится что (Иерем. 23, 23; 32, 27)? Никто также никогда не избѣжитъ насланной на него по мановенію божественному бѣды, ибо, по написанному, *руку его высокую кто отъратитъ* (Исаи, 14, 27)? Какая хитрость пособить намъ, и вообще, какое средство намъ поможетъ, если Богъ опредѣлилъ, что намъ должно страдать? Что такимъ образомъ, подпавшимъ гнѣву Божию вполнѣ бесполезны и совѣтъ, и размышленіе, и всякаго рода замыслы, это поясняетъ, говоря: никто не убѣжитъ, хотя бы сокрылся въ самый адъ (рѣчь гиперболическая), и если бы даже взлетѣлъ на небо, или скрылся на вершинѣ Кармила. Но если и взойдетъ, то будетъ пойманъ. И хотя бы очутился въ морѣ, попадется дракону, или, по Еврейскимъ понятіямъ, преданъ будетъ киту.—Если наконецъ окажется у враговъ и въ плѣну, крѣпко содержимый въ узахъ рабства, то и этого, говорить, будетъ мало и недостаточно для его наказанія. Употребленъ будетъ противъ него и страхъ меча, и не престанетъ, говорить, Господь всяческихъ, утверждать око Свое на немъ. Это признакъ гнѣва и угрозы: иногда мы сами не сводимъ глазъ съ оскорбителей, смотря на нихъ грозно и неласково. Но такъ какъ Богъ взираетъ также на добрыхъ и праведныхъ, то разъясняетъ различіе воззрѣнія, говоря: *во злая, а не во благая*: Воззритъ, говорить, не съ тѣмъ, чтобы надѣлать какимъ-либо благомъ, но чтобы опредѣ-

ленная имъ кара и казнь оставались бы у нихъ непоколебимой и какъ бы неподвижной.

Подверглось этому самому и жалкое соборище Іудейское, которое навлекло праведную кровь на свою главу, ибо они, убѣждая Пилата распять Христа, говорили: *кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Мате. 27, 25). Поэтому-то они погибли со всѣми семействами своими и города были расхищены съ самими жителями ихъ, такъ что, кажется, никто не могъ убѣждать. А что и въ какой степени они вынесли, объ этомъ повѣствуютъ обширныя сочиненія тѣхъ, которые наблюдали это.

Ст. 5. *И Господь, Господь Богъ Вседержитель прикасайся земли, и колебля ея, и возрыдають вси живущи на ней, и въздетъ яко рѣка скончаніе ея, и снидетъ яко рѣка Египетская.*

По любви пророкъ не позволяетъ слушателямъ не вѣрить его рѣчамъ какъ несбыточнымъ, и это— съ цѣлю убѣдить ихъ, чтобы они научились отдавать предпочтеніе доброму и исполнились уваженія къ полезному, дабы Богъ прекратилъ гнѣвъ, отвлекъ напасть и принялъ кающихся, ибо Онъ всегда милосердствуетъ къ желающимъ обратиться. По этому учить, что Богъ всеиленъ и имѣетъ полную возможность положить конецъ тѣмъ, кому сказалъ, ибо, говорить, *Господь, Господь Богъ Вседержитель, прикасайся земли, и колебля ея*,—все равно, какъ если бы сказалъ: не слѣдуетъ думать, что оскорбленный подобенъ намъ: Владыка — не какъ человѣкъ, но Онъ—Господь силъ, прикасающійся рукой Своей къ землѣ (конечно—Самарійской) и колеблющій ее, заставляя ее испытывать, разумѣется, не обыкновенное смятеніе, но потрясая ее всю войною и жестокими бѣдствіями и приводя въ содроганіе. По-

этому, говоритъ, возрыдаетъ всякій живущій на ней, и какъ рѣка Египетская *взыдетъ скончаніе*, покрывая и погружая все, а потомъ опять такимъ же образомъ возвратится, увлекая и унося (все съ собою). Мы говорили уже, что волнамъ рѣчнымъ уподобляетъ Сеннахирима, Ассирійскія полчища и воздвигнутую ими противъ Самаріи войну. Итакъ прогнѣвающимъ и оскорбляющимъ Бога невозможно будетъ бѣгство, но всесильна и неизбѣжна будетъ разящая рука, и кто разъ будетъ пойманъ, тому не будетъ никакой помощи и утѣшенія, ибо, по написанному, *аще затворитъ отъ чловѣковъ, кто отверзетъ* (Лова 12, 15). Конечно, гораздо лучше отвратить гнѣвъ обращеніемъ къ тому, что ему угодно и любезно. А это, и вполне естественно, совершится въ томъ случаѣ, если мы, забывая прежнес и отвыкая отъ худаго, будетъ просвѣщать себя преуспѣяніемъ въ добродѣтели, ибо тогда избавимся отъ послѣдствій гнѣва и легко подвигнемъ благаго по естеству Создателя удостоить насъ снисходительнаго и милостивѣйшаго вниманія.

Ст. 6. *Сотворяяи на небо восходъ свой, и обѣщаніе свое на земли основай, призываяи воду морскую, и проливаяи ю на лице земли: Господь Вседержитель имя ему.*

Устрашаетъ удаляющихся отъ Бога словами, еще болѣе подробными, и побуждаетъ къ лучшему, искусно изъясняя превосходство и всемогущество Божественнаго естества, и старается доказать, что всегда и во всякомъ случаѣ Онъ приведетъ въ исполненіе слова Свои безъ всякаго препятствія съ чьей-либо стороны. Кто, говоритъ, касается земли и колеблетъ ее (сейчасъ указаннымъ нами способомъ), тотъ же самый устраиваетъ *на небо восходъ свой*.

Какъ бы говорить: Онъ имѣетъ всю власть, такъ что восходитъ на самыя небеса, и владѣетъ державою надъ всѣми, при чемъ Онъ имѣетъ въ подчиненіи Себѣ блаженный соборъ—вышній, небесный, или—святыхъ ангеловъ, потому что, какъ мы думаемъ, небо есть живущіе на немъ ангелы. Нужно замѣтить, что это въ прикровенномъ видѣ созерцаль Іаковъ: лѣствица отъ земли достигала до неба, и *Господь*, говорить, *утверждашеся на ней*, и видѣлъ ангеловъ восходящихъ и нисходящихъ по ней (Быт. 28). Это, думаю, и есть: *сотворяяи на небо восходъ свой*. Но, говорить, и что Онъ обѣщаетъ жителямъ земли, то, безъ сомнѣнія, непоколебимо, несокрушимо и какъ бы утверждено на основаніи, потому что никоимъ образомъ не окажется безсильнымъ Господь силъ, и слово Его не будетъ безуспѣшно. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ Спаситель, говоря: *небо и земля мимоидутъ, словеса же моя не мимоидутъ* (Матѣ. 24, 35). Онъ же есть и тотъ, кто неизреченною силою поднимаетъ воду морскую и дождитъ на землю, то есть—опять таки—управляющій небеснымъ и настолько сильный, что легко претворяетъ природу сущаго во что Ему угодно, и имя Ему Господь и Богъ, и кромѣ того Вседержитель. Этого нельзя считать простымъ наименованіемъ, какъ безъ сомнѣнія, нерѣдко бываетъ у людей, но оно употреблено вполне соотвѣтственно самой истинѣ: и у насъ самихъ, и у святыхъ ангеловъ именуется такъ потому, что Онъ по существу господствуетъ и облеченъ властію надъ всѣмъ. Итакъ, цѣль пророка—чѣмъ можно больше и на сколько онъ могъ устрашить оболъщенныхъ, съ наибольшимъ успѣхомъ убѣдить ихъ въ необходимости поскорѣе пойти какъ бы назадъ, считать дѣломъ славнымъ справедливость

и снова признать вождѣннымъ благочестіе по отношенію къ Богу, страхомъ грядущаго крѣпко сдерживая влеченіе къ постыдному; и это, думаю, справедливо сказано устами Давида Владыкъ всяческихъ: *бродами и уздою челюсти ихъ востыгнеши, не приближающихся къ тебѣ* (Псал. 31, 9).

Можно сказать, и съ полнымъ правомъ, также о Христѣ, что Онъ есть *сотворяльй на небо восходѣ свой*. Вѣдь Онъ явился свыше, съ неба, потому что какъ Богъ отъ Бога рожденъ по естеству. Посему и говорилъ: *азъ отъ вышнихъ емь* (Іоанна 8, 23). Засвидѣтельствовалъ о Немъ и мудрый Іоаннь, говоря: *грядый свыше, надъ всеми есть* (Іоанна 3, 31). Но Онъ имѣетъ восхожденіе на небеса по существу, ибо, какъ я сказалъ, они изначала принадлежатъ Ему какъ Богу, Который явилъ Себя доступнымъ для жителей земли. Онъ *предтеча о насъ вниде* (Евр. 6, 20) къ Отцу и, какъ пишетъ Павелъ, обновилъ намъ путь новый и живой (Евр. 10, 19—20), потому что за насъ какъ человѣкъ предсталъ предъ лицомъ Бога и Отца, Который *воскресилъ насъ съ Нимъ и спосадилъ на небесныхъ* (Ефес. 2, 6). Но такъ какъ восшелъ Христосъ, то устроилъ восхожденіе и намъ, если справедливъ Павелъ, говоря: *яко мы живущи не имамы предварити умершихъ, но купно съ ними восхитени будемъ на облацехъ* (1 Солун. 4, 15, 17). И такъ восшелъ какъ человѣкъ, чтобы Ему одному приличествующее восхожденіе (ибо Онъ есть Богъ и отъ Бога) сдѣлать доступнымъ и для насъ, вѣрующихъ. Онъ и утверждаетъ *объщаніе свое на земли*, потому что отнюдь не солжетъ, но исполнитъ то, что обѣщаетъ намъ совершить. Такъ онъ сказалъ: *уне есть вамъ, да азъ иду: аще бо не иду азъ, Утѣшитель не придетъ къ вамъ* (Іоанна 16, 7). По-

сему и повелѣлъ Апостоламъ *отъ Иерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отца*, которое слышали отъ Него (Дѣян. 1, 4), излилъ же на нихъ богато благодать. Посему-то они и были свидѣтелями славы Его *во Иерусалимъ же и во Иудеи*, и по всей землѣ (Дѣян. 1, 8). Найдемъ также, что обѣтованіе Его подтверждается и инымъ образомъ: мы вѣруемъ, что Онъ воскреситъ насъ изъ мертвыхъ, содѣлаетъ побѣдителями тлѣнія и *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы его* (Филипп. 3, 21) и приметъ насъ участниками Своего царствія. Онъ также призываетъ *воду морскую* и проливаетъ ее *на лице земли*, тоестъ: горькое, непріятное и негодное къ употребленію предлагаетъ въ пригодное. Такъ: буква закона убиваетъ, и сѣнь сама по себѣ бесполезна, но для насъ, разумѣющихъ, она сдѣлалась весьма полезною для достиженія Христа и оказалась какъ бы нѣкоторымъ духовнымъ дождемъ, орошающимъ въ нѣкоторомъ родѣ поднебесную, если справедливо, что законъ, нѣкогда для древнихъ тягостный и невыносимый, для насъ сталъ *тѣстуномъ* къ таинству Христову, такъ что и отъ него можно получить плодъ, источая грубую оболочку сѣни для извлеченія истины. Посему примемъ сказанное какъ бы въ видѣ примѣра, приведемъ въ подтвержденіе и воду Мерры (Исх. 15), которая была горька, но усладилась, когда Богъ показалъ Моисею и дерево и повелѣлъ его положить въ воду. Дерево же было образомъ и типомъ честнаго креста, благодаря которому законъ сталъ сладкимъ и какъ бы весьма удобнымъ для питья, хотя исторія (его ближайшій смыслъ) содержитъ въ себѣ горечь, потому что буква убиваетъ,

какъ я сказалъ, вѣрнѣе же, какъ написалъ намъ мудрый Павелъ.

Ст. 7—8. *Не якоже ли сынове Египетѣи, вы есте мнѣ сынове Израилевы? глаголетъ Господь: не Израиля ли изведохъ изъ земли Египетскія, и мноплеменники изъ Каппадокии: и Суряны изъ рова? Се очи Господа Бога на царство грѣшныхъ: и отвергу е отъ лица земли.*

Израильтяне, всегда высоко поднимающіе чело, постоянно то такъ, то иначе ссылаясь на благородство отцовъ и широко раскрывая уста, говорили: мы имѣемъ отцомъ Авраама; однако они услышали обращенныя къ нимъ слова Христа: *аще чада Авраамля были, дѣла Авраамля бысте творили* (Іоанна 8, 39); *не всѣ бо сущіи отъ Израиля, сѣи Израиль: ни зане суть сѣмля Авраамле, вси чада* (Римл. 9, 6—7); но свѣтлость дѣлъ по справедливости даетъ возможность хвалиться славными дѣяніями отцовъ. Кромѣ того, они презирали всѣ прочіе народы, говоря и то, что Богъ ихъ сдѣлалъ избранными изъ всѣхъ народовъ, избавилъ изъ земли Египетской и перебѣлъ въ землю обѣтованную. Все это вѣрно; но тѣ, которые преимущественно обязаны были соотвѣтственною взаимностію радовать Почтившаго, во многихъ отношеніяхъ оказались жестоко оскорблявшими Его полными отступленіями и уклоненіями къ пороку; наконецъ, жалкіе, дошли до такого поврежденія ума, что стали думать, что имъ для благосостоянія и славы достаточно происхожденія отъ корня Авраамова и изведенія изъ земли Египетской въ землю обѣтованную. Поэтому, чтобы они знали, насколько недѣйствительны въ отношеніи къ пользѣ такія похвалбы для нихъ, обратившихся къ нерадѣнію и не желающихъ быть благочестивыми, по

необходимости говорить: не буду ли Я смотрѣть на васъ, — хотя вы и имѣете благородство по отцамъ, — точно такъ же, какъ на сыновъ Евѳонскихъ, которые не имѣютъ корнемъ Авраама? Ибо божество неуклонно и совершенно величепріятно и не знаетъ плотскаго благородства, лишеннаго добрыхъ дѣлъ, но удостоиваетъ всякаго уваженія благородство духовное и то, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ блистаніе славными подвигами. Но вамъ кажется чѣмъ-то великимъ и изряднымъ то, что изъ Египетской земли перешли въ другую. Что же изъ того, говоритъ, или какую это вамъ доставить пользу?— Это получили отъ Меня и другіе. Именно: Я вывелъ иноплеменниковъ, тоестъ Филистимлянъ (какъ передавали Евреи), изъ Каппадокіи, а Сирійцевъ, тоестъ всѣхъ, которые были тогда подвластны Дамаскому царству, вывелъ *изъ рова*. Нужно замѣтить, что вмѣсто *изъ рова* Іудеи поставляютъ: изъ Кирены. Такимъ образомъ Филистимляне были выходцами Каппадокійскими, а Сирійцы—Киренскими. А *рвомъ* называли Кирену, хотя она весьма возвышенна и расположена высоко, потому, что она лежитъ какъ бы въ глубокой впадинѣ, ибо, можно сказать, вся земля Ливійская состоитъ изъ открытыхъ приморскихъ долинъ. Поэтому, говоритъ, у Меня, на всѣхъ смотрящаго одинаково, есть намѣреніе стереть съ лица земли всякое царство грѣшниковъ. Слѣдовательно никакой пользы не приносить плотская знаменитость обладающимъ ею: благородствомъ у Бога считается добрый нравъ, весьма наклонный къ достиженію добродѣтели и пекущійся о соревнованіи въ благочестивыхъ дѣяніяхъ предковъ.

Ст. 8. 10. *Обаче не въ конецъ отвергу домъ Израилевъ, глаголетъ Господь. Понеже се изъ заповѣдаю, и*

развѣю домъ Израилевъ во вся языки, яко же вѣетъ на вѣяль, и не падетъ сотрѣніе на землю: оружіемъ скончаются вси грѣшніи людей моихъ, глаголющии: не приближатся, ни придутъ на насъ злая.

Снова сохраняется Израилю остатокъ ради отцовъ: не подвергнутся, говоритъ, окончательной гибели, и родъ Іакова не совсѣмъ исчезнетъ, но какъ бы разбросанные вѣяломъ, говоритъ, разсѣяны будутъ по всѣмъ народамъ. Впрочемъ *не падетъ сотрѣніе на землю*, то есть; не такъ падетъ родъ Іакова, чтобы дойти до полнаго сокрушенія, но спасется часть помилованныхъ, потому что нѣкоторые въ то время возвратились изъ плѣна. Спасена же Христомъ, такъ какъ не малое число изъ Іудеевъ увѣровали. Спасется также остатокъ въ послѣднія времена, когда призвано будетъ множество язычниковъ. Затѣмъ какъ бы на чьи слова: если Іаковъ спасается, то противъ кого угрозы? мудро отвѣчаетъ и говоритъ, что гнѣвъ не будетъ обращенъ рѣшительно на все безъ разсужденія и послѣдствія ярости не будутъ безразличны, но постигнуть тѣхъ, кто совершилъ нетерпимыя согрѣшенія. Это и есть: *оружіемъ скончаются вси грѣшніи людей, глаголющии: не приближатся, ни придутъ на насъ злая*, ибо нѣкоторые дошли до такого поврежденія ума, что считали святыхъ пророковъ прорицающими ложь и говорили, что ни одно предсказаніе не сбудется. Объ этомъ свидѣтельствуется Іеремія, который говоритъ Богу: *се ти глаголютъ ко мнѣ: гдѣ есть слово Господне? да придетъ* (Іерем. 17, 15). И такъ у людей такого образа мыслей грѣхъ двойкій: и прогиѣвляли разными способами, и считали истину за лживыя басни.

Найдемъ также, что во время пришествія Спаси-

теля нашего наставники Іудеевъ не обращали вниманія на Его слова. Посему они и услышали: *горе вамъ книжники и фарисеи лицемери, яко взяте ключъ разумнїя: вы не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Луки 11, 52; Мѡ. 23, 13), и еще: *горе вамъ, яко переходите море и сушу* и прочее (Матѡ. 23, 15 и д.). Посему справедливо не признаны за дѣтѡй, ~~какъ~~ удалившіеся отъ благородства отцовъ, но причтены какъ бы къ сынамъ Египетскимъ; истреблены и *оружіемъ* и понесли отъ Судїи наказанія, соответственныя ихъ безразсудству.

Ст. 11—12. *Въ той день возставлю скинїю Давидову падшую, и возгражду падшая ея, и раскопаная ея возставлю, и возгражду ю якоже дни вѣка: яко да възыщутъ мене оставшіися чловѣцы, и вси языцы, въ нихже призвася имя мое въ нихъ, глаголетъ Господь, творяй сія вся.*

Обѣщаль, говоря, что не въ конецъ истребитъ родъ Іакова, но, хотя бы они, какъ бы разбросанные вѣяломъ, сдѣлались странниками и пришельцами, лишенными отечества и домовъ, живущими въ варварской и чужой странѣ, все таки не будутъ сокрушены совсѣмъ и не дойдутъ до совершенной гибели. Поэтому говорить, что возстановитъ и скинїю Давидову, воздвигнетъ низверженное въ ней *якоже дни вѣка*, то есть на дни долгіе. Это, говорить, будетъ для прочихъ народовъ, сосѣднихъ и отдаленныхъ, доказательствомъ и удостовѣренїемъ того, что нужно наконецъ обратиться къ Богу и начать искать Его, удивившись конечно Божїю милосердію и величію могущества. Итакъ, если говорить „*скинїю Давидову*“, то обозначаетъ родъ Іудейскій или домъ Іаковлевъ. Слѣдуетъ замѣтить, что когда Киръ освободилъ ихъ изъ плѣна, они воротили-

лись въ Іудею, возстановили храмъ и, укрѣдивъ опустошенныя города и построивъ въ нихъ дома, стали жить въ безопасности; и хотя терпѣли войны со стороны нѣкоторыхъ, — разумѣю на примѣръ Антиоха, Адриана, но уже не становились! ~~пѣвцами~~ и не испытывали опустошенія подобно тому, какъ отъ Вавилонянъ.

Таковъ историческій смыслъ въ этихъ словахъ, а болѣе внутренній и истинный нужно относить ко Христу. Именно, когда Онъ воскресъ ~~изъ мертвыхъ~~, при чемъ Богъ и Отецъ возстановилъ павшую до смерти скинію Его, то есть — земную плоть, тогда все поверженное у насъ приведено въ новый видъ, ибо *кто во Христа, нова тварь* по писанію (2 Коринѣ. 5, 17), потому что мы совоскрешены вмѣстѣ съ нимъ, и хотя смерть подкопала скиніи всѣхъ, но возградилъ ихъ Богъ и Отецъ во Христѣ. И это удѣлено намъ будетъ не на время, но на вѣчные дни, потому что благо нетлѣнія не отъемлемо у насъ и смерть не будетъ уже владычествовать надъ спасенными во Христѣ. Тогда и прочіе *человѣцы* по примѣру увѣровавшихъ изъ Израиля познали Бога, истинно и по естеству сущаго, уклонившись отъ онаго древняго и мерзкаго заблужденія; ибо не могъ солгать Христосъ, когда говорилъ: *еще зерно умретъ, многоъ плодъ сотворитъ* (Іоанна 12, 24), и еще: *еще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ* (Іоанна 12, 32). Итакъ въ тотъ день, когда Я воздвигну раскопанную и падшую скинію Давидову, призвутся всѣ народы и на нихъ будетъ Мое имя. А что предсказаніе всенепремѣнно придетъ въ исполненіе, удостовѣрилъ, присовокупивъ: *глаголетъ Господь творяи сѣя, потому что, если истинно есть Богъ Господь, то, конечно, совершитъ и это, не*

имѣя никакого недостатка въ силѣ: Онъ творитъ *веля и неизслѣдимая, славная же и изрядная, иже нѣсть числа* (Іова 5, 9).

Ст. 13—15. *Се днѣ грядутъ, глаголетъ Господь, и постигнетъ жатва обгимаіе винограда, и созрѣетъ гроздіе въ стѣтву, и искапаютъ горы сладость, и вси холми насаждени будутъ. И возвращу плѣнь людей моихъ Израилля, и возградятъ грады разореныи, и населятсѣ, и насадятъ винограды, и испіютъ вино ихъ, и сотворятъ вертограды, и снѣдятъ плодъ ихъ: и насажду я на земли ихъ, и не исторгнутсѣ ктому отъ земли своей, юже дахъ имъ, глаголетъ Господь Вседержитель Богъ.*

Что сказалъ, то ясно и истолковалъ. И если кто пожелаетъ сдѣлать простое и историческое объясненіе, то опять конечно скажетъ слѣдующее: что потерпѣвшимъ плѣнь ясно возвѣстилъ возвращеніе, и что они будутъ владѣть своей землею, возстановивъ города и дома, и, достигнувъ наконецъ счастливой жизни, будутъ собирать добро съ полей, съ веселіемъ и радостію займутся земледѣльческимъ трудомъ, такъ что непрерывный у нихъ будетъ трудъ, соединенный съ пріятнѣйшею уборкою, когда хорошая жатва поведетъ у нихъ за собою сборъ винограда, а сборъ въ свою очередь продлится до поры сѣянія, и такимъ образомъ земледѣлецъ отъ точила, ножа и гроздьевъ будетъ у нихъ переходить къ паханію полей и, омывъ пыль гумна, будетъ приниматься за занятія при точилахъ.

Если же мы пожелаемъ внести въ разсмотрѣніе предложеннаго нѣчто болѣе утонченное и духовное, то справедливо будетъ размыслить о слѣдующемъ.

Когда, какъ я сказалъ, воскресъ Христосъ, Отецъ возстановилъ скинію Давидову и возградилъ имъ *раскопанія* (ст. 11), тогда совершилось великое и

обильное раздаяніе духовныхъ даровъ всѣмъ лю-
 дямъ, Еллинамъ и Іудеямъ, ибо *единъ Богъ*, Который
 оправдалъ *обръзаніе отъ вѣры, и необръзаніе вѣрою*
 (Римл. 3, 30). Посему весьма велико подаяніе ду-
 ховныхъ плодовъ вѣрующимъ, которое превосходно
 обозначается плодами земными, ибо, говоритъ, много
 будетъ хлѣба и вина. И теперь мы будемъ прини-
 мать хлѣбъ въ укрѣпленіе, очевидно духовное, ибо
 написано: *и хлѣбъ сердце чловѣка укрѣпитъ* (Псал.
 103, 15), конечно хлѣбъ духовный: и божественный
 свыше; вино же—въ увеселеніе, ибо опять сказалъ:
вино веселитъ сердце чловѣка (Псал. 103, 15). Ра-
 дуемся же мы *упованіемъ* по слову Павла (Римл.
 12, 12). Каплютъ также и горы сладостію. Горами,
 кажется, называетъ здѣсь церкви Христовы по при-
 чинѣ возвышенности хранимыхъ въ нихъ догматовъ
 и превосходства благочестія къ Богу и потому, что
 горы являются украшенными различными расте-
 ніями, а церкви Христовы имѣютъ безчисленное
 множество людей святыхъ, подобно кедрамъ и са-
 мымъ высокимъ деревьямъ, которые насажены при
 протокахъ водъ духовныхъ. Далѣе, какъ на обиль-
 ныхъ лѣсомъ горахъ летаетъ множество пчелъ, вы-
 рабатывая сладкій и цѣнный медъ, такъ и въ цер-
 квахъ превосходящіе прочихъ и преуспѣвающіе въ
 добродѣтели и уразумѣніи ученія Христова, соби-
 рая сладкій медъ, какъ бы источаютъ его въ сердца
 другихъ. Именно такимъ образомъ, думаю, каплютъ
 горы сладостію. Но *будутъ*, говоритъ, и *холмы на-*
саждени. Холмы—это люди второстепенные и обла-
 дающіе меньшей степенью добродѣтели въ сравне-
 ніи съ тѣми, которые болѣе отличались въ этомъ,
 потому что въ церквахъ существуютъ различныя
 степени святости и праведности, какъ говоритъ Па-

вель, соотвѣтственно благодати, данной каждому (Еф. 4, 7) отъ раздаятеля этого—Бога. Итакъ, будутъ, говорятъ, и они *насаждени*, тоестъ будутъ цвѣтущими, плодоносными и обладающими умомъ, обильно украшеннымъ правотою божественныхъ догматовъ. А что Богъ всяческихъ возвратилъ и *плѣнь* нашъ,—въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться, потомучто Христосъ проповѣдывалъ плѣнникамъ отпущеніе (Луки 4, 18) и избавилъ поднебесную отъ насильства діавола. Тогда-то, подобно земледѣльцамъ, мы стали ревнителями духовнаго плодородія, насадили вертограды и винограды, и вкушаемъ плодъ ихъ; ибо получимъ воздаяніе за труды, соберемъ и плоды благонравія. А что будемъ имѣть непоколебимое пребываніе у Бога и если разъ дано будетъ отъ Него наслѣдіе, то никто не изгонитъ получившихъ его,—это уясняетъ, говоря: *насажду я на земли ихъ* (которую далъ имъ), *глаголетъ Господь Богъ*, ибо церковь Бога есть такой даръ, въ которомъ Онъ раскается; и мы пребудемъ въ постоянной твердости всякаго блага, имѣя наставникомъ и предводителемъ Самого Христа.

Два периода отступленія отъ вѣры въ Бога предъ явленіемъ антихриста.

Въ Посланіяхъ Апостоловъ Павла и Петра изображается въ общихъ чертахъ умственное, нравственное и религіозное состояніе человѣчества въ послѣднія времена, дается общая характеристика этихъ временъ. Но эта характеристика охватываетъ не всѣ стороны жизни тогдашняго человѣчества. Напр., на основаніи словъ Апостола Павла (2 Тим. 3, 1—8), что люди въ послѣдніе дни будутъ *самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злорѣчивы, родителямъ непокорны, ... недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящіе добра, предатели, нислы, напыщенны* и т. п., хотя и можно дѣлать выводъ, что въ послѣднія времена международныя отношенія придутъ въ большое разстройство, и война сдѣлается обыкновеннымъ дѣломъ людей, однако прямо объ этомъ у Апостола не говорится; объ этомъ можно только догадываться. Не говорится прямо въ Посланіяхъ апостольскихъ и о другихъ страшныхъ бѣдствіяхъ, которыя будутъ поражать человѣчество въ послѣднія времена. Кромѣ того, оцѣнка умственного, нравственного и религіознаго состоянія людей у Апостола Павла относится ко всему протяженію послѣднихъ временъ, и потому-то это состояніе и изображено въ общихъ чертахъ. Но послѣднія времена будутъ продолжаться не нѣсколько лѣтъ, а, повидимому, очень долго, и состояніе людей въ теченіе ихъ будетъ подвергаться значительнымъ перемѣнамъ. Быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, будутъ измѣняться въ послѣд-

нія времена международныя отношенія. Въ кипучемъ круговоротѣ взаимной розни между людьми, ожесточенной борьбы между сословіями и состояніями, между народами и царствами, легче, чѣмъ когда нибудь, будутъ переходить изъ рукъ въ руки преобладаніе и владычество. Страшный эгоизмъ, легкомысліе, развращеніе нравовъ, разпущенность страстей, утрата благоговѣнія къ Богу, отсутствіе страха предъ законами и властію, извращеніе всѣхъ отношеній, потрясутъ самыя крѣпкіе тропы, подорвутъ благосостояніе самыхъ благословенныхъ и богатыхъ странъ, распатаютъ семейныя узы, гражданскіе порядки и весь общественный строй, зажгутъ пламя бунтовъ и междоусобицы, водворятъ повсюду раздоры, приведутъ ко всеобщей войнѣ. При такомъ состояніи ничого не будетъ прочнаго, надежнаго, нераспатаннаго. Лжепророки разнесутъ смущающія людей предсказанія, лжеучители распространять свои сумасбродные вымыслы. Одни тираны будутъ низвергать другихъ, и сами вскорѣ будутъ подвергаться той же участи; рабы вырвутъ власть у владыкъ, но и сами скоро сдѣлаются жертвами другихъ честолюбцевъ. — Всеобщее разстройство увеличится отъ тяжкихъ бѣдствій, которыя достанутся въ удѣлъ тогдашняго несчастнаго человечества отъ внѣшней природы. Страшные физическіе перевороты не только измѣнятъ состояніе народовъ и царствъ, но и самое лице земли.

Само собой понятно, что чрезвычайная важность событій, которыя въ послѣднія времена сотрясутъ человечество, разнообразіе этихъ событій и быстрота, съ которою они будутъ слѣдовать другъ за другомъ, или и совершаться одновременно, а съ другой стороны, необычайная податливость тогдашнихъ людей къ перемѣнамъ, не позволяютъ думать, чтобы состояніе людей предъ самымъ пришествіемъ антихриста было почти такое же, какое будетъ въ самомъ началѣ того состоянія, которое Апостоль Павелъ назвалъ отступленіемъ. Дѣйствительно, въ рѣчи Иисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и о кончинѣ міра, а также въ символическихъ видѣніяхъ, описанныхъ въ Апокалипсисѣ, мы находимъ различеніе, хотя и не очень ясное и вразумительное, періодовъ въ послѣднихъ временахъ. Какъ изъ рѣчи Иисуса Христа, записанной тремя первыми Евангели-

стами, такъ и изъ Апокалипсиса мы узнаемъ, что предъ копчиной міра не сразу, не вдругъ настануть самыя тяжкія времена, а постепенно, въ теченіи неизвѣстно какого времени, будутъ, съ одной стороны, усиливаться зло, а съ другой, умножаться бѣдствія. Въ рѣчи Іисуса Христа и въ Апокалипсисѣ прямо и подробно указаны многія такія черты состоянія челоувѣчества въ послѣднія времена и такія событія, имѣющія тогда совершиться, которыя у Апостоловъ Павла и Петра или совсѣмъ не указаны, или слитно представлены въ одной общей картинѣ и едва обозначены намеками. Поэтому мы посвящаемъ особую главу характеристикѣ отступленія, которое будетъ предъ антихристомъ, характеристикѣ до-антихристово періода послѣднихъ временъ, заключающейся въ рѣчи Іисуса Христа о кончинѣ міра и въ Апокалипсисѣ.

Многіе придутъ, сказалъ Іисусъ Христосъ, подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ, и многихъ прельстятъ. Также услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежитъ всему тому быть. Но это еще не конецъ: ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство; и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ: все же это начало болѣзней (Мѡ. 24, 5—7). Вотъ описаніе замѣтнаго начала частію богоотступничества многихъ людей, совращаемыхъ въ лжевѣріе и безбожіе лжехристами, частію страшныхъ бѣдствій, которыя большею частію будутъ вызваны самими же людьми, — ихъ безбожіемъ и нравственнымъ развращеніемъ и вообще всѣми тѣми свойствами зла, которыя указаны Апостоломъ Павломъ при описаніи людей послѣднихъ временъ. По изображенію Апостола, люди будутъ *самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злортчивы, родителямъ непокорны, неблагоприятны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящіе добра, предатели, наглы, напыщенны, сластолюбивы* (2 Тим. 3, 2—4); а это все такія свойства, при которыхъ соблюсти миръ не возможно, которыя неизбѣжно и скоро вызовутъ раздоры, соперничество, всеобщую вражду и ненависть, борьбу всѣхъ противъ cadaго, и cadaго противъ всѣхъ, — вооружатъ одни народы противъ другихъ и произведутъ страшныя

войны. По пятамъ войнъ обыкновенно слѣдуютъ эпидеміи: тифы, диссиптерія, холера, чума. При продолжительныхъ и всеобщихъ войнахъ поля остаются незаасѣянными, а засѣянные, равно какъ сады и виноградники, бываютъ потоптаны и уничтожаются. Отъ этого распространится голодъ, который въ свою очередь можетъ вызвать новыя жестоčenныя войны изъ за куска хлѣба и усилить эпидеміи. Само собой понятно, что пужно не краткое время для того, чтобы произведены были эти войны, которыя, какъ видно изъ самаго выраженія: *возстанетъ народъ на народъ и царство на царство*, и широтой распространенія, и жестоčenностью, будутъ далеко превосходить воинственныя эпохи Навуходносора, Кира, Александра Македонскаго, Римскихъ полководцевъ, Аттилы, Мохаммеда, Чингисъ-Хана, Тамерлана, Валленштейна и Наполеона. Это будутъ войны всемірныя. вспыхнетъ война въ одномъ мѣстѣ, опустошатся сады и поля, выгорятъ селенія, превратятся въ обгагреныя кровью развалины богатые и многолюдные города, разбѣгутся жители, цвѣтущія страны сдѣлаются пустынями, полягутъ на полѣ брани и отъ заразительныхъ болѣзней бойцы, война сама собой затихнетъ; но не успѣетъ она прекратиться въ одной части земли, какъ кровавое зарево ея разольется по другимъ странамъ и частямъ міра. Очевидно, что это страшное начало (*начало болѣзней*) еще болѣе ужаснаго конца продолжится не краткое время, что этотъ первый періодъ послѣднихъ временъ, — періодъ появленія лжехристовъ, возвращенія людей въ лжевѣріе и безбожіе, нечестія, умственнаго и нравственнаго упадка, кровопролитныхъ повсемѣстныхъ войнъ и физическихъ бѣдствій, — будетъ продолжаться не нѣсколько, а много лѣтъ. *Но это еще не конецъ.*

Въ значеніи характерной черты и вмѣстѣ съ тѣмъ производящей причины антихристіанства начальнаго періода послѣднихъ временъ указывается въ рѣчи Іисуса Христа появленіе многихъ лжехристовъ, которые многихъ обольстятъ своимъ лжеученіемъ, многихъ отторгнутъ отъ Христа и обратятъ въ свою вѣру. Эту черту и эту причину богоотступничества въ послѣднія времена указываетъ неоднократно и Апостоль Павелъ, говоря, что тогда *отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бисовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ*

(1 Тим. 4, 1. 2). Искусителями людей будутъ собственно злые духи, но они будутъ дѣйствовать чрезъ людей—лжеучителей, которые, лицемѣрно, или въ безразсудномъ самообольщеніи, проповѣдуя строгую нравственность, именно—запрещая вступать въ бракъ и употреблять нѣкоторые виды пищи, на самомъ дѣлѣ будутъ этой личиной мнимаго благочестія совращать людей въ свое лжевѣріе и отторгать отъ Христа христіанъ. Быть можетъ, эти же самые лжеучители, приписывая себѣ высокую нравственную чистоту и требуя отъ другихъ, объявятъ себя христами. Между тѣмъ какъ одни будутъ отторгать отъ Христа льстивыми лжеученіями, обманомъ, лицемѣрнымъ благочестіемъ, выдавая себя за Христа и лицемѣрно подражая Его ученію и жизни, другіе лжеучители, напротивъ, будутъ нагло отрицать Христа и Бога, проповѣдывать свои ученія, совершенно противныя христіанству, вводить нравы и порядки, прямо безбожныя. *Это наглые ругатели, поступающіе по собственнымъ своимъ похотямъ* (2 Петр 3, 3). А когда вопреки имъ люди станутъ ссылаться на появленіе предреченныхъ въ Писаніи признаковъ втораго пришествія Іисуса Христа, они будутъ нагло отвергать ихъ значеніе и говорить: *Гдѣ обѣтованіе Его пришествія? Ибо съ тѣхъ поръ, какъ стали умирать отцы, отъ начала творенія, все остается такъ же* (2 Петр. 3, 4). Люди станутъ указывать имъ на войны, глады, морь и землетрясенія, а также и на развращеніе нравовъ, но они отвѣтятъ: такъ всегда бывало и всегда будетъ. Какъ *люди, отдѣляющіе себя отъ единства вѣры, душевные, не имѣющіе духа* (Іуд. 19), они будутъ имѣть *глаза, которыми не видятъ, и уши, которыми не слышатъ* (Иса. 29, 10; Второз. 29, 4; Римл. 11, 8). Несмотря на ужасныя бѣдствія, равнодушно ко всему относясь и не замѣчая всеобщаго развращенія нравовъ, а то и прямо сочувствуя ему, они будутъ говорить: *миръ и безопасность*, тогда, когда *внезапно постигнетъ ихъ пагуба* (1 Сол. 5, 2. 3). Безъ сомнѣнія, ихъ безчувственность и безпечность отъ нихъ сообщатся многимъ другимъ, а дерзкая проповѣдь отрицанія и невѣрія такихъ *наглыхъ ругателей* не менѣе отторгнетъ людей отъ вѣры въ Бога и Христа, чѣмъ вкрадчивая, льстивая, притворно-набожная рѣчь лжехристовъ.

Ученіе и дѣятельность лжехристовъ и безбожниковъ и будутъ главными и первыми источниками распространенія безнравственности, лжевѣрія, нечестія, антихристіанства и положительнаго безбожія въ самомъ началѣ „последнихъ временъ“. Но можно также предполагать, что большіе успѣхи лжемессіанской и безбожной дѣятельности и ученій этихъ предшественниковъ антихриста (они *многизъ прельстятъ*) въ значительной мѣрѣ будутъ зависѣть отъ того, что они найдутъ въ состояніи умовъ и въ направленіи жизни тогдашняго человѣчества подходящую себѣ почву. А эта почва, въ свою очередь, будетъ подготовлена предшествующимъ ходомъ исторіи человѣчества, постепеннымъ накопленіемъ въ человѣчествѣ зла и усиленную дѣятельностію сатаны, который, въ предчувствіи и ожиданіи скорого конца своего владычества на землѣ и окончательнаго осужденія (Иуд. 6), съ особенною и страшною яростію направитъ свои злыя ковы противъ вѣрующихъ въ Бога и особенно противъ христіанъ (Апок. 12, 12—17). Возникши и возросши на почвѣ лжевѣрія, антихристіанства и безбожія, которыхъ и всегда въ мірѣ не мало, а къ тому времени будетъ еще больше, лжехристы и безбожники, находя поддержку въ средѣ, смѣло и съ успѣхомъ будутъ сѣять свои лжеученія и еще болѣе усилить и распространять лжевѣріе, нечестіе, безнравственность и безбожіе.

Характерныя черты этого, начальнаго, періода „последнихъ временъ“ слѣдующія. Умноженіе на землѣ бѣдствій, которыя будутъ частію естественными результатами нечестія и беззаконій людей, частію наказаніемъ Божиимъ людей за ихъ богоотступничество и растлѣніе. Преобладающими свойствами людей сдѣлаются: 1) эгоизмъ, который будетъ проявляться въ гордости, надменности, неблагодарности, клеветѣ, недружелюбіи, враждѣ, предательствѣ, непокорности родителямъ и т. п.; 2) чувственность, которая выразится въ невоздержаніи и сластолюбіи; 3) всепоглощающая склонность къ удобствамъ матеріальной жизни, которая обнаружится въ сребролюбіи и сластолюбіи; 4) поверхностная любознательность, превратное направленіе и безсиліе ума, неспособность любить истину и достигать ея и отсюда противленіе ей; 5) непониманіе и незнаніе истинъ вѣры, маловѣріе, лжевѣріе и окончательное невѣріе; 6) ли-

цѣмѣрное благочестіе и совершенное нечестіе; 7) чрезвычайное усиленіе грѣховнаго начала въ человѣкѣ и отсюда несочувствіе добру, доходящее до положительной ненависти къ нему; 8) вмѣстѣ съ лоскомъ внѣшней образованности и процвѣтаніемъ знанія и искусствъ, содѣйствующихъ земному благосостоянію человѣка, чрезвычайное нравственное огрубѣніе и одичаніе, которое обнаружится въ безбожїи, лицемерїи и нечестїи въ отношенїи къ Богу, въ ненависти, враждѣ, безчеловѣчїи и жестокости въ отношенїи къ людямъ, въ господствѣ низшихъ, животныхъ инстинктовъ надъ идеальными стремленїями въ самомъ человѣкѣ; наконецъ, 9) склонность къ своеволю и безначалїю, которая сначала будетъ проявляться въ непокорности родителямъ, а затѣмъ и въ отрицанїи всякой вообще власти, и которая будетъ зародышемъ междуусобиць, кровопролитныхъ войнъ, общественной, государственной и международной неурядицы и полной и всеобщей анархїи.

Для полноты характеристики слѣдуетъ указать еще два обстоятельства.

Во 1-хъ, главными выразителями всѣхъ указанныхъ дурныхъ свойствъ и дѣятельными распространителями зла явятся тогда лжемессїи и другїе лжеучители, а также явные безбожники. Безъ сомнѣнїя, многіе изъ нихъ будутъ выдѣляться изъ толпы и господствовать надъ нею формальными преимуществами ума и воли и благодаря этому, а также и соотвѣтствїю своей проповѣди съ духомъ времени, они будутъ имѣть временный успѣхъ въ своей проповѣди. Формальные достоинства ихъ ума и воли не спасутъ ихъ отъ всепоглощающаго потока грѣха, а, напротивъ, сдѣлаются въ рукахъ діавола сильнѣйшими орудїями для распространенїя зла. Подъ напоромъ силы зла богатые дарованїя внушатъ этимъ людямъ гордость, честолюбіе и властолюбіе; острота ума не направитъ ихъ къ божественной истинѣ, а послужитъ источникомъ коварства и тонкой лести и лжи; энергїя воли послужитъ цѣлямъ эгоизма, деспотизма и честолюбія. Одни изъ нихъ, безумно надмеваясь своими силами и достоинствами, пагло вооружатся противъ религїи и установленнаго нравственнаго и гражданскаго строя жизни. Въ виду начавшагося религіознаго, умственнаго и нравственнаго упадка, они будутъ рассчитывать найти сочув-

ствіе и поддержку своему отрицанію среди многихъ и потому будутъ выражать его съ необыкновенной пагlostію и дерзостію. Это *наглые ругатели*. Другіе изъ богато одаренныхъ силами ума и воли людей, наблюдая броженіе и путаницу религіозныхъ и другихъ идей въ умахъ современниковъ, возникновеніе разнообразныхъ мнѣній и религіозныхъ сектъ, взаимную борьбу ихъ и неспособность современниковъ разобраться въ хаосѣ мнѣній и вѣрованій, замѣчая въ то же время упадокъ нравственности и одичаніе людей, произведутъ опыты религіозныхъ, моральныхъ и социальныхъ реформъ, задумаютъ пересоздать вѣрованія, понятія и строй жизни человѣчества. Но при этомъ они не скажутъ вмѣстѣ съ Петромъ: *Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Іоан. 6, 68. 69); не обратятся они ни къ слову Божію, ни къ преданіямъ и ученію Церкви, ни къ образцамъ жизни Христа, Апостоловъ, Святыхъ; или если и обратятъ вниманіе на ихъ ученіе и подвиги жизни, то безрасудно извратятъ и переиначатъ ихъ смыслъ, самовольно одно примутъ, другое отвергнутъ; или же признаютъ ихъ ученіе устарѣвшимъ, несоотвѣтствующимъ потребностямъ времени и неспособнымъ уврачевать его язвы; измыслятъ свои ученія и возмечтаютъ пересоздать ими весь строй жизни, горделиво вообразятъ себя вдохновенными свыше пророками, провозвѣстниками воли Божіей, особыми орудіями Провидѣнія, призванными и уполномоченными имъ для совершенія великихъ дѣлъ; въ самообольщеніи они объявятъ себя христами и будутъ проповѣдывать свою вѣру, какъ высшую и лучшую изъ всѣхъ. Почальный результатъ будетъ тотъ, что они многихъ прельстятъ. Столь безумное самообольщеніе и самопревозношеніе психологически понятно. Богатыя дарованія, соединенныя съ гордостію и блестящими усиліями, побуждаютъ ихъ обладателей воображать себя чрезвычайными посланниками неба, людьми рока, избранниками Провидѣнія, отъ рожденія предназначенными для совершенія міровыхъ переворотовъ, даже доводятъ ихъ до самообоготворенія. Такъ, высшій изъ сотворенныхъ духовъ возмечталъ быть равнымъ Богу; Навуходоносоръ не считалъ невозможнымъ выше звѣздъ Божіихъ

вознести престолъ свой, быть подобнымъ Всевышнему (Иса. 14, 13. 14); Мохаммедъ, Аттила, Чингисъ-Ханъ, Наполеонъ и даже Бисмаркъ объявляли себя чрезвычайными посланниками Божиими и этимъ оправдывали свою разрушительную дѣятельность, въ людей вѣдряли суевѣрный страхъ къ себѣ, а въ себѣ укрѣпляли вѣру въ безусловный успѣхъ своихъ предпріятій, въ свою счастливую звѣзду; Гегель самообольщенно считалъ свою философію высшей ступенью, до которой дошло Абсолютное въ своемъ мировомъ развитіи и въ сознаниіи человѣчества. А лжеучителямъ послѣднихъ временъ тѣмъ удобнѣе будетъ объявить себя христами, что при тогдашнемъ крайнемъ умственномъ и нравственномъ разслабленіи это не покажется безразсудствомъ и не вызоветъ достаточно сильнаго отпора со стороны людей, *всегда учащихъся и никогда не могущихъ дойти до познанія истины*, противящихся истинѣ, развращенныхъ умомъ, невѣждъ въ вѣрѣ. Скажемъ болѣе: парадоксальность, новизна и безумная смѣлость ученій лжепророковъ и лжехристовъ именно и будутъ пріятно затрогивать легкомысленное любопытство и нравиться извращенному вкусу тогдашнихъ людей, которые не будутъ имѣть ни возвышенности разума, ни рассудочной трезвости, ни здравыхъ взглядовъ, ни любви къ простотѣ истины, ни нравственной устойчивости, ни твердости въ вѣрѣ. Ихъ пресыщенному вкусу старыя вѣчныя истины будутъ казаться слишкомъ простыми, скучными, школьническими и безплодными понятіями; ихъ будетъ привлекать и прельщать ложь, лишь бы она сулила золотыя горы, была или казалась новымъ, никогда несслыханнымъ словомъ, льстила самолюбію, отвѣчала извращеннымъ вкусамъ и потребностямъ.

Во 2-хъ, важно и страшно не то, что въ послѣднія времена будутъ такіе люди, какими ихъ описываетъ Апостолъ Павелъ въ Посланіяхъ къ Тимошею, а то, что они будутъ въ преобладающемъ числѣ, что ихъ будетъ очень много, что именно они, а не добрые, будутъ давать тонъ и направленіе жизни. Дурныхъ людей, имѣющихъ то тѣ, то другія свойства зла, упоминаемая Апостоломъ Павломъ, на землѣ всегда много; но никогда ихъ не было и не будетъ столько и никогда они не имѣли и не будутъ имѣть столько силы и власти на землѣ, какъ въ послѣднія вре-

мена. Апостоль не говорить, что въ послѣднія времена *будутъ* люди съ такими-то и такими-то дурными свойствами, а говорить, что *люди* будутъ такими-то и такими-то злыми, т. е., не нѣкоторые, а, взятые въ массѣ, почти всѣ будутъ злыми, добрые же будутъ исключеніями, рѣдкостію. Такое ужасное скопленіе зла и чрезвычайное умноженіе злыхъ, какое будетъ въ послѣднія времена, было развѣ только предъ потопомъ, когда всѣ люди стали *плоть*, всѣ пренебрегали Духомъ Божиимъ, такъ что пришлось всѣхъ ихъ истребить потопомъ, за исключеніемъ одного праведнаго семейства. *Какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и во дни Сына Человѣческаго: ѣли, пили, женились, выходили за мужъ, до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и пришелъ потопъ и погубилъ всѣхъ* (Лук. 17, 26. 27). Глубокое погруженіе въ матеріальные интересы съ исключеніемъ идеальныхъ стремленій, любовь только къ земной жизни съ безпечнымъ отношеніемъ къ высшимъ потребностямъ духа, съ пренебреженіемъ ко всему божественному, доходящимъ до положительной вражды къ Богу, къ религіи, къ истинѣ, къ добру, и разнуздывающимъ всѣ грѣховныя склонности и страсти чловѣка, и отъ этого страшный разливъ и владычество зла среди людей—вотъ какимъ будетъ чловѣчество въ послѣднія времена. По истинѣ оно будетъ *плоть* и будетъ *пренебрегать Духомъ Божиимъ* (Быт. 6, 3).

Впрочемъ, зло въ послѣднія времена не сразу достигнетъ высокой степени напряженія и повсемѣстнаго распространенія. Равнымъ образомъ и бѣдствія, которыя тогда постигнуть чловѣческой родъ, будутъ усиливаться и распространяться постепенно. Исобыкновенная сила и распространенность зла и бѣдствій будутъ принадлежать всѣмъ періодамъ послѣднихъ временъ; но эти періоды будутъ отличаться степенями силы и распространенія зла и бѣдствій и нѣкоторыми частными своеобразными особенностями. Начало „послѣднихъ временъ“ будетъ служить подготовкой конца ихъ, и конецъ ихъ будетъ завершеніемъ начала.

Первый періодъ „послѣднихъ временъ“, сейчасъ описанный нами, обозначенъ въ Евангеліи словами: „это еще не конецъ“; „все это—начало болѣзней“ (Мѣ. 24, 6. 8).

Возможно, что именно этотъ же начальный періодъ по-

слѣднихъ временъ изображается въ Апокалипсисѣ символически подѣ образомъ открытія Аглицемъ третьей печати и явленія воронаго коня ¹⁾). *Когда Онъ (Аглицъ) снялъ третью печать, я слышалъ третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянулъ, и вотъ, конь вороной, и на немъ всадникъ, имѣющій мѣру въ руки свои. И слышалъ я голосъ посреди четырехъ животныхъ, говорящій: живишь ²⁾ пшеницы за динарій ³⁾, и три живишь*

1) Открытіе первой печати и явленіе бѣлаго коня съ всадникомъ, имѣющимъ лукъ и вѣнецъ, означаютъ дѣятельность Апостоловъ; снятіе второй печати и явленіе коня рыжаго съ всадникомъ, имѣющимъ большой мечъ, означаютъ проповѣдь и страданія мучениковъ.

Такъ изъясняетъ это мѣсто въ своемъ „Толкованіи на Апокалипсисъ“, гл. 13 и 14, Андрей, Архіепископъ Кесарійскій, учитель Церкви литаго вѣка. Такъ какъ мы будемъ часто ссылаться на его книгу, то сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія о ней. Хотя Андрей и не причисленъ Церковію къ лику святыхъ, тѣмъ не менѣе его „Толкованіе на Апокалипсисъ“ есть самое авторитетное изъ всѣхъ толкованій на эту книгу, потому что во многихъ случаяхъ онъ основывался на ученіи св. отцовъ: Иустина Мученика, Григорія Богослова, Кирилла Иерусалимскаго, Епифанія Кипрскаго и особенно Мееодія Патарскаго, которому онъ особенно часто и предпочтительно слѣдовалъ. Это послѣднее обстоятельство очень важно, потому что Мееодій самъ написалъ Толкованіе на Апокалипсисъ, но оно, къ сожалѣнію, до насъ не дошло, и мы только въ твореніи Андрея имѣемъ мысли изъ Толкованія на Апокалипсисъ этого авторитетнаго отца Церкви. Важны не отдѣльныя только мысли, заимствованныя Андреемъ у Мееодія, а еще то, что сочиненія Мееодія оказали вліяніе на самый духъ и характеръ толкованія Андрея и на рѣшеніе многихъ важныхъ и темныхъ вопросовъ. Толкованіе Андрея и само по себѣ имѣетъ большія достоинства. Арева уже подражалъ Андрею въ своемъ „Толкованіи на Апокалипсисъ“. Равно и „Толкованіе на Апокалипсисъ“ Примазія, Епископа Адруметскаго, по авторитетности не равняется съ твореніемъ Андрея, а можетъ служить только дополненіемъ къ нему.— На славянскій, а позже на русскій языкъ „Толкованіе на Апокалипсисъ“ Андрея было переводимо многократно. Доселѣ сохранились нѣкоторые старинные переводы въ рукописяхъ. Въ 1625 г. въ первый разъ твореніе Андрея было напечатано въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ переводѣ на славяно-русскій языкъ, нарочито сдѣланномъ для этого Лаврентіемъ Зизаніемъ. Это изданіе было перепечатано въ Москвѣ въ 1712 и въ 1768 г. Новый переводъ на русскій языкъ, сдѣланный П. М. Б., былъ изданъ въ Москвѣ въ 1882 г., и въ 1884 вышелъ вторымъ изданіемъ. Въ 1889 г. Братствомъ св. Петра Митрополита въ Москвѣ былъ изданъ старинный славянскій переводъ конца 13 в. съ присоединеніемъ новаго русскаго перевода.

²⁾ *хѣицѣ*—малая хлѣбная мѣра.

³⁾ Динарій—монета, соответствующая дневной платѣ подонщику.

ячменя за динарій; елѣя же и вина не повреждай (Апок. 6, 5. 6).

Андрей Кесарійскій слѣдующимъ образомъ толкуетъ это видѣніе: „*Третье животное*, какъ думаю, есть человѣкъ, показывающій паденіе людей, и по причинѣ сего наказаніе, ради склонности ко грѣху по власти произволенія. *Воронымы* (чернымъ) *конемъ*, думаю, означается плачь объ отпавшихъ отъ вѣры Христовой, по причинѣ тяжести наказаній. *Мырило* есть различіе тѣхъ, которые отпали отъ вѣры или по нетвердости разумѣнія, или по тщеславію, или по слабости тѣла. *Мыра пшеницы за динарь*. Можетъ быть, и чувственный голодъ будетъ тогда, какъ сказано будетъ далѣе. *Мыра пшеницы*, стоящая динарій, въ переносномъ смыслѣ указываетъ на подвизавшихся законно и тщательно сохранившихъ дарованный имъ Божественный образъ. *Три мыры ячменя* — означаютъ тѣхъ, кои, по недостатку мужества, скотоподобно покорились мучителямъ, впослѣдствіи же покаялись и слезами омыли оскверненный образъ. А что повелѣвается не вредить *вина и елѣя*, значитъ то, чтобы не было отлагаемо врачеваніе Христово по причинѣ смущенія, чтобы врачевать имъ впадшихъ въ разбойники и узвѣленныхъ, и не допускать смерти похищать тѣхъ, кои по долготерпѣнію Божію имѣютъ одержать побѣду“ (...¹⁾).

Хотя нѣкоторые снятіе всѣхъ семи печатей относили къ домостроительству воплощенія Бога Слова, но мы, говоритъ Андрей Кесарійскій, „послѣдуемъ Мееодію, который буквально такъ сказалъ: нѣтъ пужды думать тутъ о Самомъ Христѣ родившемся, ибо задолго прежде Апокалипсиса исполнилось таинство воплощенія Бога Слова; Іоаннъ же говоритъ о настоящемъ и будущемъ. Здѣсь излагаетъ онъ, какъ совершенно было покореніе огненного дракона“²⁾.

Голодъ, кровопролитіе, отступничество отъ вѣры и дру-

¹⁾ Толкованіе на Апокалипсисъ, гл. 15.

²⁾ Тамъ же, глава 13. Мееодій, которому Андрей Кесарійскій слѣдовалъ въ истолкованіи 6-й гл. Апокалипсиса, есть Епископъ Патарскій, святой, мученикъ и отецъ Церкви 3-го в., пострадавшій за Христа въ началѣ 4-го вѣка, 310—312 гг. Сочиненіе Мееодія, изъ котораго Андрей Кесарійскій

гія нравственныя и фізическія бѣдствія изображаются приблизительно одинаково, какъ въ начальныхъ словахъ рѣчи Іисуса Христа о послѣднихъ дняхъ Іерусалима и о послѣднихъ временахъ міра, такъ и въ апокалипсическомъ видѣніи открытія третьей печати по изъясненію сего видѣнія Св. Меводіемъ, Епископомъ Патарскимъ, и Андреємъ, Архіепископомъ Кесарійскимъ.

За первымъ, начальнымъ періодомъ *послѣднихъ дней*, въ теченіи котораго будутъ являться лжехристы и обольщать многихъ, будутъ страшныя войны, глады, моры и землетрясенія, и который, повидимому, продолжится не малое время, послѣдуетъ второй періодъ. Онъ описывается въ слѣдующихъ словахъ: *Тогда будутъ предавать васъ на мученія и убивать васъ; и вы будете ненавидими всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие; и другъ друга будутъ предавать, и возненавидятъ другъ друга; и многие лжепророки возстанутъ и прельстятъ многихъ; и по причинѣ умноженія беззаконія во многихъ охладѣтъ любовь; претерпѣвшій же до конца спасется; и проповѣдано будетъ сіе Евангеліе Царствія по всей вселенной во свидѣтельство всемъ народамъ; и тогда придетъ конецъ* (Мѡ. 24, 9—14) ¹⁾.

черпалъ мысли, есть, безъ сомнѣнія, *Толкованіе на Апокалипсисъ*, до насъ не дошедшее. Впрочемъ онъ заимствуетъ иногда мысли также и изъ другихъ сочиненій Меводія, которыя дошли до насъ, напр., изъ сочиненія: „Ширъ десяти дѣвъ“.

¹⁾ Должно замѣтить, что Іоаннъ Златоустъ въ Бесѣдахъ на Евангелиста Маттея (Бес. LXXV—LXXVII) предсказаніе Іисуса Христа, какъ оно изложено въ 24-й гл. Евангелія отъ Маттея, раздѣляетъ на двѣ половины: слова до 22-го стиха включительно онъ относитъ только къ опустошенію Іерусалима при императорѣ Веспасіанѣ; а рѣчь съ 23-го стиха относитъ исключительно къ послѣднимъ временамъ міра. Но такое толкованіе не только не есть общепринятое, но даже не имѣетъ преимуществъ предъ иными толкованіями. Большинство отцовъ не на сторонѣ этого толкованія. Такъ, наприм., слова стиха 14-го о проповѣданіи Евангелія царствія по всей вселенной какъ древними, такъ и новыми толкователями принято относить къ послѣднимъ временамъ міра, тогда какъ къ временамъ Апостоловъ они могутъ быть прииѣнены только гиперболически. Равнымъ образомъ слова 21 и 22-го стиха о великой скорби и о сокращеніи дней ея отцы относили къ днямъ антихриста, а не къ днямъ осады и опустошенія Іерусалима Римлянами. Даже Епископъ Михаилъ, не смотря на то, что при составленіи своего Толковаго Евангелія руководствовался пре-

Въ теченіи втораго періода сила зла начальнаго періода разовьется, умножится и распространится еще болѣе,—умножится до такой степени, что охладѣетъ любовь и оцѣпенѣетъ сила добра даже въ тѣхъ, которые явно не стануть на сторону беззаконія и не будутъ ему сочувствовать, и что тѣмъ, которые устоятъ въ добрѣ и спасутся, придется пить чашу страданій. При необычайномъ разливѣ безбожія и беззаконія всѣ добродѣтельные и вѣрующіе въ Бога люди будутъ претерпѣвать униженію, лишенія, нравственное одиночество, подвергаться соблазнамъ, утѣсненіямъ и положительнымъ мученіямъ, а потому только особенно сильные въ вѣрѣ и добрѣ вынесутъ тяжесть страданій до конца, не смотря ни на что не отпадутъ отъ Бога, не отступятся отъ добра, спасутся; всѣ прочіе будутъ или обольщены ученіями лжехристовъ и лжепророковъ, или, увлеченные всепоглощающимъ потокомъ распространившагося и усилившагося зла, бессознательно, безвольно поддадутся примѣру всѣхъ, или же будутъ отторгнуты отъ Бога и добра мученіями со стороны невѣрующихъ и беззаконныхъ гонителей. Истинныхъ

имущественно и во первыхъ Бесѣдами на Евангелистовъ Златоуста, говоритъ: „Св. Златоустъ, Блаж. Теофилактъ и нѣкоторые другіе полагаютъ, что съ этого стиха (23-го) начинается отвѣтъ Спасителя на второй вопросъ учениковъ, — о времени кончины міра и втораго пришествія Господа на всемірный страшный судъ. Но нѣкоторыя черты дальнѣйшаго изображенія не вполне удобно прилагаются къ симъ событіямъ, а удобнѣе къ тому же событію разрушенія Іерусалима... Не слѣдуетъ опускать изъ виду того, что послѣднее изъ упомянутыхъ событій служитъ образомъ перваго, а потому и изображаются они не въ строгой раздѣльности, и нѣкоторыя черты болѣе приложимы къ одному; другія — къ другому событію“ (Толковое Евангеліе, Книга первая, изд. второе, стр. 468). Впрочемъ, въ дѣйствительности авторъ Толковаго Евангелія объясняетъ и 24-ю главу отъ Матвея по Златоусту и подражается его Теофилакту Болгарскому и все содержаніе до 23-го стиха относитъ къ разрушенію Іерусалима, а въ дальнѣйшихъ стихахъ находитъ указаніе на кончину міра, но нѣкоторые изъ нихъ прилагаетъ также и къ эпохѣ разрушенія Іерусалима. Только тѣмъ и отличается его толкованіе отъ изъясненія Златоуста, что между тѣмъ какъ Златоустъ свое изъясненіе второй части рѣчи Іисуса Христа примѣняетъ только къ кончинѣ міра, Михаилъ то же изъясненіе Златоуста примѣняетъ еще и къ эпохѣ разрушенія Іерусалима.—Мы же полагаемъ, что во всей рѣчи Іисуса Христа заключается предсказаніе о послѣднихъ временахъ міра и, кромѣ того, во многихъ словахъ ея предсказаны событія осады и опустошенія Іерусалима Римлянами.

христіанъ за имя Христа люди будутъ ненавидѣть, мучить, убивать: безбожнымъ и беззаконнымъ будутъ ненавистны люди боголюбивые и добродѣтельные. Такъ и всегда бываетъ. Но такъ какъ тогда безбожныхъ и злыхъ будетъ очень много, и зло будетъ господствовать и давить добро, то поэтому истинно вѣрующимъ и добродѣтельнымъ и придется пережить небывало тяжкую годину. Впрочемъ и злые люди будутъ страдать не меньше добродѣтельныхъ, не будучи притомъ ободряемы и утѣшаемы вѣрой въ Бога и надеждой на будущія награды за свои страданія. Зло имѣетъ свойство не только враждовать противъ добродѣтельныхъ, но возжигаетъ ненависть и борьбу и въ средѣ самихъ злыхъ, вооружая ихъ другъ противъ друга. *Всѣ, взявше мечъ, мечемъ погибнутъ* (Мѡ. 26, 52). И тѣмъ болѣе умножается зло, тѣмъ болѣе усиливается и распространяется челоуѣконенавистничество. Въ описываемое нами время оно возрастетъ до такой ужасной степени, что, вопреки природѣ, люди будутъ рвать и попирать узы самаго близкаго кровнаго родства, и, опьяненные ядомъ зла, ослѣпленные безбожіемъ, обезумѣвшіе отъ страстей, въ кровожадности не уступятъ дикимъ звѣрямъ или и превзойдутъ ихъ. *Предастъ братъ брата на смерть, и отецъ дѣтей: и возстанутъ дѣти на родителей, и умертвятъ ихъ* (Мр. 13, 12). *Другъ друга будутъ предавать, и возненавидятъ другъ друга* (Мѡ. 24, 10).

Но зло и отрицаніе не могутъ наполнить души даже и злыхъ людей. И вотъ, вмѣсто утраченной истинной вѣры люди будутъ наполнять свой умъ, тѣшить воображеніе и питать сердце призраками вѣры, лжевѣріемъ, лжеученіями. Эту извращенную потребность вѣры будутъ удовлетворять лжепророки, которыхъ явится много, т. е., больше, чѣмъ когда бы то ни было. Не смотря на невѣрность и лживость ихъ ученій, они прельстятъ многихъ, потому что ихъ зловредныя и лживыя ученія будутъ соответствовать духу времени, будутъ нравиться извращенному и пресыщенному вкусу людей. Исторія челоуѣческой мысли представляетъ много примѣровъ, что самыя нелѣпыя и даже не новыя ученія были привѣтствуемы какъ геніальныя открытія, какъ послѣднее слово науки, какъ безспорныя и великія истины, если только они отвѣчали духу времени; и наоборотъ—

великія истины оставались въ забвеніи и пренебреженіи, или даже подвергались оплеванію, если онѣ были выше своего времени, или представляли обличительный контрастъ настроенію вѣка. Чѣмъ болѣзненнѣе эпоха, тѣмъ легче зарождаются, прививаются и распространяются нелѣпныя ученія, подобно тому, какъ чѣмъ меньше здоровыхъ соковъ и свѣжести въ деревѣ, тѣмъ больше на немъ бываетъ паразитовъ. И какъ эти паразиты въ конецъ истощаютъ и безъ того обезсилѣвшее дерево, такъ и плодящіяся въ тяжкія эпохи лжеученія еще болѣе заражаютъ и портятъ организмъ переживающаго такія эпохи человѣчества. Въ описываемую эпоху люди дойдутъ до глубокаго умственнаго, нравственнаго и религіознаго упадка. Такое состояніе ихъ естественно породитъ великое множество лжеучителей и лжепророковъ, будетъ благопріятствовать распространенію ихъ нелѣпныхъ ученій, а небывалые успѣхи ихъ частію легкомысленной, частію злонамѣренной, но во всякомъ случаѣ злоторной проповѣди еще болѣе помрачатъ здравый смыслъ людей, усилятъ путаницу понятій, многихъ отторгнуть отъ вѣры въ Бога, напоятъ людей лжевѣріемъ и тѣмъ доведутъ ихъ до конечной погибели. Нося названіе пророковъ, лжепророки, очевидно, будутъ возвѣщать что-то новое, неслыханное и чудесное, или, лучше, показывать видъ, что таково ихъ ученіе. И хотя ихъ ученіе будетъ не истина, а ложь, хотя оно принесетъ людямъ не пользу, а вредъ, ибо они не истинные пророки, а лжепророки; но такъ какъ въ то время оскудѣетъ истинное богопознаніе, ослабѣетъ любовь къ истинѣ, умъ людей отупѣетъ и помрачится страстями, а сердце будетъ тяготѣть къ низшимъ благамъ, и всѣ вообще силы души и вся жизнь примутъ превратное направленіе, то и нѣтъ ничего удивительнаго, что лживыя предсказанія лжепророковъ будутъ признаны чудесными открытіями, ихъ лестъ—пріятнымъ изяществомъ, ихъ мечты—живой дѣйствительностію, ихъ нелѣпости—великими и оригинальными истинами, ихъ фантастическіе планы—правилами счастливой жизни, до которыхъ наконецъ-то додумалось человѣчество, ихъ заповѣди—источниками истинной человѣческой жизни, ихъ ученіе—откровеніемъ свыше. Жалкая и страшная участь оболъщенныхъ лжепророками людей въ томъ, что они, несчастные, будутъ мнить себя достигшими высоты добродѣтели, свѣта

истины, счастья спасенія и высшихъ : благъ, а на самомъ дѣлѣ они будутъ погружены во тьму заблужденія, погрязнутъ въ порокахъ, раскрашенныхъ на подобіе добродѣтели, и вмѣстѣ съ своими слѣпыми вожаками пойдутъ въ погибель. Возможно, что многіе изъ лжепророковъ не будутъ отрицать христіанство и другія религіозныя ученія, не станутъ провозглашать совершенно новыя вѣрованія, а будутъ излагать христіанское же ученіе, равно какъ и другія вѣры изъ существовавшихъ и прежде, но только въ извращенномъ видѣ, придавая извращенію видъ новизны, и объявлять свои измышленія совершенно новымъ, небывалымъ ученіемъ. Нѣчто подобное мы видимъ и теперь, когда графъ Л. Н. Толстой, извращая Евангеліе и все христіанское ученіе, объявляетъ свое ученіе истиннымъ христіанствомъ, до котораго онъ впервые изъ всѣхъ христіанъ додумался, а всѣ будто-бы доселѣ понимали и понимаютъ христіанство навѣрно, извращали его. Ученіе многихъ лжепророковъ будетъ христіанствомъ, но только сектантскимъ, не лучшимъ гностицизма и язычества.

Однако нельзя думать, что въ то время останется мало христіанъ. Напротивъ, тогда Евангеліе будетъ проповѣдано по всей вселенной. Конечно, это не значить, что тогда всѣ люди до одного примутъ проповѣдь Евангелія; а означаетъ то, что всѣ народы услышатъ ее, что она дойдетъ до слуха всѣхъ людей, всѣ люди узнаютъ о Евангеліи. Въ подлинникѣ сказано: *Καὶ κηρυχθήσεται τοῦτο τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας ἐν ὅλῃ τῇ οἰκουμένῃ, εἰς μαρτυρίαν πᾶσι τοῖς ἔθνεσι, и проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царствія на всей вселенной, во свидѣтельство всемъ народамъ* (Мѡ. 24, 14). Также у другаго Евангелиста сказано: *Καὶ εἰς πάντα τὰ ἔθνη δεῖ πρῶτον κηρυχθῆναι τὸ εὐαγγέλιον, и во всѣхъ народахъ прежде должно быть проповѣдано Евангеліе* (Мр. 13, 10). У обоихъ Евангелистовъ употребленъ глаголъ *κηρύσσω*, что значить: провозглашаю, объявляю, призываю, извѣщаю, громко взываю, въ данномъ случаѣ провозглашаю слово Божіе, публично учу ¹⁾). Въ приведенныхъ

¹⁾ Глаголы же, выражающіе какъ сообщеніе наставленій со стороны учащихъ, такъ и воспринятіе этихъ наставленій со стороны учащихся, въ греческомъ языкѣ суть *διδάσκειν* и *μαθητεύω*, особенно послѣдній. Поэтому, напр. ученики Іисуса Христа въ Евангеліи называются *μαθηταί*.

словахъ рѣчь идетъ о проповѣданіи, или всенародномъ провозглашеніи Евангелія, а не о принятіи его. Предъ концомъ міра не будетъ ни одного народа и, можно думать, даже ни одного человѣка, который не слышалъ бы о евангельскомъ ученіи. Но это вовсе не значитъ, что всѣ услышавшіе евангельскую проповѣдь примутъ Евангеліе и сдѣлаются христіанами. Слышащихъ проповѣдь Евангелія всегда бываетъ гораздо больше, нежели принимающихъ Евангеліе, какъ это бываетъ съ проповѣдію и всякаго вообще ученія (Римл. 10, 13—21). *По всей землѣ прошелъ голосъ ихъ* (благовѣствующихъ), *и до предѣловъ вселенной слова ихъ. Но не все послушались благовѣствованія* (Римл. 10, 18 и 16). Такъ было при Апостолахъ, такъ было всегда, тоже будетъ и предъ концомъ міра. И мало того, что не всѣ примутъ Евангеліе, которые услышатъ проповѣданіе его: многіе даже возненавидятъ Евангеліе и вооружатся противъ проповѣдниковъ его. *Тогда будутъ предавать васъ на мученія, и убивать васъ; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое* (Мѣ. 24, 9), сказалъ Иисусъ Христосъ своимъ ученикамъ. Исполнившись въ точности на двѣнадцать Апостоловъ, эти слова осуществлялись и на многихъ другихъ людяхъ, принимавшихъ многотрудное служеніе апостольское, осуществляются они и въ проповѣдникахъ Евангелія предъ концомъ міра. Что проповѣданіе Евангелія во всей вселенной не означаетъ принятія его всѣми людьми, это видно и изъ словъ: *во свидѣтельство всемъ народамъ*. По изъясненію Златоуста проповѣданіе Евангелія „будетъ во свидѣтельство неувѣровавшимъ, то есть, въ обличеніе, въ осужденіе. *Во свидѣтельство*: ибо увѣровавшіе будутъ свидѣтельствовать противъ неувѣровавшихъ, и осудятъ ихъ“¹⁾. На основаніи такого, совершенно правильнаго, толкованія мы полагаемъ, что не только всѣ народы, но и всѣ люди до одного услышатъ проповѣдь евангельскую, чтобы никто не могъ оправдываться предъ Богомъ въ своемъ невѣрїи въ Евангеліе тѣмъ, что не слышалъ евангельской проповѣди.

Хотя предъ концомъ міра и не всѣ люди увѣруютъ во Христа, однако повсемѣстное проповѣданіе Евангелія, безъ

¹⁾ Бесѣды на Евангелиста Матвея, Бесѣда LXXV, § 2.

сомнѣнія, многихъ обратить ко Христу. Въ то время, быть можетъ, не меньше, чѣмъ во всякое иное, будутъ исполняться слова Апостола Павла, что *благовѣствованіе пребываетъ во всемъ мірѣ, и приноситъ плодъ, и возрастаетъ* (Колос. 1, 5. 6). Тогда именно *войдетъ* въ Церковь, по ученію того же Апостола, полное число язычниковъ (Римл. 11, 25). Процессъ обращенія язычниковъ въ христіанство, начавшись со времени земной жизни Іисуса Христа и продолжаясь непрестанно, окончится только предъ концомъ міра. Не невозможно, что при концѣ своемъ этотъ процессъ не ослабѣетъ, а будетъ совершаться съ особеннымъ напряженіемъ.

Но какъ въ такомъ случаѣ согласовать фактъ повсемѣстнаго распространенія христіанства съ тогдашнимъ всеобщимъ и глубокимъ развращеніемъ нравовъ, съ успѣхами проповѣди лжехристовъ и лжепророковъ, съ широкимъ распространеніемъ безбожія?

Мы признаемъ такое одновременное совпаденіе несоединимыхъ повидимому противоположностей совершенно естественнымъ и возможнымъ. Умноженіе зла и усиленіе антихристіанства вызоветъ сильнѣйшее противоудѣйствіе со стороны истинныхъ христіанъ, которое обнаружится какъ въ упорной борьбѣ противъ враговъ христіанства и вообще противъ зла, такъ и въ пламенномъ проповѣданіи Евангелія, въ самоотверженномъ и дѣятельномъ распространеніи христіанства. Повторится бывшее въ первые вѣка христіанства. Проповѣдниковъ его будутъ *предавать на мученія и убивать* (Мѡ. 24, 9); но, какъ и въ первые вѣка христіанства, кровь христіанъ будетъ сѣменемъ новыхъ христіанъ, какъ сказалъ Тертуліанъ о своемъ времени. Народы, бывшіе издавна христіанскими, быть можетъ, останутся христіанскими только по имени: среди нихъ-то именно и обнаружатся глубокое нравственное растлѣніе, лицемѣрная вѣра во Христа, сектантство всякихъ видовъ и положительное отпаденіе отъ Христа и безбожіе. Ревностные послѣдователи Христа, безъ сомнѣнія, и въ средѣ этихъ народовъ будутъ ободрять вѣрныхъ, укрѣплять колеблющихся, вразумлять заблуждающихся, пробуждать равнодушныхъ и беспечныхъ, просвѣщать обольщенныхъ и ослѣпленныхъ, бороться противъ лжевѣрующихъ и невѣрую-

щихъ проповѣдниковъ. Но хотя и тутъ ихъ дѣятельность будетъ не безплодна, однако не за ними останется поле сраженія, они не остановятъ всепоглощающаго потока зла. Зато ихъ самоотверженная борьба противъ зла и невѣрія и ихъ страданія за Христа окажутъ сильное дѣйствіе на языческіе народы и расположатъ ихъ къ принятію христіанства. Многіе и многіе послѣдователи Христа, видя поруганіе Его имени среди христіанскихъ народовъ и не надѣясь изцѣлить язвы послѣднихъ, пойдутъ съ проповѣдью къ язычникамъ, чтобы обращеніемъ ихъ ко Христу вознаградить потери христіанства. Проповѣданіе Евангелія язычникамъ будетъ живѣйшею потребностію ихъ сердца, удрученнаго мрачнымъ видомъ распространившихся безправственности, нечестія, лжевѣрія и безбожія. При такихъ обстоятельствахъ ихъ проповѣдь не можетъ не быть живой и пламенной, идущей изъ глубины сердца и потому плѣняющей сердца слушателей. Она будетъ столь же дѣйствительна и успѣшна, какой была проповѣдь первенствующихъ христіанъ. И какъ въ первые вѣка христіанства Евангеліе принимали не столько знатные и образованные, сколько бѣдняки и невѣжественная чернь: такъ, быть можетъ, и въ послѣднія времена образованные христіанскіе народы не уступятъ ли первенства въ вѣрѣ грубымъ повообращеннымъ ко Христу язычникамъ? Какъ при первомъ пришествіи Іисуса Христа *многіе первые оказались послѣдними, и послѣдніе первыми*: такъ не то же ли будетъ и предъ вторымъ Его пришествіемъ? Впрочемъ, и изъ послѣднихъ званыхъ далеко не всѣ окажутся избранными. Они сдѣлаются членами Церкви Христовой въ такую тяжкую минуту для послѣдней, имъ столько придется потерпѣть и отъ обольщеній со стороны развращенныхъ и лжевѣровъ, и отъ гоненій со стороны нечестивыхъ и безбожныхъ, что многіе и многіе изъ нихъ, едва ставши христіанами и не укрѣпившись въ вѣрѣ, отпадутъ отъ Христа: одни не устоятъ противъ соблазновъ, другіе не выдержатъ гоненій, лишеній и страданій. Званные на брачный пиръ царскаго сына не пошли, потому что *не были достойны*; это іудеи. Тогда Царь приказалъ рабамъ: *пойдите на распутья и всѣхъ, кого найдете, зовите на брачный пирь. И рабы тѣ, вышедши на дороги, собрали всѣхъ, кого*

только наплы, и злыхъ и добрыхъ; и брачный пиръ наполнился возлежащими (Мѡ. 22, 8—10). Это и есть проповѣданіе Евангелія по всей вселенной. Но хотя брачный пиръ и наполнился, такъ что наконецъ вовсе не осталось пустыхъ мѣстъ (Лук. 14, 22, 23), однако и послѣ этого осталось въ силѣ изреченіе: *много званыхъ, но мало избранныхъ* (Мѡ. 22. 14; Лук. 14, 24); ибо, не говоря о томъ, что никто изъ званыхъ, но отказавшихся придти не вкусилъ ужина (Лук. 14, 24), даже и изъ пришедшихъ на пиръ не всѣ оказались достойными его и потому были изгнаны вонъ (Мѡ. 22, 11—13). Быстрому и широкому распространенію христіанства среди язычниковъ въ послѣднія времена, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нетвердости новообращенныхъ будетъ благопріятствовать самый характеръ тогдашней эпохи. Въ критическія эпохи, въ эпохи броженія и расслабленія мысли, люди легко мѣняютъ старую вѣру на новую и еще легче мѣняютъ одну новую вѣру на другую. Въ послѣднія времена больше, чѣмъ когда бы то ни было, язычники будутъ оставлять язычество и принимать то истинное, то ложное христіанство и опять отступать отъ него; а, съ другой стороны, давніе христіане будутъ легко возвращаться въ язычество, или переходить изъ одной секты въ другую, или совсѣмъ становиться невѣрующими. Умственный и нравственный упадокъ, легкомысліе учащихся, коварство лжеучителей, разнообразіе ученій, эгоистическое равнодушіе большинства людей къ высшимъ запросамъ души, гоненія со стороны невѣрующихъ, изобиліе всякаго рода бѣдствій,—вотъ причины, что въ послѣднія времена люди будутъ легко переходить отъ одной вѣры къ другой и обнаруживать печальное шатаніе какъ въ умственной и нравственной дѣятельности, такъ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Разумѣется, такъ будетъ въ массѣ, въ большинствѣ людей; отдѣльными же лица среди всеобщей разшатанности и въ страшной взаимной борьбѣ сталкивающихся вѣрованій и ученій тѣмъ сильнѣе закалятъ свой характеръ,—одни въ невѣріи, другіе въ вѣрѣ, третьи въ лжевѣріи. Въ послѣднія времена чаще, чѣмъ во всякое другое время, сѣмя Слова Божія будетъ падать или при дорогѣ, расхищаемое діаволомъ, ярость котораго тогда будетъ особенно сильна (Лук. 8, 5. 12; Апок. 12, 12), или

на камень, такъ какъ тогда многіе примутъ его съ радостію, но не будутъ имѣть времени укрѣпить его въ своемъ сердцѣ, а искушеній для отпаденія отъ вѣры будетъ особенно много, и они будутъ необычайно тяжки (Лук. 8, 6. 13 и 24 гл.), или въ терніе, потому что въ то время люди болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, будутъ поглощены житейскими попеченіями (Лук. 8, 7. 14; Мѡ. 24, 37—39). Такимъ образомъ въ описываемый нами періодъ послѣднихъ временъ хотя Евангеліе будетъ проповѣдуемо по всей землѣ и хотя, быть можетъ, нехристіанъ останется мало, тѣмъ не менѣе религіозное и нравственное состояніе людей будетъ крайне жалкимъ; потому что многіе, и большая часть людей, будутъ христіанами только по имени, а по жизни язычниками; другіе будутъ христіанами лжевѣрующими, сектантами разнообразныхъ толковъ; третьи, изъ новообращенныхъ, будутъ не тверды въ вѣрѣ и потому легко будутъ измѣнять ей, увлекаемые коварными лжеученіями и житейскими выгодами, или же подавляемые страхомъ мученій.

Описываемый періодъ послѣднихъ временъ, повидимому, изображается въ апокалипсическомъ видѣніи снятія Агнцемъ четвертой печати. *Когда Онъ (Агнецъ) снялъ четвертую печать, я слышалъ голосъ четвертаго животнаго, говорящій: иди и смотри. И я взглянулъ, и вотъ, конь бѣлый, и на немъ всадникъ, которому имя смерть; и адъ следовалъ за нимъ, и дана ему власть надъ четвертою частью земли, умерщвлять мечемъ и голодомъ, и моромъ, и звѣрями земными (Апок. 6, 7. 8).*

Въ существенномъ второй періодъ послѣднихъ временъ сходенъ съ первымъ періодомъ ихъ; между ними нельзя уловить рѣзкой грани; второй составляетъ непосредственное продолженіе перваго. Тамъ, въ первомъ періодѣ, лжехристы предъстятъ многихъ; и здѣсь, во второмъ періодѣ, лжепророки предъстятъ многихъ; тѣ и другіе явятся въ большемъ множествѣ въ обоихъ періодахъ; въ первомъ періодѣ нечестіе: и во второмъ умноженіе беззаконія; тамъ оскудѣніе любви, вражда, кровопролитіе: и здѣсь челоуѣконенавидѣніе и междуусобицы; тамъ страшныя бѣдствія отъ стихій и другъ отъ друга: и здѣсь страданія и мученія.

Различіе между этими двумя періодами въ томъ, что

рѣхи и бѣдствія, усилившись въ первый періодъ, не найдя себѣ достаточнаго отпора и потому какъ бы предоставленные своему естественному теченію и росту, во второмъ періодѣ еще болѣе возрастуть, умножатся и еще шире распространятся, подобно тому, какъ пламя пожара, если его не тушатъ, или безсильны потушить, съ каждой минутой распространяется дальше и дальше и становится все болѣе и болѣе яростнымъ, страшнымъ и всепожирающимъ. Такъ, напр., между тѣмъ, какъ въ первомъ періодѣ будутъ международныя войны, во второмъ періодѣ вражда между людьми и жажда крови дойдутъ до такой ужасной степени, что будутъ убивать братья брата, дѣти родителей, и родители дѣтей. То страшный голодъ, то релігіозное разномысліе, то ненависть къ релігій и вражда противъ Бога, то скотская чувственность, то страшная гордость и самоволіе, то сумасбродныя теоріи, то одичаніе нравовъ, то безнравственность, то эгоизмъ и другія страсти, то привычка къ кровопролитію и кровожадная опьянѣлость, то совершенное безчувствіе, то бездушная, или же мстительная жестокость, то племенное вырожденіе вслѣдствіе безнравственности предковъ и отсюда извращеніе естественныхъ инстинктовъ въ потомкахъ — вотъ причины, почему многіе сдѣлаются тогда кровожаднѣе тигровъ, такъ что родители будутъ убивать дѣтей, дѣти—родителей. Въ самомъ повѣствованіи Евангелистовъ о послѣднихъ временахъ, равно какъ и въ видѣніяхъ Іоанна Богослова печатей, открываемыхъ Агнцемъ, явственно обпаруживается постепенность въ развитіи, умноженіи и распространеніи зла и бѣдствій на землѣ: чувствуешь, какъ зло, постепенно и сначала скрытно заражая сердца людей, быстро усиливаясь и распространяясь, наконецъ начинаетъ проявляться въ чудовищныхъ и поголовныхъ преступленіяхъ, съ дерзостію возстаетъ на добродѣтельныхъ и уничтожаетъ ихъ, не таясь, какъ всегда, а съ наглостію требуетъ себѣ подчиненія, ожесточенно борется за преобладаніе и, въ содружествѣ съ физическими бѣдствіями, заливаєть землю потоками слезъ и крови, покоряющихся ему дѣлаєть скотоподобными и звѣронравными, противящихся ему сметаєть съ лица земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдавшихъ ему воздвигаетъ другъ противъ друга. Постепенность въ возра-

станіи и распространеніи зла и бѣдствій, ощущаемая въ самомъ ходѣ евангельскаго и апокалипсическаго повѣствованій о послѣднихъ временахъ, и прямо выражена въ словахъ: *Это еще не конецъ..; это начало болѣзней, и тогда придетъ конецъ* (Мѡ. 24, 6. 8. 11). Первые слова характеризуютъ начальный періодъ послѣднихъ временъ, вторыя—слѣдующій за нимъ второй періодъ.

Другая отличительная особенность втораго періода отъ перваго есть реакція добра противъ усиливающегося зла. Въ силу повсемѣстнаго и всегдашняго историческаго закона одна крайность вызываетъ другую. Нравственное растлѣніе, невѣріе, лжевѣріе и нечестіе къ началу втораго періода достигнуть уже такой высокой степени, что въ лучшей части человѣчества вызовутъ усиленное противоудѣйствіе, упорную борьбу противъ зла, чрезвычайныя усилія отстаивать добро. Положительнымъ результатомъ самозащиты добра въ напряженной борьбѣ его противъ зла будетъ быстрое распространеніе христіанства среди оставшихся къ тому времени язычниковъ и очищеніе въ горнилѣ борьбы, лишеній и страданій за добро лучшихъ людей до высокихъ степеней добродѣтели: мученичества за Христа, пожертвованія всѣми благами и самою жизнію ради спасенія людей, непорочности и святости. Но самоотверженная дѣятельность святыхъ хотя и дастъ перевѣсъ добру надъ зломъ въ нѣкоторой части человѣчества; однако ни сами они, ни возрожденная ими къ духовной жизни часть людей не будутъ въ состояніи одержать полную и повсемѣстную побѣду надъ зломъ, будутъ безсильны изцѣлить язвы, заразившія большую часть человѣчества. Въ то время зло будетъ слишкомъ сильно и слишкомъ широко распространено, чтобы святые могли одержать надъ нимъ верхъ и предотвратить его дальнѣйшее распространеніе. Правда, пламенная проповѣдь ревнителей вѣры и добра, ихъ самоотверженная дѣятельность, ихъ святая жизнь многихъ безбожниковъ обратятъ къ Богу, многихъ лжевѣровъ направятъ на путь истины, многихъ развращенныхъ приведутъ къ покаянію и святости; но за то они и обращенные ими тѣмъ ненавистнѣе сдѣлаются для закоренѣлыхъ въ невѣріи, лжевѣріи и безправственности. Нѣкоторые успѣхи ихъ проповѣди и самая святость ихъ, служа обличеніемъ для злыхъ, усилятъ упорство

послѣднихъ въ безбожіи, лжевѣріи и нечестіи, страшно ожесточать ихъ, и они съ неистовствомъ ринутся на борьбу противъ святыхъ. И такъ какъ злыхъ будетъ несравненно больше, нежели добродѣтельныхъ, такъ какъ, притомъ, первые никогда не бываютъ разборчивы въ средствахъ для одолженія своихъ противниковъ, то естественно, что они побѣдятъ своихъ противниковъ, превозмогутъ ихъ не нравственной силой, которой у нихъ нѣтъ, а силой лжи и коварства, силой власти и многолюдствомъ, огнемъ и мечемъ. Конечно, ихъ побѣда, опирающаяся на грубую силу, на отрицательныя начала лжи, невѣрія и безнравственности, будетъ побѣдой на часъ: они сами вскорѣ погибнутъ въ братоубійственной борьбѣ отъ руки подобныхъ имъ нечестивцевъ, или же будутъ уничтожены яростію стихій. Но, хотя и на краткое время, они восторжествуютъ надъ добрыми, а эта побѣда еще болѣе усилитъ упрямство, дерзость и напряженность зла, еще шире раздвинетъ его власть и предѣлы по лицу земли. Вотъ почему, не смотря на усиленное противодѣйствіе добра злу, а отчасти даже вслѣдствіе этого противодѣйствія, вторая година по силѣ зла и тяжести бѣдствій превзойдетъ первую.

Въ заключеніе характеристики послѣднихъ временъ предъ пришествіемъ антихриста приведемъ описаніе состоянія тогдашнихъ людей изъ сочиненія Лактанція: *Божественныя наставленія*. „Когда приблизится конецъ сего вѣка, говоритъ онъ, тогда необходимо измѣнится состояніе человеческихъ дѣлъ и, по причинѣ возрастающей неправды, сдѣлается худшимъ, такъ что даже настоящія наши времена, въ которыя неправда и злоба возросли до высочайшей степени, въ сравненіи съ тѣмъ временемъ неизцѣльнаго зла, могутъ быть признаны счастливыми и почти золотымъ вѣкомъ. Потому что тогда правда сдѣлается столь рѣдкой, а нечестіе, жадность, страсти и распутство до того умножатся, что если и будутъ нѣкоторые добрые, то они сдѣлаются добычею злодѣевъ и будутъ ограблены беззаконниками. Одни только злые и будутъ богаты, а добрые подвергнутся всякимъ поношеніямъ и впадутъ въ нищету. Всякое право придетъ въ разстройство, и законы потеряютъ силу. Тогда никто ничего не будетъ имѣть, кромѣ того, что захватилъ, или что защитилъ силою. Всѣмъ бу-

дутъ владѣть наглостъ и насиліе. Въ людяхъ не будетъ ни вѣры, ни мира, ни человѣчности, ни стыда, ни истины, не будетъ также ни безопасности, ни правленія, ни какого бы то ни было покоя отъ злыхъ. Потому что вся земля возмется: повсюду пронесется громъ войны; всѣ народы вооружатся и будутъ сражаться другъ съ другомъ; будутъ воевать между собою сосѣднія другъ другу царства; и прежде всѣхъ Египетъ потерпитъ наказаніе за безумныя суевѣрія и покровится кровію, какъ рѣкою. Мечъ пройдетъ тогда по земному шару, все пожиная и распростирая, какъ траву. Причиной этого разстройства и опустошенія будетъ то, что Римское имя, которымъ нынѣ управляется земля (устрашается духъ сказать, но скажу, потому что это будетъ), истребится съ земли, и владычество возвратится въ Азію, и опять Востокъ будетъ господствовать, а Западъ будетъ въ подчиненіи“¹⁾.

Времена предъ антихристомъ закончатся событіемъ, которое, судя по тому, что оно таинственно предвозвѣщено въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ, будетъ имѣть большую важность. Именно, четвертый звѣрь, видѣнный Даніиломъ, имѣлъ десять роговъ, а *десять роговъ*, — было объяснено Даніилу, — *значатъ, что изъ четвертаго царства, изображаемаго четвертымъ звѣремъ, возстанутъ десять царей*; а малый рогъ, выросшій послѣ среди десяти роговъ, означаетъ, что *послѣ нихъ возстанетъ иной, отличный отъ прежнихъ, и уничтожитъ трехъ царей* (Дан. 7, 7. 8. 23. 24). Новозавѣтный Тайнозритель видѣлъ звѣря, *выходящаго изъ моря, съ десятию рогами, и на рогахъ его было десять діадимъ* (Апок. 13, 1). Въ другомъ видѣніи ему былъ показанъ тотъ же звѣрь, какъ звѣрь багряный, *имѣющій десять роговъ*, и было объяснено, что *десять роговъ суть десять царей, которые еще не получили царства, но примутъ власть со звѣремъ, какъ цари, на одинъ часъ* (Апок. 17, 3. 7. 12). „Одинъ часъ есть или краткость времени, или одна часть года, то есть, поворотъ солнца трехмѣсячный, послѣ котораго покорятся антихристу“²⁾, говоритъ Андрей Кесарійскій. „Придетъ сей, ска-

¹⁾ Institutionum divinarum liber septem, lib. VII, cap. 15, № 7—11.

²⁾ Толкованіе на Апокалипсисъ, гл. 54.

занный выше антихристъ, говоритъ св. Кирилль Иерусалимскій, когда исполнятся времена Римскаго царства, и приблизится уже конецъ міра. Вдругъ возстанутъ десять римскихъ царей, царствующихъ можетъ быть въ разныхъ мѣстахъ, но въ одно и то же время, а послѣ нихъ одиннадцатый будетъ антихристъ, который съ помощію волшебнаго искусства захватитъ себѣ Римскую державу, уничтожитъ трехъ прежде него царствовавшихъ, имѣя уже подъ своею властію остальныхъ семерыхъ“ ¹⁾. Лактанцій, объясняя возможность паденія Римской имперіи, говоритъ: „Прежде всего умножатся царства, и верховная власть, раздробленная и раздѣленная между многими, умалится. Будутъ тогда постоянные внутренніе раздоры, и не будетъ никакого отдыха отъ губительныхъ войнъ, пока одновременно будутъ царствовать десять царей, которые раздѣлятъ земной шаръ не для управленія, а для истребленія. Они, умноживши до чрезмѣрности войска, и пренебрегши обработкой полей, что составляетъ начало разоренія и гибели, все разрушатъ, сокрушатъ, пожрутъ. Тогда внезапно возстанетъ противъ нихъ отъ крайнихъ предѣловъ сѣверной страны могущественнѣйшій врагъ, который, истребивши изъ того числа трехъ, — тѣхъ, которые будутъ тогда обладать Азіей, — прочими будетъ принять въ союзъ и поставленъ будетъ главой надъ всѣми“ ¹⁾. Эти цари скоро подчинятся пришедшему съ сѣвера и легко сдружатся съ нимъ,

¹⁾ Огласительное слово 15, §. 12.

¹⁾ Institut divin. lib. VII, cap. 16, № 1—3. Въ настоящее время Римская имперія уже давно не существуетъ въ томъ видѣ, какою она была во времена древнихъ отцовъ Церкви; тѣмъ не менѣе взглядъ отцовъ, учителей и писателей церковныхъ на четвертаго звѣря, какъ на символъ именно Римскаго царства, и на Римское царство, какъ на послѣднее всемірное царство, не потерялъ силы и до настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что Римское, точнѣе Греко-Римское, царство продолжаетъ жить, только въ иной формѣ, во всѣхъ европейскихъ царствахъ и во многихъ странахъ другихъ частей свѣта; потому что эти царства основались на развалинахъ Греко-Римской имперіи и суть ея прямые наследники, получивши отъ нея или чрезъ посредство нея христіанскую вѣру, языки, богатую сокровищницу философіи, литературы, наукъ, искусствъ, гражданскій и государственный строй вмѣстѣ съ правомъ и законами и т. п.; подобно Риму, и даже еще въ большихъ размѣрахъ, эти царства властвуютъ надъ всею землею.

частію потому, что при видѣ пораженія трехъ царей они теряютъ надежду побѣдить его, сознаютъ бесполезность и гибельность дальнѣйшаго сопротивленія ему, частію потому, что по своему характеру они будутъ достойными его предшественниками. *Они имѣютъ одну мысль и передадутъ силу и власть свою звѣрю* (Апок. 17, 13). Ихъ единомысліе есть единомысліе зла; ихъ сила — сила зла; ихъ власть направлена къ разрушенію. *Они будутъ вести брань съ Агнцемъ* (Апок. 17, 14). Отчаявшись побѣдить сильнѣйшаго врага и удержать за собой первенство во владычествахъ надъ землею, они подчинятся ему, въ расчетѣ имѣть хотя второстепенную власть и силу и пользоваться ими для удовлетворенія своей кровожадности, для истребленія злыхъ и добрыхъ (Апок. 18, 14. 16). Изъ этихъ указаній видно, что произойдетъ какой-то великій политическій переворотъ, а въ результатѣ земля окажется во власти одного лица, могущественнаго, исполненнаго воинственной силы и подчиняющаго себѣ злыхъ.

Этотъ моментъ въ евангельскомъ повѣствованіи о послѣднихъ временахъ выраженъ словами: *и тогда придетъ конецъ* (Мѡ. 24, 14). Какой конецъ здѣсь разумѣется, это видно изъ непосредственно слѣдующихъ затѣмъ словъ: *И такъ, когда увидите мерзость запустѣнія, реченную чрезъ пророка Давида, стоящую на святомъ мѣстѣ..., тогда находящіеся въ Иудей да бѣгутъ въ горы* (Мѡ. 24, 15, 16), и изъ всей дальнѣйшей рѣчи Іисуса Христа, оканчивающейся описаніемъ пришествія Сына Человѣческаго. Эта рѣчь показываетъ, что между моментомъ, когда мерзость запустѣнія явно станетъ на святомъ мѣстѣ, и пришествіемъ Сына Человѣческаго пройдетъ нѣкоторый періодъ времени. Этотъ періодъ будетъ не продолжителенъ. Іисусъ Христосъ прямо сказалъ, что *ради избранныхъ сократятся тѣ дни* (Мѡ. 24, 22); съ окончаніемъ этихъ дней придетъ Господь Іисусъ Христосъ во славу, чтобы произвести судъ, и настанетъ кончина міра. Отсюда видно, что въ словахъ: *и тогда придетъ конецъ*, указывается конецъ обычнаго на землѣ теченія и строя жизни, начало особенной години, за которою очень скоро послѣдуетъ конецъ міра. Какъ ни тяжки, какъ ни злосчастны будутъ предшествующія этой годинѣ времена, но ихъ можно назвать вре-

менами мира и благоденствія въ сравненіи съ этой страшной годиной. О предъидущихъ временахъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *это еще не конецъ, это начало болѣзней* (Мѡ. 24, 6. 8); а начало этой години онъ прямо называетъ концомъ. Почему? Потому, что хотя міръ простоятъ еще нѣсколько лѣтъ, но человѣческій родъ въ теченіи ихъ будетъ не жить, а страдать и умирать. Въ предшествующія времена онъ тяжело болѣлъ, а въ эту годину болѣзнь кончится смертнымъ исходомъ. Начало этой години — начало предсмертной агоніи человѣчества. Іисусъ Христосъ назвалъ начало этой години концомъ, подобно тому, какъ при началѣ агоніи умирающаго человѣка говорятъ: „кончается“, или: „все кончено“, хотя человѣкъ живетъ еще нѣсколько минутъ, даже нѣсколько часовъ. Время агоніи человеческого рода далеко превзойдетъ по силѣ и распространенію грѣха и бѣдствій времена, которыя будутъ ему предшествовать, какъ ни злосчастны сами по себѣ и эти времена, и потому оно рѣзко отличено отъ нихъ въ рѣчи Іисуса Христа. Въ эту годину на святомъ мѣстѣ станетъ мерзость запустѣнія; какъ только эта годинка начнется, люди должны бѣжать въ неприступныя мѣста, и притомъ съ такою поспѣшностію, съ какою бѣгутъ изъ загорѣвшагося дома, или отъ нахлынувшихъ волнъ внезапнаго наводненія; бѣгство должно быть столь быстрымъ, что замедленія его отъ непогоды, или отъ другихъ препятствій будутъ губельны для бѣглецовъ; что въ другое время доставляетъ людямъ радость, напр., беременность и кормленіе дѣтей, это въ то время сдѣлается источникомъ страшныхъ страданій и гибели; невѣріе, лжевѣріе и безнравственность проявятся съ такою поразительною силою, что будутъ опасны даже для крѣпкой вѣры и высокой добродѣтели избранныхъ; тогда будетъ такая скорбь, какой не было отъ начала міра и никогда не будетъ; тогда будетъ столь губительное время, что если бы оно не сократилось, то все погибло бы. Эта страшная годинка—время антихриста, точнѣе, время его царствованія.

Голубинский Е. Е. Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к Русской Церкви или к вере русских и к их духовенству // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 32–60 (2-я пагин.). (Окончание.)

Порабощеніе Руси Монголами и отношеніе хановъ монгольскихъ къ русской церкви или къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству ¹⁾.

Съ какою полною терпимостію относились ко всѣмъ вѣрамъ великіе ханы каракорумскіе въ продолженіе недолгаго существованія великаго ханата, съ такою же полною терпимостію къ нашей русской вѣрѣ или къ нашему православному христіанству относились ханы золотоордынскіе въ продолженіе всего, очень долгаго, господства ихъ надъ Россіей.

Весьма возможно, однако, что исторія терпимости хановъ золотоордынскихъ къ нашей русской вѣрѣ должна быть раздѣляема на два періода: періодъ терпимости добровольной и періодъ терпимости невольной. Въ первую половину господства надъ Россіей ханы относились съ полною терпимостію къ нашей вѣрѣ по доброй волѣ, потому что хотѣли быть вполне терпимыми; по относительно второй половины можетъ быть предполагасемо и то, что они оставались столько же терпимыми, какъ и пржеде, уже не по доброй волѣ, а по необходимости, потому только, что не видѣли возможности быть нетерпимыми. Если бы ханы золотоордынскіе постоянно оставались язычниками, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять взглядъ на всѣ вѣры, какъ на одинаково истинныя, то они постоянно сохраняли бы и искреннее расположеніе оказывать терпимость къ вѣрѣ Русскихъ. Но уже третій преемникъ Батыя, наслѣдовавшій ему и всего черезъ два или черезъ три года послѣ его

1) См. юньскую книжку Б—го В—ка.

смерти, въ 1257 или 1258 г., ханъ Берке или Беркай (Беркалий) принялъ магометанство. Преемники Берке, умершаго въ 1266 г., до хана Узбека, вступившаго на престолъ въ 1313 г., снова были язычниками; но съ этого Узбека, который опять принялъ магометанство, уже все ханы были магометанами, такъ что магометанство стало ихъ родою религіею вмѣсто язычества. Магометанство, подобно христіанству, притязаетъ быть религіей единой истинной, а потому магометанамъ столько же естественно быть нетерпимыми къ другимъ вѣрамъ, сколько напротивъ язычникамъ быть терпимыми, тѣмъ болѣе, что магометанство, притязая быть религіей единой истинной, прямо обязываетъ своихъ послѣдователей распространять его посредствомъ насилія. О ханахъ Берке и Узбекѣ, которые одинъ черезъ промежутокъ послѣ другаго впервые принимали магометанство, мы положительно знаемъ, что они хотѣли быть вполне терпимыми къ вѣрѣ Русскихъ по доброй волѣ. Это должно быть объясняемо отчасти тѣмъ, что они еще не усвоили магометанства до такой степени, чтобы исполняться желанія стать его распространителями, и еще на столько оставались въ своихъ взглядахъ монголами-язычниками, чтобы продолжать видѣть во всѣхъ религіяхъ одинаково истинныя религіи (съ такимъ, вѣроятно, лишь отличіемъ магометанства, чтобы въ числѣ другихъ истинныхъ религій ставить его на первомъ мѣстѣ); отчасти тѣмъ, что Чингисъ-ханова Яса съ своимъ предписаніемъ терпимости еще сохраняла для нихъ всю свою обязательную силу и что они еще не дерзали поступать вопреки ея. О двухъ преемникахъ Узбековыхъ его сынѣ Джанибекѣ или Чанибекѣ и внукѣ Бердибекѣ также положительно извѣстно, что они были терпимы по доброй волѣ, каковая терпимость должна быть объясняема или обѣими сейчасъ указанными причинами или второю изъ нихъ ¹⁾. Но послѣ смерти Берди-

¹⁾ Позднѣйшій монолого-мугаммеданскій историкъ дома Чингисъ-ханова Абульгази (ханъ ховарезмскій или хивинскій, +1664 г.) увѣряетъ, что Берке, принявъ магометанство, повелѣлъ указомъ, чтобы приняли его новую вѣру и все его подданные, — Родословной исторія о Татарахъ часть седьмая, глава вторая. Но это неправда. Что Берке отличался полною терпимостію по отношенію къ вѣрѣ Русскихъ и хотѣлъ оказывать ей

бека въ 1259 г. мы продолжали оставаться подъ властію Татаръ еще въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ. Очень возможно было то, что преемники Бердибека до самаго конца существованія Орды постоянно оставались плохими магометанами, упорно продолжавшими сохранять въ себѣ прежнихъ индифферентныхъ язычниковъ и вовсе не помышлявшими о какомъ нибудь распространеніи своего „правовѣрія“, но не невозможно было и то, чтобы они стали искрен-

свое нарочитое благоволеніе, это видно изъ того, что въ его правленіе въ 1261 г., по его дозволенію, а гораздо вѣроятнѣе—въ слѣдствіе его требованія, была учреждена русская епископская кафедра въ его столицѣ Сарай. Если мы дадимъ вѣру житію св. Петра, царевича ордынскаго, въ которомъ разсказывается, что Берке для исцѣленія отъ болѣзни своего сына призываетъ къ себѣ епископа ростовскаго Кирилла (Прав. Собесѣдн. 1859 г. ч. I, стр. 360), то мы будемъ видѣть въ немъ монгола-язычника, который еще вовсе не считаетъ принятаго имъ магометанства за вѣру единую истинную (Не ссылаемся на то, что въ 1257 г. женился въ Ордѣ или на дочери или на какой нибудь близкой родственницѣ Берки ростовскій князь Глебъ Васильковичъ, причѣмъ княжѣ, какъ это необходимо подразумевать, было дозволено креститься, такъ какъ бракъ могъ состояться еще до принятія Беркою магометанства. Если наша лѣтопись говорить о смерти Берке: умре царь ординскій Беркай и бысть ослаба Руси отъ насилія татарскаго“,—Никон. III, 45, те подъ насиліемъ должно разумѣть не насиліе въ вѣрѣ со стороны самого Берке, а насиліе въ собраніи податей со стороны откупщиковъ татарскихъ). Свидѣтельствомъ добровольной терпимости хана Узбека служить его ярлыкъ митр. Петру, а что его терпимость была не только слѣдствіемъ новизновенія Чингисъ-хановой Яса, но и отсутствіемъ еще въ немъ самой магометанской нетерпимости, это видно изъ того, что онъ выдалъ за московскаго князя Юрія Давыдовича сестру свою Кончаку, дозволивъ ей креститься, и что онъ покровительствовалъ въ черноморской части своихъ владѣній западнымъ христіанамъ, см. *Жарамл.* IV, 156 стр. и *Григорьева* О добротѣности ярлыковъ, стр. 50 (Самъ Узбекъ имѣлъ въ числѣ своихъ женъ греческую принцессу—дочь Андроника Младшаго,—*Гаммера* Geschichte d. gold. Horde S. 299) О добровольной терпимости Чанибека и Бердибека свидѣлствуютъ ихъ ярлыки, перваго—митрополиту Феогносту (не сохранившійся и упоминаемъ въ ярлыкѣ Феогносту Тайдулы), втораго—митрополиту Алексію. Что Чанибекъ по своимъ взглядамъ еще не былъ настоящимъ магометаниномъ, который бы признавалъ истиннымъ одно магометанство, а оставался еще болѣе или менѣе язычникомъ, признававшимъ одинаково истинными все вѣры, видно изъ того, что для исцѣленія отъ болѣзни своей жены Тайдулы онъ призываетъ митрополита Алексія. Наша лѣтопись прямо говорить о немъ: „бѣ же сей царь Чанибекъ Азьяковичъ добръ зѣло ко христіанству“,—Никон. III, 209.

ними и усердными магомѣтанами; вмѣстѣ съ тѣмъ, поставивъ предписанія корана выше предписаній Чингисъ-хановой Ясы, они должны были одушевляться желаніемъ пропаганды. Если было послѣднее, то преосники Бердибека должны были оказывать полную, какъ и прежде, терпимость къ вѣрѣ Русскихъ противъ своего желанія, по необходимости, въ слѣдствіе того, что начавшіяся непосредственно послѣ смерти Бердибека крайнія замѣпательства въ Ордѣ, приведшія къ ослабленію власти хановъ надъ Россіей, уже отняли у послѣднихъ возможность посягать на неприкосновенность вѣры Русскихъ.

Что ханы золоордынскіе во все время своего господства надъ Россіей, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, оказывали совершенно полную терпимость къ вѣрѣ Русскихъ, не дѣлали ни малѣйшаго на нее посягательства и нималѣйшаго ей стѣсненія, — что они вполне признавали права нашей церкви, нисколько не ограничивая и не умаляя существовавшихъ гражданскихъ преимуществъ нашего духовенства, а напротивъ принимая ихъ подъ свою рѣшительную охрану, объ этомъ, во первыхъ, отрицательно свидѣлствуетъ совершенное молчаніе нашихъ лѣтописей и другихъ современныхъ памятниковъ о какихъ либо дѣйствіяхъ посягательства на неприкосновенность вѣры со стороны хановъ; во вторыхъ, объ этомъ положительнымъ образомъ свидѣлствуютъ ханскіе ярлыки или ханскія жалованныя грамоты ¹⁾ нашимъ митрополитамъ, посредствомъ которыхъ ханы ограждаютъ неприкосновенность вѣры и цѣлость правъ духовенства отъ какихъ либо посягательствъ. Известно нѣсколько частныхъ случаевъ поведенія хановъ, которые какъ будто представляютъ собою возраженія противъ сей-часъ снззаннаго; но случаи, на самомъ дѣлѣ вовсе не представляютъ собою такихъ возраженій, а требуютъ только объясненія, что мы и сдѣлаемъ ниже.

Исторія фактически-формальныхъ отношеній хановъ золоордынскихъ къ русской церкви и русскому духовен-

1) Тюркское „ярлыкъ“, собственно значащее: повелѣніе, приказаніе, на юридическомъ языкѣ Монголовъ означало всякаго рода исходящую отъ правительства бумагу и соответствовало старому русскому „грамота“ — Грцгорьевъ „О достовѣрности ярлыковъ“, стр. 18.

отву, какъ стороны покровительствующей къ сторонѣ покровительствуемой, т. е. исторія того, въ какихъ формахъ и какимъ порядкомъ ханы золотоордынскіе на дѣлѣ заявляли русской церкви и ея духовенству свое признаніе ихъ неприкосновенности и правъ, остается недостаточно извѣстною. Въ Никоновской лѣтописи подѣ 1313 г. читаемъ о путешествіи митр. Петра въ Орду къ хану Узбеку, который въ этомъ году занялъ мѣсто хана Токты: „того же лѣта князь великій Михайло Ярославичъ тверскій поиде въ Орду, такожь и Петръ митрополитъ кievскій и всея Русіи вкупѣ съ нимъ поиде въ Орду, того, ради понеже тогда въ Ордѣ Тяхтя царь умре, а новый царь Азбаниъ съль на царствѣ, и вся обновися и вси прикождаху въ Орду того ради, понеже тогда въ Ордѣ и ярлыки имаху каждо на свое имя, князи и епискупы“¹⁾. Въ тойже лѣтописи подѣ 1343 г. говорится о путешествіи въ Орду митр. Θεогноста къ хану Чанибеку, сыну Узбека, тотчасъ по занятіи имъ престола: „тогожь лѣта приде изъ Орды отъ царя Чанибека Θεогнасть митрополитъ Кіевскій и всея Русіи; ходилъ о причтѣ церковнемъ, имаше (имаху) бо митрополитъ (-ы) и епискупъ (ы) ерлыки на своя причты церковныя отъ царей ордынскихъ“²⁾. Наконецъ, о митр. Алексѣѣ извѣстно, что онъ, случайно находившись въ Ордѣ въ 1357 г., когда ханскій престолъ занялъ сынъ Чанибековъ Бордибекъ, получилъ отъ новаго хана ярлыкъ. Два свидѣтельства лѣтописи и третій къ нимъ фактъ, говорятъ то, что при восшествіи на престолъ новыхъ хановъ митрополиты должны были отправляться въ Орду, чтобы отъ каждаго новаго хана получать себѣ и своимъ епископамъ ярлыки, въ которыхъ каждымъ ханомъ подтверждались бы ихъ права и преимущества. Такимъ образомъ, о фактически-формальной сторонѣ отношеній слѣдовало бы думать, что Ватикъ при началѣ своего господства надъ Россіей далъ духовенству ярлыкъ, въ которомъ призналъ неприкосновенность вѣры и ненарушимость правъ его—духовенства и что всѣ послѣдующіе ханы при своихъ вступленіяхъ на престолъ выдавали духовенству ярлыки, въ которыхъ подтверждали

1) III, 108.

2) III, 179.

первоначальный ярлыкъ Батыевъ. Но необходимо думать, что или свидетельства Никоновской лѣтописи относятся только къ тому частному времени, о которомъ она говоритъ, или что въ ней, по ошибочнымъ заключеніямъ, допущено несправедливое обобщеніе. Отъ восьми хановъ, предшествующихъ Узбеку, начиная съ Батия, дошло до насъ ярлыкъ только одного хана Менгу-Темира (1266—1281) и въ ярлыкѣ узбековомъ дается намъ знать, что относительно ярлыковъ другихъ хановъ должно думать не то, что они не дошли до насъ, а то, что ихъ не существовало¹⁾. Изъ сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что Батый заявилъ свое признаніе неприкосновенности нашей вѣры и правъ нашего духовенства не посредствомъ ярлыка или письменной грамоты, а иначе. Это „иначе“ можетъ быть понимаемо только какъ признаніе фактическое, т. е. что подчинивъ своей власти Русь и поставивъ князей и народъ въ извѣстныя отношенія данничества себѣ, Батый оставилъ въ сторонѣ и покоѣ русскую церковь и русское духовенство, чѣмъ и давалъ знать о признаніи неприкосновенности первой и ненарушимости правъ втораго. Почему Батый не утвердилъ и не счителъ нужнымъ утверждать неприкосновенность нашей вѣры и правъ нашего духовенства нарочитой дарственной грамотой, это совершенно понятно. Мы — Русскіе не были первымъ народомъ, который Монголы покорили своей власти, напротивъ мы послѣдними были присоединены къ ихъ многовѣрному государству. Въ государствѣ этомъ со времени самого Чингизъ-хана существовалъ органическій законъ, чтобы всѣ вѣры оставались неприкосновенными и права духовенствъ всѣхъ вѣръ ненарушимыми. Органическій законъ самъ собою распространялся на вѣру каждаго покорявшагося народа, а поэтому ханы и не имѣли нужды и побужденій давать каждому на-

¹⁾ 1) Послѣ ссылки на грамоты первыхъ и прежнихъ царей, подъ которыми должно разумѣть (такъ же какъ и въ ярлыкѣ Менгу-Темировомъ) грамоты великихъ хановъ, именно — Чингизъ-ханову Ясу и ея подтвержденіе Огатаемъ и Мангу (Гаммера Geschichte d. gold. Horde, S. 151), Узбекъ ссылается на „нашу первую грамоту“ (у Григорьева стр. 117). Но такъ какъ это собственной первой грамотой былъ именно этотъ ярлыкъ 1313 г., то и необходимо понимать его слова о первой или единственной до него грамотѣ хановъ золотоордынскихъ.

роду нарочитыхъ грамотъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что о существованiи у Мошоловъ поминутаго органическаго закона знало и наше духовенство; но если могли быть у него какия нибудь сомнѣнiя, то онѣ должны были разсѣяться при первой переписи народа для обложенiя его данью, произведенной по приказанiю Батя въ 1246 или 1247 г.:¹⁾ духовенство, которое имѣло быть свободно отъ дани, не было подвергаемо переписи.

Послѣ фактическаго признанiя ханами неприкосновенности нашей вѣры и правъ нашего духовенства или—что то же—при необходимо подразумѣваемомъ распространении на нашу страну органическаго закона, дѣйствовавшаго на всей территорiи монгольскихъ завоеванiй, ханы не имѣли нужды давать, а духовенство наше не имѣло нужды просить у нихъ письменныхъ утвердительныхъ грамотъ. Ханскiе ярлыки нашимъ митрополитамъ по своему происхожденiю и не суть грамоты утвердительныя, а суть грамоты охранительныя: первый ярлыкъ, данный ханомъ Менгу-Темиромъ митр. Кириллу, данъ былъ, какъ это ясно видно изъ него самого, не съ цѣлю утвержденiя неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, въ чемъ не было нужды, а съ цѣлю огражденiя одной и другихъ отъ посягательства чиновниковъ монгольскихъ, постоянно жившихъ въ Россiи и временно прiѣзжавшихъ въ нее. Предполагая признанiе неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, какъ существующiй фактъ, ханъ обращается въ ярлыкѣ къ своимъ всякимъ чиновникамъ (которые перечисляются въ немъ по должностямъ) и строго запрещаетъ имъ посягать на неприкосновенность вѣры и правъ духовенства, угрожая имъ въ противномъ случаѣ опредѣленными въ законѣ карами. Необходимо думать, что этотъ первый ярлыкъ данъ былъ ханомъ Менгу-Темиромъ по нарочитой просьбѣ митр. Кирилла, вызванной тѣмъ, что

¹⁾ По нашимъ лѣтописямъ, перепись народа произведена была въ первый разъ уже послѣ смерти Батя въ 1257 г.; но Плато-Карпини говорить, что первая перепись, по приказанiю вел. хана Грюка и Батя, произведена была въ то время, какъ онъ находился въ Россiи, слѣдовательно—въ 1246 г., въ которомъ Плато-Карпини былъ въ Россiи, ѣхавъ къ вел. хану, или въ 1247 г., въ которомъ онъ былъ въ ней на возвратномъ пути,—извѣстiй статья VII; ср. Соловьева Истор. т. III, изд. 4 стр. 189.

чиновники монгольскіе постоянно жившіе въ Россіи и временно пріѣзжавшіе въ нее, въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству мало стѣснялись существовавшими законами относительно правъ послѣдняго ¹⁾).

Послѣ Менгу-Темира три ярлыка даны были митрополитамъ тремя преемствовавшими одинъ другому ханами: Узбекомъ, Чанибекомъ ²⁾ и Бердибекомъ. По поводу ярлыка Узбекова Никоновская лѣтопись говоритъ, что у новыхъ хановъ митрополиты брали ярлыки, и необходимо думать, что именно Узбекомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы митрополиты вѣдали ярлыки у каждого новаго хана и что распоряженіе это оставалось въ силѣ при двухъ его преемникахъ. Ярлыки Узбековъ, Чанибековъ и Бердибековъ по своей формѣ и своему содержанию—совершенно тоже, что ярлыкъ Менгу-Темировъ, т. е. охранныя грамоты церкви и духовенству отъ посягательствъ на неприкосновенность вѣры и права духовенства со стороны ханскихъ чиновниковъ. Но очевидно, что Узбекъ, сдѣлавшій распоряженіе, чтобы отъ каждого новаго хана были получаемы митрополитами ярлыки, хотѣлъ придать имъ и другое значеніе, а именно—значеніе какъ бы ханскихъ инвеституръ митрополитамъ или видимыхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ выражалась бы зависимость отъ хановъ какъ ихъ—митрополитовъ, такъ и всей съ ними церкви ³⁾. Послѣ Бердибека, убитаго въ

¹⁾ Монгольская дата, выставленная подъ ярлыкомъ Менгу-Темира, отъ способа монгольскаго лѣтосчисленія не вполне опредѣлена и соответствуетъ двумъ нашимъ годамъ—1267 и 1279, — *Григорьевъ* О достоверности ярлыковъ, стр. 93. Считаютъ вѣроятнѣйшимъ принимать первый годъ, какъ годъ восшествія Менгу-Темира на престолъ; но на самомъ дѣлѣ вѣроятнѣе принимать послѣдній годъ, такъ какъ Никоновская лѣтопись даетъ знать, что въ 1279 г. митр. Кириллъ былъ въ ордѣ у Менгу-Темира: подъ этимъ годомъ въ лѣтописи читается: „тогоже лѣта приде Феогнасть епискупъ Сарайскій втретія изъ греческія земли, изъ Цареграда: посылалъ убо его пресвященный Кириллъ митрополитъ кіевскій и всея Русіи и царь ординскій Менгу-Темиръ къ патріарху и ко царю Михаилу Палеологу греческому,—отъ пресвещеннаго Кирила митрополита грамоты и отъ царя Менгу-Темира грамоты и поминки (отъ) обою“.

²⁾ Непосредственнымъ преемникомъ Узбека былъ Тлиббекъ, но онъ убитъ былъ Чанибекомъ послѣ весьма недолгаго сидѣнія на престолѣ.

³⁾ Узбекъ, сдѣлавшій на ханскомъ престолѣ болѣе всѣхъ другихъ хановъ (1313—1341), былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ могущественнымъ между

1359 г., до конца господства Татаръ надъ Россіей или до 1480 г. извѣстенъ всего одинъ ханскій ярлыкъ митрополитамъ, именно Атюляковъ (Тулунбековъ), данный нареченному митрополиту Михаилу или, какъ его звали,—Митяю, въ 1379 г. Должно думать, что этотъ единственно извѣстный послѣ Бердибека ярлыкъ и на самомъ дѣлѣ былъ единственнымъ и что онъ представляетъ собою не болѣе какъ простую случайность. Послѣ Бердибека въ Орду начались весьма на долгія времена, чуть не по самый конецъ господства Татаръ надъ нами, такія замѣшательства и такая быстрая смѣна хановъ, что, съ одной стороны, митрополиты не могли успѣвать, чтобы получать отъ хановъ ярлыки, а съ другой стороны—они должны были воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы избавить себя отъ наложенной было на нихъ и весьма неприятной для нихъ обязанности ¹⁾. Что же касается до ярлыка Атюлякова Михаилу или Митяю, то онъ данъ былъ ханомъ нареченному митрополиту, когда этотъ ѣхалъ чрезъ Орду, путешествуя въ Константинополь на поставленіе, и данъ былъ, какъ должно думать, вовсе не по просьбѣ Михаила, а по собственной предупредительности хана, желавшаго выразить ему свое особое благоволеніе ²⁾.

Такимъ образомъ, фактически—формальная сторона отношеній хановъ золотоордынскихъ къ руской церкви и русскому духовенству состоитъ въ томъ, что послѣ покоренія Руси Монголами на нее фактически распространено было дѣйствіе закона Чингисъ-ханова о вѣротерпимости,—

ними послѣ Батя и самымъ великолѣпнымъ (великій Узбекъ). Не удивительно поэтому его хотѣніе, чтобы зависимость и рускихъ митрополитовъ отъ хановъ выражалась посредствомъ видимыхъ знаковъ, посредствомъ своего рода инвеституры.

¹⁾ Въ ярлыкѣ Атюляковомъ, правда, утверждается, будто и послѣ Бердибека отъ всѣхъ хановъ были получаемы митрополитами ярлыки. Но если вѣрнѣ славянскій переводъ данного мѣста, то несомнѣнно, что это есть не болѣе какъ простое „красное“ слово и простая фанфаронада со стороны хана или его канцеляріи (и послѣ Бердибека неизмѣнно-де продолжалось такъ, какъ установилъ Узбекъ).

²⁾ См. Никоновской лѣтописи III, 74. Въ лѣтописи дѣйствующее лице—Мамай, потому что онъ сполна распоряжался тогда за хановъ, которыхъ непрестанно мѣнялъ. И въ ярлыкѣ говорится, что его даетъ ханъ „Мамаевою мыслию дядиною“.

что ханы изъявляли готовность, по просьбамъ митрополитовъ, ограждать строгую ненарушимость закона отъ посязательствъ на него монгольскихъ чиновниковъ посредствомъ своихъ нарочитыхъ охранныхъ грамотъ или ярлыковъ, — что ханъ Узбекъ придалъ было ярлыкамъ значеніе инвести-туры, имѣвшей получаться митрополитами отъ каждого новаго хана, но что это, по обстоятельствамъ Орды, продолжалось весьма не долго ¹⁾.

Имѣя собственное значеніе грамотъ, охраняющихъ неприкосновенность вѣры и правъ духовенства, а не прямо ихъ утверждающихъ, ханскіе ярлыки митрополитамъ въ тоже время показываютъ, до какой степени ханы признавали неприкосновенность нашей вѣры и въ какой мѣрѣ или какомъ объемѣ признавали права нашего духовенства, ибо въ ярлыкахъ указывается — что и сколько охраняютъ они отъ посягательства своихъ чиновниковъ.

Въ первомъ по времени ярлыкѣ, который данъ былъ ханомъ Менгу-Темиромъ митрополиту Кириллу въ 1267 или, что вѣроятнѣе, въ 1279 г., находимъ: во-первыхъ, что вѣра Русскихъ ограждается отъ всякихъ на нее хуленій и оскорбленій и что принадлежности вѣщшняго богослуженія ограждаются отъ посягательствъ на нихъ въ смыслѣ хищенія или поврежденія; во-вторыхъ, что духовенство освоб-

¹⁾ На томъ основаніи, что митрополитъ Максимъ, тотчасъ послѣ своего прибытія на кафедрѣ въ 1283 г., ходилъ въ Орду къ хану Тода-Мангу (Ник. лѣт. III, 76), нѣкоторые утверждаютъ, будто этимъ ханомъ Тода-Мангу было постановлено, чтобы каждый митрополитъ при своемъ занятіи кафедрѣ являлся въ Орду для полученія утвердительнаго ярлыка. Но, во-первыхъ, митр. Максимъ могъ ходить въ Орду не для своихъ дѣлъ церковныхъ, а по порученію Константинопольскаго правительства (только что занявшаго престолъ императора Андроника Старшаго) съ миссіей политической (ибо Греки находились тогда съ Татарами въ политическихъ связяхъ, см. *Struttnera* Методг. рорр. III, 1002 и 1071 ff. sqq.); во-вторыхъ, если ходилъ я по дѣламъ церковнымъ, то выводимое отсюда заключеніе остается простымъ предположеніемъ, которое не можетъ быть принято въ виду того, что послѣ ярлыка Менгу-Темирова митр. Кириллу первымъ ярлыкомъ долженъ быть считаемъ Узбековъ ярлыкъ митр. Петру 1313 г. и что объ ярлыкахъ, будтобы получавшихся митрополитами при занятіи ими кафедръ совершенно ничего неизвѣстно (послѣ Максима ихъ должны бы были получать: Петръ въ 1308 г. отъ хана Токты, Феогностъ въ 1328 г. отъ Узбека, Алексѣй въ 1354 г. отъ Чаинбека).

бождается отъ даней; отъ всякихъ пошлинъ и всякихъ повинностей; втретыхъ, что всѣ церковныя недвижимыя имѣнія признаются церковнослужительскими и что церковныя слуги, т. е. принадлежатъ епископамъ или кому бы то ни было изъ церковныхъ властей и мѣстъ рабы или холопы, объявляются свободными отъ какихъ бы то ни было общественныхъ работъ. Относительно вѣры и принадлежностей вѣшняго богослуженія въ ярлыкѣ читаемъ: „а кто (изъ нашихъ всякихъ чиновниковъ) вѣру ихъ (Русскихъ) похулитъ или ругается, тотъ ничемъ не извинится и умереть злою смертію...; или что въ законѣ ихъ иконы и книги или иное что, по чему Бога молятъ, тогда не емлютъ ни издеруть ни испортятъ“. Относительно свободы духовенства отъ даней, пошлинъ и повинностей читаемъ: „какъ первые цари (подразумеваются Чингисъ-ханъ и его преемники въ Каракорумѣ) пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, (такъ) и мы, ихъ грамотъ (т. е. собственно законоположеній) не изъменявая, по тому же жалумъ: не надобе имъ (съ нихъ) дань и тамга и поплужное, ни ямъ ни подводы ни война ни кормъ; во всѣхъ пошлинахъ не надобе имъ ни которая царева пошлина ни царыня ни князей ни рядцевъ ни дароги ¹⁾ ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ ни которые доходы: а кто возьметъ (отъ поповъ и отъ чернцовъ дань или иное что) баскаци наши и княжіе писцы и поплужницы и тамошницы, и онъ (тотъ) по велицей Язѣ (законодательному кодексу Чингисъ-ханову) не извинится и смертію да умереть“. При этомъ дѣлаются два особыя постановленія: во-первыхъ, относительно принятія митрополитомъ и епископами въ духовное званіе кандидатовъ изъ мірянъ; во-вторыхъ, о дѣтяхъ и братьяхъ поповскихъ, живущихъ при отцахъ и братьяхъ и отдѣлившихся отъ нихъ; первое постановленіе: „аще ли (митрополитъ) восхощетъ иныя люди къ себѣ примать, хотящія Богови молитися (поставиться въ духовное званіе), ино на его волѣ будетъ ²⁾“; второе постановленіе: „а попове, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ мѣстѣ живуще, и у кого братъ

¹⁾ Дарога—полицейскій чиновникъ

²⁾ Въ печатныхъ изданіяхъ ярлыка это постановленіе читается невразумительно; приводимъ его по Синодальной рукописи № 792.

или сынъ, и ты (тѣ) по томужь пожаловани идуть; аще ли отъ нихъ отдѣлилися, изъ дому вышли, и тѣмъ пошлина и дань давать“. Относительно недвижимыхъ церковныхъ имѣній и церковныхъ слугъ читаемъ: „что церковныя земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовнища, да не замаютъ (не трогаютъ) ихъ (никакіе наши чиновники), а что будетъ взяли, и они отдадутъ беспосудно; а что церковные люди: мастера, сокольницы, хардусеницы, или которыя слуги и работницы и кто на будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что, — ни на работу ни на сторожу“.

Послѣ Менгу-Темира, давшаго ярлыкъ митр. Кириллу, какъ мы показали, даны были ханами митрополитамъ еще четыре ярлыка: Узбекомъ св. Петру, Чанибекомъ Θεогносту, Бердибекомъ св. Алокеѳю и Атюлякомъ или Тулунбекомъ нареченному митрополиту Михаилу (Митяю). Изъ четырехъ ярлыковъ сохранилось до настоящаго времени три, а именно — не дошло до насъ ярлыка, даннаго Чанибекомъ Θεогносту¹⁾. Всѣ три сохранившіеся ярлыка, подтверждая первый ярлыкъ, данный ханами митрополитамъ или, какъ говорится въ ярлыкѣ Узбековомъ, — „первую ихъ грамоту“, содержатъ при различіи внѣшней, канцелярской, редакціи²⁾, относительно неприкосновенности вѣры и правъ духовенства тоже самое, что и этотъ, но съ однимъ новымъ противъ него добавленіемъ. Добавленіе состоитъ въ томъ, что митрополитамъ, а съ ними, какъ должно быть подразумѣваемо, и всему духовенству, предоставляется судъ надъ принадлежащими имъ людьми или ихъ холопами, рабами, во всѣхъ рѣшительно уголовныхъ дѣлахъ, не исключая разбоя, поличнаго и тальбы: „а знаетъ митрополитъ въ правду, — нестановляется въ первомъ изъ трехъ ярлыковъ Узбековомъ, и право судить и управляетъ люди своя въ правду,

¹⁾ Онъ упоминается, какъ мы сказали выше, въ ярлыкѣ жены Чанибекъ Таидулы тому же митр. Θεогносту.

²⁾ Ярлыкъ Узбековъ св. Петру относительно внѣшней редакціи очень многословенъ и вездѣшнъ и въ слѣдствіе того сравнительно обширенъ. Одну особенность ярлыка, вѣроятно, должно понимать какъ знакъ нарочитаго благоволенія хана къ митрополиту (о чемъ говорить наши лѣтописцы), а также, можетъ быть, объяснять и тѣмъ, что онъ придавалъ ярлыку новое значеніе инвеституры.

въ чемъ нибудь (въ чемъ бы то ни было): и въ разбои и въ поличномъ и въ татѣбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ митрополитъ одинъ или кому прикажетъ“ (Въ ярлыкахъ Бердибековомъ и Атюляковомъ не читается даваемого митр. Кириллу ярлыкомъ Менгу-Темировымъ дозволенія принимать къ себѣ иныхъ людей, хотящихъ Богу молитися; но необходимо думать, что это пропускъ не намѣренный, а случайный, происшедшій въ первомъ изъ ярлыковъ, изъ котораго перешолъ и во второй, по винѣ ханской канцелярїи, ибо Бердибекъ и Атюлякъ прямо говорятъ въ своихъ ярлыкахъ, что даютъ ихъ по прежнимъ ярлыкамъ, не изъиначивая сихъ послѣднихъ¹⁾).

Изъ сейчасть сдѣланнаго нами обзоренія ханскихъ ярлыковъ, по видимому, слѣдуетъ, что ханы не вполнѣ признавали гражданскія права и преимущества нашего духовенства: въ ярлыкахъ не подтверждается права архіереевъ взимать дань съ мірскихъ населеній епархій, или такъ называемую десятину; въ нихъ не подтверждается права архіереевъ судить мірянъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и въ преступленіяхъ гражданскихъ. Но когда говорится о признаніи ханами правъ и преимуществъ нашего духовенства, то само собою понятно, что говорится не обо всехъ вообще правахъ, а только о тѣхъ, которыя, представляя собою освобожденіе отъ обязанностей именно по отношенію къ нимъ—ханамъ, могли быть признаны ими или не признаны. Покоривъ Русь, ханы наложили на русскій народъ извѣстныя обязанности, отъ которыхъ прежде нихъ собственнымъ нашимъ правительствомъ духовенство было освобождено: освободить, какъ было прежде, или не освобождать духовенство отъ этихъ обязанностей и было въ волѣ хановъ; но что касается до тѣхъ или иныхъ, большихъ или меньшихъ, гражданскихъ правъ духовенства, которыя не касались хановъ, т. е. которыя не представляли собою освобожденія духовенства отъ

1) Напоминаніе, дѣлаемое ханами въ ярлыкахъ нашему духовенству, что оно должно молить за нихъ Бога и что „аще ли кто иная неправымъ сердцемъ молитъ (за нихъ) Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ“ (ярлыкъ Менгу-Темировъ), по сказанному выше значитъ, что ханы одинаково признавали дѣйствительными молитвы служителей всѣхъ вѣръ и что они одинаково боялись служителей всѣхъ вѣръ.

обязанностей, оставшихъ обязанностями по отношенію къ нимъ, то имъ—ханамъ не было до этихъ послѣднихъ правъ никакого дѣла: признаніе или непризнаніе этихъ правъ осталось по прежнему исключительно въ волѣ князей, бывъ такъ сказать домашнимъ дѣломъ между ними и духовенствомъ. Указанныя выше права духовенства, не подтверждаемыя въ ханскихъ ярлыкахъ, составляютъ послѣднюю категорію; а поэтому и нѣтъ о нихъ въ ярлыкахъ никакихъ рѣчей и упоминаній.

Съ другой стороны, не невозможно предполагать, что ханы не только признали существовавшія права нашего духовенства, но нѣсколько и расширили ихъ, отчасти въ ущербъ самимъ себѣ и нашему домашнему правительству или князьямъ, отчасти—въ ущербъ этимъ послѣднимъ. О правахъ нашего духовенства за періодъ кievскій мы собственно не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Изъ тѣхъ правъ, которыя признаются ханами въ ярлыкахъ, со всею вѣроятностію должна быть предполагаема, какъ существовавшее прежде право,—личная свобода самого духовенства отъ податей и повинностей; но были ли свободны отъ всякихъ повинностей люди, принадлежавшіе духовенству, имѣло ли оно неограниченную судебную власть надъ ними и было ли предоставлено митрополиту и епископамъ принимать въ духовное званіе изъ всѣхъ безъ изъятія и ограниченія мірянъ, относительно этихъ вопросовъ мы не можемъ сказать, чтобы за единственно вѣроятный отвѣтъ на нихъ должно было принимать отвѣтъ утвердительный. По крайней мѣрѣ относительно неограниченности судебной власти духовенства надъ его людьми, такъ какъ объ этомъ не упоминается въ первомъ ярлыкѣ и только уже говорится во второмъ, представляется не вѣроятнымъ думать, что это было право новое, впервые предоставленное духовенству только ханами, т. е. именно только ханомъ Узбекомъ. Если мы предположимъ, что всѣ три права были права новыя, то въ первомъ случаѣ, освобождая людей, принадлежавшихъ духовенству, отъ всякихъ своихъ повинностей, ханы наносили ущербъ самимъ себѣ или жертвовали интересами своими собственными; во второмъ случаѣ, предоставляя духовенству неограниченный судъ надъ его людьми, наносили ущербъ князьямъ; а въ третьемъ случаѣ, предоставляя

митрополиту и епископамъ принимать въ духовное званіе всѣхъ безъ изыатія мирянь, наносили ущербъ вмѣстѣ и князьямъ и себѣ (ибо предоставляли переходить въ духовное званіе также мирянамъ, которые платили бы подати и князьямъ и имъ самимъ). Но если предпологать, что всѣ три права были права новыя, то очень вѣроятно думать, что два изъ нихъ, посягавшія на интересы князей, не были признаваемы ими послѣдними безусловно, а лишь были уступаемы ими духовенству въ видѣ пожалованія, на сколько они сами этого хотѣли. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ ¹⁾.

Заботиться о томъ, чтобы ханскіе чиновники, постоянно жившіе въ Россіи и на время прибѣжавшіе въ нее, не по-

¹⁾ Изъ пяти ярлыковъ, данныхъ ханами митрополитамъ, какъ мы говорили, сохранились до настоящаго времени четыре: Менгу-Темировъ Кириллу, Узбековъ св. Петру, Бердибиковъ св. Алексѣю и Атюляковъ Махамлу (Митяю). Вмѣстѣ съ этими четырьмя ханскими ярлыками сохранились еще три ярлыка одной ханши—именно знаменитой жены хана Чангубека Тайдулы, данные ею: митрополитамъ Θεогносту и св. Алексѣю и епископу Сарайскому Іоанну, такъ что всего сохранилось семь ярлыковъ. Въ собраніи ярлыковъ, сдѣланномъ (несома невѣжественно) при кафедрѣ митрополитичей въ XV—XVI вѣкѣ, ярлыкъ Менгу-Темировъ Кириллу стоитъ не на первомъ мѣстѣ, а на пятомъ, потому, что собиратель усвоилъ его Менгу-Темиръ-Оксану, т. е. Тамерлану. Что касается до ярлыковъ Тайдулы, то ярлыки митр. Θεогносту и епископу Іоанну (по надписанію—Іонѣ митрополиту Кіевскому и всея Руссіи, т. е. будто св. Іонѣ, жившему спустя столѣтіе послѣ Тайдулы) имѣютъ цѣлю оградить духовенство.—въ первомъ случаѣ всей митрополи, а во второмъ—епископіи, отъ притѣвленій и обидъ частныхъ ханскихъ чиновниковъ (ярлыкъ Іоанну не есть грамота ему, а есть грамота о немъ кому-то изъ начальныхъ чиновниковъ ханши; ярлыкъ митр. Алексѣю есть проѣзжай ему листъ по Орду на тотъ случай, „когда ему случится идти къ Царюграду“). Когда помянутый собиратель ярлыковъ въ своемъ послѣдствіи къ нимъ утѣряетъ, будто кромѣ налѣхъ семи ярлыковъ „мпози суть иные велицы ярлыци“, то или разумѣетъ ярлыки хановъ не митрополитамъ, а князьямъ (самъ же в. тутъ же онъ говоритъ, что въ митрополи нашель только наши семь ярлыковъ), или говоритъ тенденціозную неправду (имѣя въ виду укорить нашихъ государей XV—XVI в., рѣшившихся посягать на права церкви). Что во время митр. Макарія хранилось при кафедрѣ митрополитичей (и ему—митрополиту извѣстно было) только семь ярлыковъ, объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ извѣстномъ отвѣтѣ Грозному „о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови:“ „и донынѣ въ русской митрополи, — говорить онъ,—семь ярлыковъ написаны пребываютъ“. Переводъ ярлы-

сыгали на права духовенства, и вообще не обижали его, въ отношеніи ко всему духовенству лежало на митрополитахъ. Но знаемъ мы примѣръ епископовъ одной до крайней мѣры каѳедры, которые сами ходили въ Орду, чтобы искать тамъ охраны причту церковному своей собственной епархіи; это именно — примѣръ епископовъ ростовскихъ. Вѣроятно, впрочемъ, что на примѣръ этотъ должно смотрѣть, какъ на исключеніе, объясняемое особыми обстоятельствами епископовъ ростовскихъ. Послѣ покоренія Руси Монголами, суздальско-ростовская область оставалась безъ митрополита до 1250 года, въ которомъ пришолъ въ нее, чтобы принять ее въ свое завѣдываніе вмѣстѣ съ южной Русью, митрополитъ Кирилль, поставленный галицко-волынскимъ княземъ Данииломъ Романовичемъ. Во все это время представителемъ духовенства области былъ епископъ ростовскій, такъ какъ другой епископъ, — владимирскій, убитъ былъ Татарами при взятіи Владимира. Въ продолженіе 12-ти лѣтъ, которыя прошли отъ покоренія области до прибытія въ нее митрополита (1238—1250), не одинъ разъ могла представиться епископу ростовскому нужда путешествовать въ Орду для объясненій и ходатайствъ по дѣламъ церковнымъ. Но, начавъ путешествія въ Орду до прибытія митрополита, епископы, проложившіе себѣ, такъ сказать, дорогу въ Орду, могли продолжать ихъ и послѣ прибытія и вообще въ послѣдующее время. Какъ бы то ни было, только мы знаемъ, что путешествовалъ въ Орду уже послѣ прибытія въ северную Русь митрополита епископъ ростовскій Кирилль, о которомъ въ житіи св. Петра, царевича ордынскаго, говорится, что онъ ходилъ „за домъ святаго Богородицы“ (свою каѳедру) къ хану Берке, вступившему на ханскій престолъ въ 1257 или 1258 г.; о преемникѣ Кирилловомъ Игнатіи подъ 1282 г. говорится въ летописи ¹⁾, что въ семь году онъ ходилъ въ Орду во второй разъ за

ковъ, къ сожалѣнію, очень неудовлетворителенъ, а сохранившіеся ихъ списки, какъ нужно думать, очень неисправны. Ярлыки напечатаны были нѣсколько разъ; послѣднее ихъ изданіе, по которому ихъ должно читать, въ приложеніи къ диссертациі В. Григорьева: „О достоверности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству“, Москва, 1842 г.

¹⁾ Такъ называемой Академической.

причетъ церковный; о преемникѣ Игнатіевомъ Тараѣи подѣ 1293 г. говорится въ лѣтописи ¹⁾, что онъ ходилъ въ Орду вмѣстѣ со всѣми князьями. Если дать вѣру сейчасъ упомянутому житію царевича Петра, то епископы ростовскіе находились даже совсѣмъ въ особенныхъ отношеніяхъ къ ханамъ. Разказавъ о чудесномъ исцѣленіи епископомъ Кирилломъ сына Беркина, житіе увѣряетъ, что ханъ въ благодарность за сіе „повелѣ давати владыцѣ оброки годовніи въ домъ святыя Богородицы“ и что послѣдующіе епископы ростовскіе ходили въ Орду, „емля оброкъ царскій“ ²⁾. Можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, чтобы ханы золотоордынскіе давали оброки христіанскимъ православнымъ епископамъ; но мы приводили выше свидѣтельство Плато-Карпини о томъ, что великій ханъ Гуюкъ давалъ жалованье священникамъ несторіанскимъ, которыхъ онъ содержалъ при своемъ дворѣ, а изъ первыхъ хановъ золотоордынскихъ это послѣднее извѣстно о сынѣ Батыевомъ Сартакѣ ³⁾.

Никоновская лѣтопись, какъ мы видѣли выше, разказывая о полученіи ярлыковъ митрополитами Θεогностомъ и Алексѣемъ, увѣряетъ, что не только митрополиты, но и епископы „имаху (тогда) ярлыки на свои причты церковныя отъ царей ордынскихъ“. Понимать дѣло такъ, чтобы Узбекъ, обязавъ митрополитовъ являться за ярлыками къ каждому новому хану, обязалъ къ тому же и всѣхъ русскихъ епископовъ, совершенно препятствуетъ отсутствіе всякихъ фактическихъ указаній на это, которымъ очень трудно было бы не быть; но не невозможно допустить то, что Узбекъ, не обязывая епископовъ являться вмѣстѣ съ митрополитами, обязалъ послѣднихъ брать у хановъ не одинъ только общій ярлыкъ на всю митрополию, но и частные ярлыки на каждую изъ епископій митрополіи. Это могло быть сдѣлано по двумъ побужденіямъ: впервыхъ, чтобы каждому епископу

¹⁾ Той же Академической,

²⁾ Православн. Собесѣдн. 1859 г. ч. I, стрр. 361 и 363.

³⁾ Рубруквись, гл. XX.—Въ 1257 г. Ростовскій князь Глѣбъ Васильковичъ женился въ Ордѣ на какой-то тамошней княжнѣ: можетъ быть начало путешествій въ Орду епископовъ ростовскихъ имѣть нѣкоторую связь съ этою женитьбою.

вручать видимый знакъ его зависимости отъ хановъ; во-вторыхъ, чтобы увеличить пошлыны съ митрополитовъ въ пользу ихъ казны и ихъ чиновниковъ, такъ какъ каждый ярлыкъ могъ быть обложенъ особой пошлыной.

Итакъ, ханы монгольскіе во все время своего продолжительнаго господства надъ Россіей оставляли совершенно неприкосновенною вѣру Русскихъ и совершенно ненарушимыми права русскаго духовенства. А такимъ образомъ, какъ сказали мы выше, тяжкій бичъ Божій, обрушившійся на насъ въ видѣ Монголовъ, не былъ по крайней мѣрѣ бичемъ для церкви, именно — не былъ бичемъ для ней по крайней мѣрѣ со стороны ея внѣшней свободы и внѣшняго положенія.

Однако, въ сейчасъ представленномъ нами изложеніи мы уже дали знать, что непричастность духовенства тягостямъ ига монгольскаго должна быть представляема не совершенно безусловною. Мы говорили, что ханскіе ярлыки митрополитамъ по своему происхожденію суть охранныя грамоты духовенству отъ притѣсненій и обидъ со стороны монгольскихъ чиновниковъ. Если митрополиты были вынуждены просить у хановъ охранныхъ грамотъ, то изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что притѣсненія и обиды со стороны чиновниковъ не только имѣли мѣсто, а и были болѣе или менѣе значительны. Но думать, чтобы ханскіе ярлыки могли положить конецъ притѣсненіямъ и обидамъ, конечно, было бы напрасно: высшая власть строго и грозно приказываетъ, а чиновники не обращаютъ на приказъ никакого вниманія, — это общій законъ всего чиновничьяго міра, по отношенію къ которому всего менѣе можно представлять исключеніемъ чиновниковъ монгольскихъ. Духовенство наше было освобождено ханами не только отъ даней, но и отъ всѣхъ безъ изыятія пошлынъ и повинностей: „такъ есмь его (митрополита) пожаловали, что не надобъ ему ни его людемъ ни вѣмъ церковнымъ богомольцамъ — попомъ и чернцомъ и бѣльцомъ и ихъ людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлына, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздають никакова, ни служба ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное ни станное, ни вѣздное, ни мимоходное по дорожъ послу ни баскаку ни кото-

рому моему пошлинику“... (ярлыкъ Атюляковъ). Но къ платѣ пошлинъ, къ отбыванію повинностей чиновники ханскіе могли всегда принуждать духовенство, ссылаясь на исключительныя обстоятельства, на особые приказы ханскіе, или въ отношеніи такихъ повинностей, какъ постоянная, кормовая и поклонная, ссылаясь просто на то, что они суть чиновники ханскіе и не хотятъ знать никакихъ привиллегій. Такимъ образомъ, совершенно свободное въ отношеніи къ Монголамъ отъ всякихъ государственныхъ тягостей по закону, духовенство должно быть представляемо болѣе или менѣе страдавшимъ отъ произвола и злоупотребленій со стороны монгольскихъ чиновниковъ ¹⁾.

Были и еще причины, въ слѣдствіе которыхъ иго монгольское являлось бѣдствіемъ для церкви со стороны внѣшней. Но тутъ вина была не на Монголахъ, а на самихъ Русскихъ, именно—на нашихъ князьяхъ. Ссорясь другъ съ другомъ и отнимая другъ у друга власть, князья обращались къ ханамъ съ просьбами о военной помощи противъ другаго помощи. Удовлетвореніе ханами этихъ просьбъ и являлось какъ величайшее бѣдствіе не только для государства, но и для церкви. Монголы по своей натурѣ были дикіе хищники, и приходившія къ князьямъ отъ хановъ вспомогательныя войска, пользуясь случаемъ, обыкновенно предавались страшному грабежу, не разбирая владѣній ни друга ни врага, и только стараясь какъ можно болѣе расширить районъ своихъ опустошеній. Въ этихъ частныхъ находеніяхъ Татаръ, которыя по своимъ ужасамъ развѣ только мало уступали первоначальному общему нашествію и которыя по обширности опустошаемыхъ территорій иногда достигали почти до размѣровъ его самого, не было пощады ни церквамъ и монастырямъ съ ихъ утварью и святыней, ни священникамъ и монахамъ ²⁾.

¹⁾ Когда въ началѣ XIV вѣка поднялась у насъ обличительная проповѣдь противъ взиманія епископами платы за оставленія въ церковныя степеня и когда епископы въ свое оправданіе ссылались между прочимъ на „поганское насиліе“: то обличители не отвѣчали епископамъ, что они ссылаются несправедливо, и, отстрашая оправданіе инымъ образомъ, признавали, что поганые дѣйствительно грабятъ, см. Памятники древне-русскаго права, изд. А. Павлова, часть I, col. 154.

²⁾ Наприм. татарскія войска, которыя приводилъ князь Андрей Александровичъ, сынъ Пенскаго, противъ своего старшаго брата Дмитрія,

При дворѣ великихъ хановъ монгольскихъ въ Каракорумѣ находились служители вѣры всѣхъ покоренныхъ ими народовъ ¹⁾, дабы служители вѣры каждаго изъ этихъ народовъ молились о нихъ-ханахъ. Не знаемъ, такъ ли это было при дворѣ хановъ золотоордынскихъ. Но наша русская вѣра, если не съ самого начала господства Монголовъ надъ Россіей, то съ 1261 г. имѣла при ханахъ своего особаго представителя, и именно—съ сего послѣдняго года въ лицѣ епископа, кафедрa котораго была учреждена въ столицѣ ханской Сарая. Намъ неизвѣстна исторія учрежденія кафедрa, ибо лѣтопись подъ нашимъ годомъ говоритъ только: „того же лѣта постави митрополитъ епископа Митрофана Сарая“; но со всею вѣроятностію должно представлять себѣ дѣло не такъ, чтобы митрополитъ просилъ у хана дозволенія назначить въ его столицу епископа для тѣхъ Русскихъ, которые жили между Татарами, а такъ, что самъ ханъ потребовалъ отъ митрополита, чтобы къ нему назначенъ былъ представитель русской вѣры въ лицѣ епископа или, какъ выражались Татары о нашихъ епископахъ, большаго попа. Къ рѣчамъ объ этомъ возвратимся немного ниже.

Если не во все время господства надъ Россіей, то по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оставались язычниками, ханы дозволяли епископамъ сарайскимъ обращать своихъ татаръ въ христіанство. Пресмникъ Митрофановъ на кафедрѣ Феогности, адресовавшійся въ 1276 г. къ Константинопольскому патріаршему собору съ разными вопросами, о чемъ скажемъ ниже, между прочимъ спрашивалъ: „приходящихъ отъ Татаръ, хотящихъ креститися, и не будетъ велика сосуда (т. е. когда дѣло случится во время кочевки въ степи), въ чемъ погружать ему“.

Ханы золотоордынскіе были не противъ того, чтобы выдавать своихъ татарскихъ дѣвицъ за нашихъ князей (и нашихъ бояръ) съ дозволеніемъ первымъ принимать христіанство. Примѣры женитьбы въ Ордѣ нашихъ князей, сколько

въ 1281 и въ 1293 году, въ оба раза страшнымъ образомъ опустошили почти сполна области Суздальскую и Ростовскую.

¹⁾ Рубруквисъ, гл. XLIV.

знаемъ, не многочисленны; но они имѣли мѣсто до хана Узбека (1313—1341) включительно.

Остается намъ сказать о частныхъ случаяхъ поведенія хановъ, которые какъ будто представляютъ собою возраженія противъ совершенной ихъ терпимости къ нашей вѣрѣ и противъ строгаго уваженія ими правъ нашего духовенства.

Коль скоро положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ извѣстно какое нибудь общее, то относително частныхъ противъ него случаевъ само собою дается предполагать, что случаи эти—или представляютъ собою исключенія, зависѣвшія отъ какихъ нибудь особыхъ причинъ, или понимаются не совсѣмъ правильно и не имѣютъ того смысла, который имъ придается, или наконецъ—что они не суть случаи достовѣрные. Что ханы монгольскіе оказывали полную и совершенную терпимость къ нашей вѣрѣ и такое же уваженіе къ неприкосновенности правъ нашего духовенства, это, какъ общее, извѣстно намъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ. А изъ сего само собою слѣдуетъ, что о частныхъ случаяхъ, какъ будто говорящихъ противъ этихъ терпимости и уваженія хановъ должно думать что либо изъ сейчасъ указаннаго выше.

Частные извѣстные случаи суть: во-первыхъ, осужденіе ханами на мученическую смерть за вѣру двухъ нашихъ князей; во-вторыхъ—одна, сдѣланная ими, попытка обложить данью наше духовенство; в-третьихъ—принятое было ими, по увѣренію нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей, намѣреніе ввести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей.

Князья, потерпѣвшіе отъ хановъ мученическую смерть за вѣру, были: Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, осужденный Батыемъ въ 1246 г., и Романъ Ольговичъ Рязанскій, осужденный Менгу-Темиромъ въ 1270 г.

О причинѣ осужденія Батыемъ на мученическую смерть Михаила Всеволодовича мы имѣемъ четыре разсказа: нарочитой повѣсти о страданіи князя ¹⁾, лѣтописей Лаврентьев-

¹⁾ Извѣстной въ нѣсколькихъ редакціяхъ и читаемой—въ отдѣльномъ видѣ въ сборникахъ (изъ одного сборника XIV—XV вѣка напечатана *преосв. Макаріемъ* въ приложеніи къ V т. Исторіи; объ авторѣ см. у *Ключевск.* въ Житіяхъ святыхъ, стр. 146) и инкорпорированно въ лѣтопи-

ской и Ипатской и западнаго писателя Плато-Карпини. Нарочитая повѣсть говоритъ, что князья русскіе съ ихъ боярами, приходившіе къ Батыю въ Орду, должны были, по его приказанію, проходить сквозь огонь, поклоняться солнцу, кусту ¹⁾ и идоламъ татарскимъ, и что Михаилъ съ своимъ бояриномъ Θεодоромъ не хотѣлъ исполнить этого требованія Батыева, какъ противнаго христіанству. Лаврентьевская лѣтопись рассказываетъ подъ 1246 г.: „того же лѣта Михайло, князь черниговскій, со внукомъ своимъ Борисомъ (Васильковичемъ, княземъ ростовскимъ) поѣхаша въ Татары, и бывшимъ имъ въ станѣхъ посла Батый къ Михаилу князю, воля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ, Михайло же князь не повинуся велѣнію ихъ, но укори и и глухія его кумиры, и тако безъ милости отъ нечестивыхъ заколенъ бысть“. Въ Ипатской лѣтописи подъ 1245 г. читается: князь Михаилъ „ѣха (изъ Чернигова) Батыеви, прося волости своее отъ него: Батыеви же рекшу: „„поклонися отецъ нашихъ закону““. Михаилъ же отвѣща „„аще Богъ ны есть предалъ и власть нашу, грѣхъ ради нашихъ, въ руцѣ ваши, тобѣ кланяемся и чести приносимъ ти, а закопу отецъ твоихъ и твоему богу нечестивому повелѣнію не кланяемся““; Батый же яко свѣрѣпый звѣрь возъярися (и) повелѣ заклати князя Михаила“. Плато-Карпини пишетъ: „Татары обожаютъ югъ, какъ будто божество какое, и всѣхъ къ нимъ приѣзжающихъ вельможъ къ тому же принуждаютъ; нѣкотораго російскаго князя, по имени Михаила, который приѣхалъ къ Батыю для изъявленія своей преданности, они заставили сперва пройти между двумя огнями, а потомъ велѣли молиться на югъ предъ Чингисъ-ханомъ; но онъ отвѣчалъ, что поклонится предъ Батыемъ и его служителями,

сяхъ, именно: 1-й Софійской (Поли. собр. лѣтт. V, 182), Воскресенской (ibid. VII, 152), Никоновской,—III, 19, и въ Степенной книгѣ,—1,340.

¹⁾ Что такое это „кусту“, не можемъ сказать. Гаммеръ утверждаетъ, что „кусту“, поперсидски „кести“, есть священнѣйшій поясъ маговъ и Индѣйцевъ,—*Geschichte d. gold. Horde*, S. 137 прим.: но сомнѣваемся, чтобы это было такъ. Ипатская лѣтопись подъ кусту разумѣетъ кустъ въ русскомъ значеніи этого слова, ибо выражается: „водяше около куста“ (2 изд. стр. 535 fn.): но и это представляется намъ сомнительнымъ. Такъ какъ въ сказаніи солнце и кусту стоятъ вмѣстѣ только одинъ разъ, а въ другіе разы либо солнце либо кусту: то кусту не значитъ ли солнце?

а предъ образомъ умершаго челоуѣка никогда того не сдѣлаетъ, послику то возбранено христіанамъ“.

Въ сейчасъ указанныхъ требованіяхъ, обращенныхъ къ князю, должно различать прохожденіе сквозь двухъ огней и поклоненіе образу Чингисъ-хана, какъ говоритъ Плато-Карпини, или вообще идоламъ, какъ говорятъ наши сказанія. Прохожденіе сквозь двухъ огней не составляло языческаго религіознаго обряда въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова. Огонь считался у Татаръ очистительнымъ средствомъ, и такъ какъ они, будичи крайне суевѣрными, страшно боялись колдовства и порчъ, то чтобы у всѣхъ, приближающихся къ хану, отнять способность околдовать его, если бы кто имѣлъ таковое намѣреніе, они и проводили сквозь двухъ огней, какъ имѣющихъ способность уничтожать силу чаръ. Плато-Карпини пишетъ объ этомъ: „прибывъ къ Батыю, мы остановились на одну милю отъ его палатокъ и двора; когда насъ повели къ нему, то объявили, что намъ надлежало проходить между двумя огнями; мы ни подъ какимъ видомъ на это не согласились; но они намъ сказали, чтобы мы не дѣлали въ томъ никакого затрудненія, потому что огонь, если бы мы паче чаянія имѣли какое злое намѣреніе противъ ихъ государя или если бы у насъ былъ какой ядъ, могъ все сіе пожрать; чтобы не навести на себя подозрѣнія,—прибавляетъ Плато-Карпини,—мы на то согласились“. Изъ его—Плато-Карпини разсказа какъ будто слѣдуетъ, что и князь исполнилъ требованіе о прохожденіи сквозь огни.

Изъ двухъ несогласныхъ свидѣтельствъ, чему долженъ былъ молитвенно кланяться князь,—вообще ли татарскимъ идоламъ, какъ говорятъ наши сказанія, или одному образу Чингисъ-хана, какъ говоритъ Плато-Карпини, преимущество должно быть отдаваемо свидѣтельству послѣдняго. Мученическая смерть Михаила Всеволодовича имѣла мѣсто 30 сентября 1246 года, а Плато-Карпини, ѣздившій отъ паны къ великому хану Грюку въ Каракорумъ, былъ у Батыя, на возвратномъ пути отъ хана, въ праздникъ Вознесенія слѣдующаго 1247 г., такъ что долженъ былъ слышать разсказъ о событіи на самомъ мѣстѣ и отъ людей достовѣрно знавшихъ дѣло; между тѣмъ наши повѣствователи, говорящіе о требованіи поклоненія вообще татарскимъ идоламъ,

очень легко могли сдѣлать обобщеніе на основаніи своихъ простыхъ заключеній. Какъ бы то ни было, но и поклоненіе образу Чингисъ-хана, которое было требовано отъ князя, должно быть представляемо не какъ простое гражданское воздаяніе почести основателю ханской династіи, а какъ молитвенное поклоненіе чловѣку обоготворенному, ибо Плано-Карпини ясно говоритъ именно о молитвенномъ поклоненіи, т. е. даетъ знать, что Татары боготворили Чингисъ-хана ¹⁾. По свидѣтельству нарочитаго сказанія и Плано-Карпини, требуемое отъ Михаила Всеволодовича было требовано и отъ другихъ русскихъ князей, пріѣзжавшихъ въ Орду. Тоже утверждаетъ и Ипатская лѣтопись, говоря о путешествіи къ Батыю галичскаго князя Данила Романовича ²⁾. А такимъ образомъ, мы получимъ, что Батыемъ было требовано отъ русскихъ князей, пріѣзжавшихъ къ нему для изъявленія своей покорности и вообще по обязанностямъ своего данничества, чтобы они совершали молитвенное поклоненіе предъ образомъ обоготвореннаго Монголами Чингисъ-хана.

Но если это такъ, то мы получаемъ не тотъ фактъ, что ханы золотоордынскіе принуждали нашихъ князей принимать ихъ татарскую вѣру, а тотъ, что они, нисколько не думая дѣлать этого послѣдняго, только заставляли нашихъ князей изъявлять свое уваженіе къ ихъ татарской вѣрѣ. По строгимъ понятіямъ христіанскимъ, это есть то, на что христіанинъ не долженъ соглашаться, и поведеніе Михаила, само собою понятно, нужно признать несравненно болѣе доблестнымъ, чѣмъ поведеніе всѣхъ другихъ князей, которые не отказывались исполнять волю хановъ. Но что касается до самихъ хановъ, то съ ихъ собственной точки

¹⁾ О религіозномъ поклоненіи Монголовъ душамъ предковъ см. Записки о Монголіи монаха *Лакинва*, томъ I, часть II, стр. 188 и его же „Китай“, IV, 58 стр. Ипатская лѣтопись говоритъ, что Монголы поклоняются „солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ“,—2-го изд. стр. 535.—Поклоненіе на югъ было именно молитвеннымъ поклоненіемъ,—Плано-Карпини гл. VIII, Рубруквисъ у Бержерона р. 31.

²⁾ Подъ 1250 г., 2-го изд. стр. 535 стр. sqq. Изъ всѣхъ разсказовъ, а преимущественно изъ разсказа лѣтописи, ясно видно, что поклоненіе было требовано одинъ разъ, именно—предъ тѣмъ какъ князья должны были представляться ханамъ.

зрѣнія они не могли находить въ этомъ посягательства на совѣсть нашихъ князей: одинако уважая вѣры всѣхъ покоренныхъ народовъ и выражая свое уваженіе ко всѣмъ вѣрамъ посредствомъ видимыхъ знаковъ (по отношенію къ христіанству кажденіе и цѣлованіе Евангелія, см. выше), ханы могли находить совершенно естественнымъ, чтобы и отъ князей всѣхъ покоренныхъ народовъ требовать подобнаго же изъявленія уваженія къ своей вѣрѣ ¹⁾).

(Очень можно подозрѣвать, что въ отношеніи къ Михаилу Всеволодовичу требованіе молитвеннаго поклоненія образу Чингисъ-хана было поставлено значительно иначе, нежели какъ это было въ отношеніи къ другимъ князьямъ, именно—что ему нарочито и намѣренно предъявлены были при семъ такія особенныя требованія, на которыя никакъ не могла согласиться его христіанская совѣсть. Выше мы говорили, что Михайло Всеволодовичъ, сидѣвшій въ 1239 г. въ Кіевѣ, приказалъ убить присланныхъ къ нему татарскихъ пословъ. Но Плато-Карпини пишетъ: „у татаръ есть обыкновение, чтобы съ тѣми, которые убьютъ ихъ посланниковъ или худо съ ними поступятъ, никогда не дѣлать ни миру ни перемирія; они не остаются въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока зато не отмстятъ“. На основаніи сейчасть сказаннаго очень можно думать, что Михаилу Всеволодовичу нарочито предъявлены были особенныя противъ другихъ князей требованія, въ надеждѣ, что онъ не исполнитъ ихъ и что такимъ образомъ дастъ Батыю предлогъ осудить его на смерть. Плато-Карпини, послѣ приведеннаго нами разсказа о смерти Михаила, говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „иногда Татары бываютъ столь злы, что ищутъ случая убивать князей, какъ то они поступили съ російскимъ княземъ Михаиломъ и другими“, и этимъ во всякомъ случаѣ довольно ясно даетъ знать, что у Батыя предрѣшено было убить Михаила и что ему только нужны были какіе нибудь предлоги. Можно думать, что и въ Орду князь былъ заманенъ Татарами хитростію, посредствомъ тѣхъ или другихъ лживыхъ обѣщаній, ибо, зная за собою вину, едва ли онъ могъ имѣть охоту идти къ нимъ самъ).

Такимъ образомъ, исторія князя Михаила Всеволодовича

¹⁾ Cfr преосв. Макарія Ист. т. IV, 117.

Черниговскаго доказываетъ не то, что Батый принуждалъ нашихъ князей къ перемѣнѣ вѣры или вообще къ принятію его язычества, а только то, что онъ по язычески понималъ принципъ вѣротерпимости и что сообразнаго съ своимъ пониманіемъ онъ требовалъ отъ нашихъ князей въ отношеніи къ своей татарско-языческой вѣрѣ.

Вмѣстѣ съ княземъ, какъ мы сказали, принялъ мученическую смерть одинъ изъ его бояръ, по имени Θεодоръ. Бояринъ не только послѣдовалъ примѣру князя, но и его самого укрѣплялъ въ рѣшимости отказаться отъ исполненія воли Батия, въ виду настоятельныхъ увѣщаній со стороны другихъ Русскихъ, бывшихъ въ Ордѣ, покориться требованію хана ¹⁾. Послѣ долгаго мученія (о которомъ Плано-Карпини говоритъ согласно съ нашимъ нарочитымъ сказаніемъ ²⁾), князь и бояринъ преданы были смерти посредствомъ отсѣченія главы. Тѣла мучениковъ были брошены на съѣденіе псамъ ³⁾, но потомъ благочестивыми русскими людьми преданы были погребенію, — вѣроятно, на общемъ кладбищѣ Русскихъ, жившихъ при ханѣ ⁴⁾. (Изъ Орды онѣ

1) По нашему нарочитому сказанію, настоятельно увѣщевалъ Михаила Всеволодовича исполнить волю Батия внукъ его Борисъ Васильковичъ ростовскій. По Плано-Карпини, который также говоритъ о неназываемомъ имъ по имени бояринѣ сейчасъ сказанное нами, Батый посылалъ къ Михаилу съ увѣщаніемъ бывшего въ Ордѣ сына Ярославова, т. е. сына вел. кн. Ярослава Всеволодовича.

2) Въ нашемъ нарочитомъ сказаніи: „Убійци (князя) пріѣхаша, скочиша съ конь и яша Михаила и растягоша за руцѣ, почаша бити руками по сердцю; посемь повѣргоша его низъ на землю и бяхуть и пятами; сему же на долзѣ бывшю, нѣкто бывъ прежде христьянъ и послѣди же отвержесе вѣры христьянскія и бысть поганъ законопреступникъ, именемъ Доманъ, сій отрѣза главу святому мученику Михаилу и отверже ю прочь... (потомъ) начаша Θεодора мучити, якоже и преже Михаила; послѣ же честную главу его урѣзаша“.

3) Чтò, можетъ быть, должно понимать не такъ, чтобы хотѣли предать ихъ возможно бôльшему позору, а такъ, что только не хотѣли удостоить ихъ соответствующаго погребенія. По свидѣтельству Пржевальскаго, Монголы въ настоящее время закапываютъ въ землю только трупы князей и важныхъ ламъ, а всѣ прочіе трупы выбрасываютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ звѣрямъ и птицамъ.

4) Годъ мученической смерти Михаила Всеволодовича показывается двояко: по нарочитому сказанію и по Инатской лѣтописи онъ есть 1245-й, по Лаврентьевской и такъ называемой Академической лѣтописямъ—1246-й.

неизвѣстно когда перенесены были въ Черниговъ и положены здѣсь въ кафедральномъ соборѣ. Изъ Чернигова въ 1575 г. царь Иванъ Васильевичъ перенесъ ихъ въ Москву и положилъ въ соборѣ, посвященномъ имени нашихъ (Черниговскихъ) чудотворцевъ, находившемся надъ Кремлевскими Тайницкими воротами; въ 1770 г., когда предположено было уничтожить соборъ, онѣ перенесены въ Срѣтенскій дворцовый соборъ, а отсюда въ 1774 г. перемѣщены въ Архангельскій соборъ, въ которомъ подъ спудомъ находятся и до настоящаго времени ¹⁾. Къ лику святыхъ князь Михаилъ Всеволодовичъ и его бояринъ Θεодоръ причислены неизвѣстно когда ранѣе собора 1547 г.

О мученичествѣ рязанскаго великаго князя Романа Ольговича Никоновская лѣтопись подъ 1270 г. рассказываетъ ²⁾: во время бытности въ Ордѣ князь оклеветанъ былъ хану, что хулить его — хана и ругается его вѣрѣ; ханъ напустилъ на князя Татаръ, которые начали пудить его къ своей вѣрѣ; когда князь отвѣчалъ, что не достоинъ православнымъ христіанамъ, оставивъ свою вѣру православную, принимать вѣру бесерменскую поганую, Татары начали его бить; когда и послѣ сего князь хвалилъ вѣру христіанскую и поносилъ татарскую, чиновники ханскіе предали его ужасной смерти: сначала отрѣзали ему языкъ и заткнули уста полотенцемъ; потомъ начали рѣзать ему суставы и бросать ихъ прочь—отрѣзали всѣ персты у рукъ и у ногъ, отрѣзали уста и уши, а прочіе составы разрѣзали, такъ что остался одинъ трунъ; наконецъ, содрали кожу съ головы и воткнули ее на копьѣ.

Лѣтопись говоритъ, что князь былъ оклеветанъ хану; но дальнѣйшій ея рассказъ показываетъ, что онъ дѣйствительно

Принимая второй годъ, мы основываемся на томъ предположеніи, что не ошибается Лаврентьевская лѣтопись, когда относитъ смерть князя къ одному и тому же году со смертію вел. кн. Ярослава Всеволодовича, а относительно сего послѣдняго намъ извѣстно изъ Плако-Карпини, что онъ умеръ въ 1246-мъ году, а не ранѣе. Мѣсяць и число, какъ мы сказали—Сентября 20-е.

¹⁾ *Снегирева* Памятники Московской древности, стр. 67 col. 1 fn. (любопытное посланіе царя къ чудотворцамъ, молящее прибыть ихъ въ Москву, *ibid.*, пояснительныхъ примѣчаній стр. 4, л).

²⁾ Также Степенная книга—I, 383.

имѣлъ дерзновеніе поносить вѣру хана ¹⁾ (вѣроятно, не бесерменскую, а языческую, ибо ханъ Менгу-Темиръ, при которомъ былъ замученъ князь, послѣ своего предшественника Берке, принявшаго магометанство, какъ кажется, снова былъ язычникомъ). Такимъ образомъ, если князь приобрѣлъ себѣ вѣнецъ мученической истиннымъ христіанскимъ дерзновеніемъ, то съ другой стороны и поведеніе хана вовсе не показываетъ его нетерпимости къ нашей христіанской вѣрѣ. Ханы относились съ совершенною терпимостію ко всѣмъ вѣрамъ; но естественно, что того же требовали они и отъ другихъ по отношенію ко всѣмъ вѣрамъ. Ханъ Менгу-Темиръ, давшій первый охранный ярлыкъ нашимъ митрополитамъ, угрожаетъ въ немъ своимъ чиновникамъ: „а кто вѣру ихъ похулитъ или ругается, тотъ ничѣмъ не извинится и умрѣтъ злою смертію“. Если злая смерть была опредѣлена Татарамъ, которые бы осмѣлились хулить русскую вѣру, то естественно, что ханъ долженъ былъ осудить на злою смерть Русскаго, осмѣлившагося хулить вѣру татарскую. Невѣроятно злая смерть, которой былъ преданъ князь, даетъ знать, что онъ съ полнымъ и великимъ дерзновеніемъ хулил вѣру татарскую.

Попытка со стороны хановъ обложить ежегодно данію русское духовенство имѣла мѣсто въ правленіе хана Чанибека, въ 1341 г. Своей попыткой Чанибекъ хотѣлъ было нарушить основной государственный законъ Монголовъ, постановленный Чингисъ-ханомъ, чтобы духовенства всѣхъ вѣръ были свободны отъ даней и отъ всякихъ повинностей. Но вина за нарушеніе закона, если бы оно дѣйствительно случилось, падала бы не столько на хана, сколько на самихъ Русскихъ, ибо не самъ онъ подвигся, а этими послѣдними былъ подвигнутъ къ своей попыткѣ. Въ 1341 г. митр. Θεогностъ приходилъ въ Орду, чтобы, согласно съ узаконеніемъ Узбека, получить ярлыкъ отъ Чанибека, какъ отъ новаго хана. Въ это время, по словамъ Никоновской лѣтописи, „нѣціи русіи человекци оклеветаша Θεогнаста

¹⁾ Впрочемъ, такъ какъ въ древнее и старое время слово клевета употреблялось въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ оболганія, какъ нынѣ, и въ смыслѣ доноса, обвиненія: то можетъ быть, что и лѣтопись употребляетъ его во второмъ смыслѣ.

митрополита ко царю Чанибеку, яко много безчисленно имать дохода и злата и сребра и всякого богатства, и достоинъ ему тебѣ давати въ Орду на всякъ годъ полѣтныя дани“. Вслѣдствіе этого ханъ и началъ было просить у митрополита ежегодныхъ даней. Дѣло кончилось тѣмъ, что митрополитъ, съ рѣшительною твердостью отвѣчавшій отказомъ и, нѣтъ сомнѣнія, опиравшійся въ отказѣ на Чингисханевъ законъ, принужденъ былъ раздарить хану и ханшѣ и ихъ главнѣйшимъ боярамъ (князьямъ) 600 рублей.

Увѣренія нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей о принятомъ было Татарами намѣреніи ввести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей, состоятъ въ томъ, что въ 1327 г. пришолъ въ Тверь посломъ отъ хана Узбека его двоюродный братъ Шевкаль, сынъ Дюденева, — что будто этотъ Шевкаль намѣревался, избивъ князей тверскихъ, самъ сѣсть на тверскомъ княженіи, а по городамъ посадить своихъ татарскихъ князей, и что будто онъ хотѣлъ привести христіанъ княженіи въ свою татарскую вѣру ¹⁾. Не невозможно, что Шевкаль дѣйствительно имѣлъ намѣреніе избить тверскихъ князей, но чтобы онъ самъ намѣревался сѣсть на тверскомъ княженіи, это вовсе невѣроятно, а еще болѣе невѣроятно то, будто онъ намѣревался привести въ татарскую вѣру христіанъ тверской области. Могли еще Татары мечтать объ обращеніи въ свою вѣру всей Руси: но какой смыслъ могло имѣть обращеніе въ татарскую вѣру одной области русской? Шевкаль былъ присланъ Узбекомъ, а о послѣднемъ мы знаемъ, что онъ отличался совершенно полной вѣротерпимостью. Необходимо думать, что слухъ о намѣреніи Шевкала ввести татарскую вѣру, если только онъ дѣйствительно ходилъ между тверичами, былъ пущенъ самими тверскими князьями съ тою цѣлію, чтобы какъ можно болѣе вооружить народъ противъ ханскаго посла, какъ это и на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто ²⁾.

Е. Голубинскій.

¹⁾ Никон. лѣт. подъ 1326 г.

²⁾ Сгг у Соловьева т. III, 4-го изд. стр. 277.

Кипарисов В. Ф. Митрополит Московский Макарий (Булгаков), как проповедник // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 61–101 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ) какъ проповѣдникъ.

IV.

Современность проповѣди Макарія.—Понятія о современности проповѣди, обращавшіяся во времена Макарія.—Въ какомъ смыслѣ была современна его проповѣдь.—Отношеніе его проповѣди къ важнѣйшимъ вопросамъ церковно-общественной жизни:—къ народному просвѣщенію, къ наукамъ вообще и къ богословской въ частности, къ реформамъ шестидесятихъ годовъ.—Почему Макарій не былъ пессимистомъ.—Макарій какъ полемистъ въ проповѣдяхъ.—Свойства его полемическихъ приѣмовъ.—Его теоретическія воззрѣнія на полемику въ богословскихъ вопросахъ.—Различеніе вопросовъ вѣры отъ вопросовъ богословской науки.—„Христіанинъ подчиняетъ свой умъ вѣрѣ, но не подавляетъ его въ себѣ“.—Правъ ли былъ Макарій въ своихъ понятіяхъ о полемическомъ элементѣ въ проповѣди и о богословской полемикѣ вообще.

Съ половины пятидесятихъ годовъ, какъ мы замѣчали, направленіе проповѣдничества Макарія можно считать окончательно сложившимся ⁷⁰⁾, и съ этого времени Макарій въ проповѣдяхъ своихъ по преимуществу сталъ являться, такъ сказать, самимъ собою, т. е. въ его проповѣдяхъ стали обозначаться съ полною ясностію присущія ему какъ проповѣднику свойства и наклонности. Ближайшимъ образомъ

⁷⁰⁾ Забываютъ, что этотъ періодъ былъ началомъ новаго направленія въ проповѣдничествѣ другаго изъ нашихъ проповѣдниковъ, издававшагося если не количественно, то качественно: разумѣемъ преосв. Іоанна Соколова. Хотя у этого проповѣдника разность между двумя періодами болѣе замѣтна, чѣмъ у Макарія, но направленіе, принятое имъ тоже съ половины пятидесятихъ годовъ, при громаднѣхъ различіяхъ въ другихъ сторонахъ проповѣдничества, наиримѣръ, мягкость одного и суровость другаго, имѣло и нѣчто общее съ направленіемъ проповѣдничества Макарія.

свойства Макарія какъ проповѣдника, конечно, являются въ свойствахъ содержанія его проповѣди. Характерныя черты этого содержанія и составятъ предметъ послѣдующей нашей рѣчи.

Прежде всего проповѣдь Макарія по содержанію своему была *современна*. „Современность проповѣди“! Должно сознаться, что понятіе „современности“ въ приложеніи къ проповѣди стало однимъ изъ тѣхъ понятій, которыми нерѣдко злоупотребляютъ. Но съ другой стороны, и помимо всякаго злоупотребленія, законно можетъ быть возбуждаемъ такой вопросъ: чѣмъ можетъ быть такъ называемая современность проповѣди, когда истины христіанства какъ предметъ проповѣди—вѣчны, неизмѣнны, а понятіе современности, наоборотъ, предполагаетъ измѣнчивость, сопутствующую всему временному? Что понятіемъ этимъ стали злоупотреблять, это я думаю видѣть въ томъ, что иногда въ проповѣди замѣчаются такія усилія говорить о такъ называемыхъ злобахъ дня, что представляется, какъ будто бы проповѣднику и говорить больше не о чемъ какъ только объ этихъ злобахъ,—что истины христіанскія теоретическія и практическія, все это—такое дѣло, которое не требуетъ надъ собою работы проповѣдника, а главное—какъ будто бы онѣ составляютъ нѣчто второстепенное для *современнаго* общества, а первостепенное именно эти злобы дня. Спускается „современная“ проповѣдь иногда и еще ступеню ниже въ своемъ достоинствѣ: можно встрѣчать проповѣди, въ которыхъ ораторы какъ будто остерегаются говорить о такихъ предметахъ, какъ адъ, вѣчныя наказанія,—какъ будто бы угрозы человѣчеству адомъ и поощреніе общаніемъ райа есть дѣло лишнее: нужно, говорятъ, воздѣйствовать на совѣсть, а не устрашать! И отсюда—какъ бы пенальное изгнаніе всѣхъ этихъ страшныхъ и

Это выразилось въ стремленіи считаться съ вопросами жизни дѣйствительной, а не одной умозерцательной. Черта эта, общая обоимъ проповѣдникамъ, можетъ быть, состоятъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что съ этого времени наступило время для церковной катедры болѣе благопріятное оттого, что и вся наша дѣйствительная жизнь со всѣми ея недостатками стала доступна гласной критикѣ и анализу. Тѣмъ естественнѣе было то, что катедра церковная стала позволять себѣ открыто считаться съ нравственными недугами жизни.

старыхъ словъ: лучше говорить о прогрессѣ и цивилизаціи! Замѣчалось это, конечно, не у насъ однихъ: съ извѣстнаго времени тоже замѣчалось и въ другихъ странахъ ⁷¹⁾. У насъ рѣчи о современности и заботы о таковой во всемъ, что касается церковной жизни, особенно усилились съ начала шестидесятыхъ годовъ. Особенно заслуживаетъ упоминанія попытка рѣшить этотъ вопросъ со всею независимостію отъ унаслѣдованныхъ предубѣжденій, попытка одного глубоко-религіознаго, глубоко-симпатичнаго, но въ то-же время глубоко-несчастнаго по своей судьбѣ человѣка: разумѣемъ архимандрита Феодора Бухарева, который въ рядѣ своихъ сочиненій прямо приглашалъ своихъ современниковъ не чуждаться современности, не подходить къ ней съ какой либо условной мѣркой, но попытаться все въ современномъ мірѣ возвысить до той степени, чтобы всѣ стороны современной христіанской жизни могли *достойно* именоваться христіанскими ⁷²⁾. Этотъ, теперь нѣсколько забытый, авторъ указывалъ положенія, которыя многимъ покажутся недолженствующими быть забытыми. Именно, онъ

71) Въ началѣ пятидесятихъ годовъ патеръ Вентура въ Парижѣ, въ праздникъ воскресенія Христова говорилъ проповѣдь, пользуясь симъ случаемъ, о воскресеніи наполеоновской династіи.—Замѣчательно, что и на западѣ, какъ у насъ, „несовременность“ проповѣди ставили въ связь съ недостатками будто бы образованія въ кандидатахъ на священство, которое не даетъ имъ, будто бы даже возможности понимать нужды времени. Вотъ что замѣчалъ объ этомъ аббатъ *Морель*, въ началѣ шестидесятихъ годовъ: „говорять, что церковное обученіе не состоитъ ни въ согласіи съ нуждами вѣка, ни на высотѣ науки нашего времени, и что нужно переустроить образованіе семинарское. Эти жалобы и эти хулы, продолжаетъ аббатъ Морель, исходятъ или отъ явныхъ враговъ церкви, или же отъ невѣжественныхъ и неблагообразныхъ друзей ея“. Но и тѣ и другіе, по мнѣнію автора, упускаютъ изъ виду одно: „священники не посланы для того, чтобы вести диспуты со всѣми учеными міра по всѣмъ наукамъ; но чтобы вести одинаково какъ ученыхъ, такъ и не ученыхъ, къ познанію спасенія, вести не блестящимъ путемъ знанія (науки), но путемъ добродѣтели, молитвы и Слова Божія“. И этой мысли, по мнѣнію почтеннаго аббата, можно держаться совѣмъ безъ того, чтобы „запереть ворота семинаріи для всякой науки“. См. *Migne, Nouv. Encyclop. Theolog. t. VI, col. 1272--4, Paris, 1861.*

72) Его книга: о православіи въ отношеніи къ современности“, СПб., 1860. Теперь уже забыты нападки на это сочиненіе со стороны мнимаго реввителя православія—журнала „Домашняя Бесѣда“.

утверждалъ, что „въ наше время (конецъ пятидесятихъ годовъ) вѣрующимъ должно стоять въ особомъ, свойственномъ особымъ нуждамъ нашего времени, отношеніи къ истинѣ Христовой, чтобы находить въ ней свѣтъ и жизнь для всѣхъ потребностей и противъ всѣхъ опасностей“ ⁷³⁾. Невниманію къ современнымъ нуждамъ религіознымъ, по мысли этого писателя, осуждено Самимъ Господомъ: уже „Господь упрекалъ учителей іудейскихъ за невнимательность къ современнымъ нуждамъ и опасностямъ по отношенію къ вѣрѣ“ ⁷⁴⁾. На основаніи этого почтенный авторъ считалъ правомъ церкви правящей и, слѣдов., правомъ церкви учащей, въ функціяхъ ея учительства (конечно, по нераздѣльности обоихъ полномочій, управленія и учительства) касаться области такой, какой по традиціи обыкновенно не касались. „Въ правѣ ли мы, служители церкви (спрашивалъ онъ) касаться дѣлъ и вопросовъ мірскихъ, каковы политическіе?“ Отвѣтъ: „истинный духъ Христа Вседержителя Бога и вмѣстѣ Агнца Божія простирается своимъ благодатно властительнымъ вліяніемъ на все, и у истинныхъ христіанъ принимается за начало во всемъ и для всего, не исключая и дѣлъ политики. Служить сему мы и призваны и обязаны самою благодатію священства“ ⁷⁵⁾. Въ историческомъ отношеніи воззрѣнія арх. Θεодора такъ любопытны, что могли бы составить предметъ особаго изученія. Для насъ же этотъ фактъ важенъ, какъ служащій представителемъ одного изъ воззрѣній въ эпоху наиболѣе зрѣлой дѣятельности Макарія. Изъ другихъ современниковъ Макарія находимъ мысли о томъ же предметѣ у преосв. Іоанна Соколова. Въ своей рѣчи предъ нареченіемъ во епископа, „не радостно“ опредѣливъ состояніе нашихъ дѣлъ, онъ, нельзя этого не видѣть, выражаетъ упрекъ учительной дѣятельности церкви русской въ *несовременности*. На вопросъ: „что дѣлать, въ особенности молодымъ дѣятелямъ, къ которымъ Церковь преимущественно обращаетъ свои надежды“, онъ отвѣчаетъ: „свѣтитъ свѣтомъ Христовой истины, проводя ее въ народъ въ ея живомъ, дѣйстви-

⁷³⁾ Указ. сочин. стр. 52.

⁷⁴⁾ Ibid. стр. 51.

⁷⁵⁾ Ibid. стр. 327.

номъ духѣ, въ кроткихъ и сильныхъ чертахъ Евангелія, и не въ однихъ общихъ чертахъ отвлеченныхъ поученій, или въ неясныхъ, безжизненныхъ образахъ школьной науки, зорко слѣдить и свѣтомъ церковной идеи и науки освѣщать *вопросы времени*, касающіеся вѣры⁷⁶⁾: выводъ ясенъ! Подобные же взгляды на современность проповѣди встрѣчаются и въ наше время. „Наша обязанность, говорилъ недавно одинъ изъ извѣстныхъ проповѣдниковъ, слѣдить за всѣми новыми движеніями мысли въ христіанскомъ обществѣ“. Такъ утверждали одни. Но съ издавна и опять до новыхъ временъ были проповѣдники и не очень охотно допускавшіе необходимость вникать въ то, что дѣлается современниками и силу проповѣди какъ разъ полагавшіе въ вѣчномъ, неизмѣнномъ элементѣ проповѣди — въ занятіи на церковной кафедрѣ Св. Писаніемъ. Такъ отчасти и Златоустъ полагалъ, что „вообще всякое изъясненіе Писанія (въ проповѣди) доставляетъ утѣшеніе и ободреніе“, т. е. полезно для современныхъ потребностей многоразличнаго рода⁷⁷⁾: стало быть это и будетъ достаточной замѣной трактатовъ о злобѣ дня. — Характерны (и практически полезны) сужденія митр. Филарета по этому вопросу, какъ опредѣляющія значеніе крайнихъ въ ту и другую сторону мнѣній, т. е. и отрицающихъ пужду современности, и проповѣдь, достойную своего имени, признающихъ только въ „современной“ проповѣди. Извѣстно, что такъ называемая современность въ проповѣди доходитъ до того, что нравы *современнаго* общества освѣщаются очень прозрачно въ цѣляхъ обличенія. Вотъ о такой современности митр. Филаретъ, по своему обычаю въ возможно умѣренныхъ выраженіяхъ, однажды замѣтилъ, что такое проповѣдничество, гдѣ бы оно не встрѣчалось, „не должно быть превозносимо“, ибо „проповѣдь, похожая на сатиру, едва ли можетъ принести духовную пользу, и потому лучше не превозносить ея, и не привлекать молодыхъ проповѣдниковъ на сомнительный путь“ такого проповѣдничества⁷⁸⁾. Но по другому

⁷⁶⁾ Въ изданіи Погодина: пастырство и архидаптрство, стр. 195—196. Нѣсколько сходна мысль и въ Прав. Собесѣдн. 1859, 1 стр. 102, гдѣ выражается сущность ученія съ кафедры.

⁷⁷⁾ Бесѣды къ Апт. нар. русск. перев. ч. 1. стр. 345.

⁷⁸⁾ Одно изъ замѣчаній Филарета на Исторію синодальнаго управленія Филарета Гумилевскаго. Рѣчь идетъ о проповѣди арх. Амвросія Протасова.

поводу Филаретъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: „воевать (т. е. полемизировать въ проповѣди) надобно противъ мыслей неправославныхъ и безирравственныхъ, а не противъ *современныхъ*“, т. е. изъ того, что это мысль „нашего времени“, не слѣдуетъ, что ее непременно нужно стараться изгнать изъ обращенія! Наконецъ этотъ краткій очеркъ воззрѣній на вопросъ о современности въ проповѣди заключимъ припоминаніемъ того, что тридцать лѣтъ назадъ говорилось въ стѣнахъ Московской Академіи. Въ бесѣдѣ со студентами 1862 года А. В. Горскій, говори о необходимости сближенія съ ними въ духѣ и направленіи, сказалъ: „только это (сближеніе) можетъ намъ облегчить уснѣхъ въ дѣйствованіи... Безъ этого мы весьма легко сливаемся съ общимъ мірскимъ духомъ. Въ вещахъ безразличныхъ не нужно оступать отъ общепринятыхъ правилъ. Но какъ скоро требованіе вѣка не слѣдуетъ тѣмъ началамъ духовной жизни, которыя мы должны проводить въ общество и отстаивать: то мы должны помнить, что намъ сказано: не сообразуйтесь вѣку сему“⁷⁹). — Теперь, въ чемъ же заключалась современность проповѣди Макарія? Въ желаніи ли отвѣчать съ кафедръ на всѣ современные ему потребности въ области религіозной? Въ стремленіи ли рѣшать на кафедрѣ и куда слѣдуетъ направлять вопросы мірскіе (какъ это ставилъ напрямикъ Феодоръ

⁷⁹) Дневникъ, Прибавл. къ Твор. св. отцевъ, ч. 35, стр. 233. Или еще одно указаніе на то, что разумѣлось у насъ подъ именемъ современности въ проповѣди. А. В. Горскій находилъ одну изъ проповѣдей своего друга преосв. Филарета Гумилевскаго „несовременной“. Въ чемъ была эта „несовременность“? Повидимому въ томъ, что проповѣдникъ или обличалъ или полемизировалъ съ направленіемъ, *весьма слабо* проявляющимся въ нашемъ обществѣ: „нынѣ этого нѣтъ“, замѣчалъ ему А. В. Горскій. Филаретъ, напротивъ, оправдывается тѣмъ, что „по книгамъ это такъ, но не такъ въ жизни общественной: „за слово, которое вамъ кажется *не современнымъ*, меня благодарили, какъ за дорогое лекарство душевныхъ болѣзней *существующихъ*“ (см. письма къ А. В. Горскому, № 115). Значитъ, наши знаменитые ученые оба были согласны въ томъ, что признакъ *современности* проповѣди прежде всего въ томъ, что она — не внѣ пространства и времени, не внѣ исторіи, т. е. не безъ всякаго отношенія къ ней, — и несогласіе, очевидно, было только относительно факта (данной проповѣди), а не самаго пониманія того, что должно разумѣть подъ именемъ современности проповѣди.

Бухаревъ), вопросы времени (пр. Іоаннъ), или, наконецъ, его проповѣдь отвѣчала тому попятію о современности, которое обычно выражается въ проповѣди бичующей современныя недостатки, была похожа на сатиру, которая была такъ распространена въ шестидесятыхъ годахъ, сэповскимъ языкомъ говоря о томъ, что не только было современно, но и всѣмъ поименно извѣстно, потому что иногда не много не доставало уже для точныхъ датъ времени и мѣста? Нѣтъ: проповѣдь Макарія была современна въ наиболѣе правильномъ смыслѣ этого слова. И оттого-то, замѣтимъ здѣсь, что Макарій воевалъ не противъ *современныхъ* мыслей, а противъ *нехристіанскихъ* мыслей, а съ другой стороны—въ погонѣ за современностію не сообразовался вѣку сему, онъ былъ во все время всегда самъ себѣ равенъ: переживалъ эпохи времени не сходныя, даже взаимно себя отрицающія, и все таки никогда не поправлялъ, такъ сказать, самъ себя, и на склонѣ дней своихъ иногда лишь развивалъ, а не отрицалъ то, чему сочувствовалъ въ молодыхъ лѣтахъ (примѣры чего мы намѣчали). Защищалъ же онъ, напримѣръ, богословское образованіе и тогда, когда объ этомъ не всѣ еще согласно думали, равно и тогда, когда всѣ въ этомъ почти что убѣдились! ⁸⁰⁾ Въ свое время, именно въ некрологическихъ воспоминаніяхъ, проповѣдь Макарія съ этой стороны характеризовалась,

⁸⁰⁾ Можно сказать: этотъ предметъ совсѣмъ не таковъ, чтобы стоило здѣсь отмѣчать его. Но замѣчательно, что за мысль объ образованіи воевалъ не одинъ Макарій, а и другіе, напримѣръ, тотъ же Филаретъ Гумилевскій въ мѣтимной перепискѣ въ началѣ пятидесятихъ годовъ. „Много есть людей худыхъ и не отъ книгъ“; „худыя мысли зависяютъ не отъ однихъ книгъ, а онѣ живутъ въ сердцахъ“ и т. п. (ibid.): значить была достаточная потребность въ защитѣ и этой не оригинальной мысли. Отъ Иннокентія также сохранилась замѣтка, съ перваго взгляда могущая представиться странной по ея наивности, но очевидно—теряющая свою странность, если и другіе считали благопотребнымъ размысленіе о томъ же. Это замѣчаніе № 81, въ сочинен. изд. Вольфа, т. VII, 271, въ край *защищается чтеніе книгъ*—примѣромъ Апостола Павла. Приведемъ заключеніе этой замѣтки: „для насъ довольно здѣсь замѣтить, что такое вниманіе на книги обращаетъ самъ апостоль Павелъ (2 Тим. IV. 13). Для чего довольно? Дабы показать, что чтеніе—не грѣхъ, что занятіе полезными книгами не противно даже апостольскому достоинству, что обхожденіе съ ними мертвыми наставниками не казалось бесполезнымъ даже для того, кто самъ былъ живымъ наставникомъ для всей вселенной. Довольно сего“.

какъ „имѣвшая близость къ современнымъ нуждамъ“. Но мы уже упоминали, что даже и въ теоріи Макарій не признавалъ возможности универсальной проповѣди для всѣхъ временъ и мѣстъ: она по его мысли существуетъ для даннаго момента и мѣста. Поэтому должно признать, что проповѣдь Макарія современна уже потому, что лишь небольшая часть изъ его проповѣдей годна для всякаго мѣста и времени и не имѣетъ печати своего происхожденія и назначенія. Противное должно сказать только о нѣкоторыхъ проповѣдяхъ того же времени, которое мы выдѣляли и по другой причинѣ, — именно о періодѣ первой его молодости и служебной зависимости. Съ другой стороны, современны его проповѣди потому, что расположенныя въ порядкѣ времени онѣ даютъ какъ бы хронологію важнѣйшихъ вопросовъ, выступавшихъ въ нашей церковно-общественной жизни, и вопросовъ этихъ онѣ касается иногда даже и въ проповѣдяхъ рядовыхъ. Но при этомъ становится очевидной и одна важная особенность Макарія: не *важнѣйшіе* только вопросы привлекали вниманіе проповѣдника: наоборотъ, не было такого маленькаго дѣла, которое, если оно совершается предъ его глазами, почтено было бы слишкомъ малымъ, чтобы онъ (при малѣйшей къ тому возможности и разумѣется при томъ условіи, если это не какое нибудь дѣло плоти, ѣды и питья!) призналъ ниже своего церковнаго положенія выступить по этому дѣлу съ своимъ словомъ, которое, конечно, имѣло священныи авторитетъ первостоятеля церкви помѣстной. Что нужно говорить проповѣдь о голодѣ во время голода — конечно, это будетъ идея, не составляющая результата особой вдумчивости: само дѣло взывать о вниманіи къ себѣ. Но велико ли, напримѣръ, то дѣло, что нѣсколько дѣвицъ духовнаго званія оставляютъ свое скромное училище, идутъ въ свои скромные дома помогать своимъ родителямъ въ занятіяхъ столь же скромныхъ, что кажется ни въ какія дальнорзительныя стекла не отыщешь связи между этими занятіями и великимъ назначеніемъ человѣка ⁸¹⁾, — между этими занятіями и между внутреннимъ человѣкомъ, непрерывно

⁸¹⁾ У Макарія, повидимому, были свои понятія о великомъ и маломъ, важномъ и не важномъ.

совершенствующимся? Но такъ какъ учебное заведеніе въ этотъ день выпускало, судя по всѣмъ человѣческимъ вѣроятіямъ, будущихъ матерей будущихъ служителей алтара: то для Макарія этотъ случай становится не совсѣмъ ничтожнымъ случаемъ онъ выступаетъ съ своимъ словомъ къ тѣмъ, и за коихъ, по его словамъ, только что принесъ безкровную жертву. Доказательствомъ того, что подобная проповѣдь не была случайностью или обычною принадлежностію праздника, видѣть должно въ томъ, что Макарій выступалъ съ такимъ словомъ не одинъ разъ (всѣхъ словъ по этому случаю шесть—напоминаемъ опять о сравнительно маломъ количествѣ его всѣхъ проповѣдей), и только развѣ ради остроумія можно находить эту заботливость не оставлять такого будто бы маловажнаго случая безъ слова назиданія слишкомъ уже чрезмѣрной. И какая важность мысли встрѣчается въ подобныхъ проповѣдяхъ по совсѣмъ неважнымъ случаямъ,—мысли, которая могла быть полезна не только для тѣхъ, къ кому слово было обращено, но и для многихъ другихъ, кто о семъ и не помышлялъ бы! Вотъ, напримѣръ, мысль проповѣди въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, сказанной въ харьковскомъ епархіальномъ училищѣ. Тогда начали говорить уже о народѣ, его образованіи—съ одной стороны, а съ другой—о средствахъ привести въ исполненіе эту благую мысль. И вотъ Макарій, любя народъ болѣе, чѣмъ такъ называемые народолюбцы, и въ то же время будучи совершенно чужды какого нибудь сословнаго эгоизма, нацутствуетъ „будущихъ подругъ смиренныхъ и бѣдныхъ служителей церкви“ призывомъ послужить народу, но въ то же время—„прогнать отъ себя самую мысль о томъ, что вы по своему образованію заслуживали бы лучшей участи“, чѣмъ какою, по обычаямъ свѣта, представляется участь чловѣка, обреченнаго на трудъ безъ щедраго воздаянія за трудъ. Сурово это слово: оно какъ будто бы обращено не къ будущимъ подругамъ жизни пастырей, а къ отказавшимся отъ своей воли миссіонерамъ. Но вѣдь, говорилъ проповѣдникъ, „вамъ внушали здѣсь, что вы должны любить всѣхъ ближнихъ безъ различія, какъ братій (по природѣ, въ особенности во Христѣ... Ближніе, среди которыхъ вамъ придется проводить жизнь, будутъ почти исключительно поселяне, люди простые, малограмотные или вовсе

безграмотные, люди съ недостатками и немощами... Докажите же на дѣлѣ, что ваше сердце исполнено христіанской любовью и способно любить равно и этихъ меньшихъ братій нашихъ по образованію и положенію въ обществѣ; не пренебрегайте ими, снисходите ихъ слабостямъ, старайтесь возвышать ихъ до себя и помогать имъ, чѣмъ только можете—совѣтами, убѣжденіями, *обученіемъ грамотъ ихъ малолѣтнихъ дѣтей*, если представится возможность“ и т. д. ⁸²). Едва ли можно утверждать, что этотъ призывъ къ культурно-христіанской миссиі среди народа былъ празднымъ словомъ, а не указаніемъ того, что по времени было нужно, настойчиво нужно для народа, а сверхъ того должно прибавить, что такое слово было не только современнымъ, но и проицающимъ въ будущее: извѣстно, какую культурную силу въ послѣдствіи стала представлять собою для народа женская половина семей духовенства въ видѣ учительницъ сельскихъ и городскихъ ⁸³). Другой примѣръ того, какъ проповѣдникъ не только отмѣчаетъ своимъ словомъ современныя событія, но и въ обычныхъ обстоятельствахъ указываетъ черты, на которыя современники должны обратить вниманіе, представляя собою хотя бы рѣчь при освященіи храма въ тюрьмѣ. Дѣло это, конечно, совсѣмъ обычное. Но мысль очень краткой рѣчи не совсѣмъ обычна, ибо она—златоустовская. Тюрьма для осужденныхъ есть, конечно, мѣстожительство не той части

⁸²) Слова, стр. 516.

⁸³) Въ содержаніи другихъ проповѣдей, произнесенныхъ по тому же поводу, въ одной онѣ развиваетъ мысль, что въ жизни, за стѣнами школы, только вѣра, надежда и любовь дадутъ собою надежное руководство для юныхъ питомцевъ: все прочее „часто не въ состояніи будетъ помочь“ въ морѣ житейскомъ (Слова вилен., стр. 20). Другая приблизительно заключаетъ въ себѣ ту же главную идею, что „въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни“ естественные руководители человѣка—собственный разумъ и ближніе часто бываютъ ничтожны безъ руководства благодатнаго (ibid. 71). Какъ бы предпосылкой этихъ проповѣдей служить положеніе, что если мы родимся, то для того, чтобы не только жить, но и дѣйствовать (ibid. стр. 23). Словомъ, всѣ проповѣди этого рода явно носятъ въ себѣ свидѣтельство того, что онѣ имѣютъ слушателями людей, такъ сказать, дѣйствительныхъ, а не абстрактныхъ,—съ точнымъ будущимъ кругомъ жизни и отношеній,—съ яснымъ сознаніемъ со стороны проповѣдника того, что предлагать этимъ слушателямъ возможно, а что и имѣть!

человѣчества, которая сіяетъ добродѣтелями. Но напомнимъ, что послѣ того, какъ появленіе Судебныхъ Уставовъ императора Александра сдѣлало эпоху въ исторіи человѣчества, появилось нѣчто, за что можетъ быть инымъ должно бы быть стыдно: разумѣемъ опять не язвительныя нападки на судъ улицы: это еще ничего бы,—вѣдь никакое человѣческое произведеніе не совершенно, а на самыя основы суда, которыми, какъ извѣстно, послужила „правда и милость“. Для нѣкоторыхъ вдругъ стало ясно, что состраданіе къ преступному есть уже сочувствіе его преступленію; и дошло бы до того, что калачъ въ родительскую субботу поданный въ острогъ, есть поощреніе къ преступленію. По крайней мѣрѣ, не очень давно самымъ серьезнымъ образомъ вопросъ объ уголовныхъ наказаніяхъ одна газета порѣшила самымъ несложнымъ образомъ: стоитъ ли разсуждать о томъ, долженъ ли прожить одинъ изъ негодяевъ нѣсколько лѣтъ болѣе или менѣе, и не всё ли равно, если онъ сейчасъ же перестанетъ жить, какъ скоро совершить свое позорное дѣло? Вотъ въ такую пору и сказана была маленькая рѣчь при освященіи храма въ пересыльной тюрьмѣ. „Хвалится милость на судъ“—началь проповѣдникъ словомъ Апостола. „Но не менѣе, если даже не болѣе достойна хвалы милость и *посль суда*, милость къ тѣмъ, которые при всей возможной на судъ милости, не могли быть оправданы, а осуждены по закону правды“, и эта милость — въ созданіи храма для потребностей осужденныхъ, ибо въ немъ несчастные преступники „могутъ найти для себя все, чего мы можемъ пожелать имъ по чувству челоуѣколюбія, во имя челоуѣчности и христіанства“! Но нѣтъ надежды, чтобы имъ *всѣмъ* пошло это на пользу? Вотъ здѣсь-то Макарій и напомнилъ обществу христіанскому, подобно какъ напоминалъ объ этомъ Злотоустъ, что значить *личность* въ христіанствѣ, *челоуѣкъ*, хотя и осужденный, всякое вниманіе къ которому стало дѣлаться болѣе и болѣе предметомъ покиваній. „Пусть не всѣ они воспользуются предлагаемою имъ милостію: довольно, если воспользуются хоть нѣкоторые изъ нихъ, хоть немногіе; *довольно, если воспользуется ею вполнѣ даже одинъ изъ нихъ*: и это будетъ великимъ приобрѣтеніемъ и заслугою (храмоздателей) предъ Богомъ: *потому что душа и одного*

человѣка, разумная и богоподобная, дороже всего вещественнаго міра: и за нее пролита безцѣнная кровь Искупителя“⁸⁴⁾). Но изъ чего же выходятъ въ своихъ положеніяхъ и Судебные Уставы, какъ не изъ того же, что душа человѣческая—вещь дорогая и потому съ нею надобно обращаться осторожно?

Такую связь между потребностями дѣйствительными и многими мыслями проповѣдей Макарія, или покрайней мѣрѣ между его отдѣльными замѣчаніями и нравственными направленіями времени можно усматривать во многихъ другихъ случаяхъ его проповѣдничества. Является ли онъ въ своей проповѣди защитникомъ вѣры какъ увѣренности, вѣры убѣжденной, разумѣвающей, и посему—и защитникомъ вѣдѣнія въ вѣрѣ, а стало быть, въ свою очередь, и защитникомъ науки боговѣдѣнія: это будетъ не совсѣмъ самоизмышленной темой. Конечно, по выраженію Макарія же, „христіанство не есть только ученіе (доктрипа), а есть вмѣстѣ и сила, и жизнь: всякъ, вѣрующій во Христа, можетъ дѣйствительно очищаться отъ грѣховъ и перерождаться“, а не слышать только ученіе о возрожденіи⁸⁵⁾, и вообще „мало *знать* только нравственные законы: намъ нужны еще силы творить добро“⁸⁶⁾). Но въ то же время умозрительное, познавательное отношеніе къ Богу, какъ предмету вѣры, есть обязанность христіанина: „да познаемъ Бога истиннаго: къ этому должны стремиться всѣ христіане“, и эту мысль Макарій защищалъ настойчиво, со всѣми ея выводами, ближайшимъ изъ которыхъ, конечно, будетъ нужда въ богословской наукѣ, такъ какъ сектаторская мысль о непосредственномъ озареніи есть мысль дерзкая и пагубная. Если скажутъ, что этой наукой, притязующей на вѣдѣніе вещей божественныхъ, много злоупотребляли: то Макарій отвѣчалъ и на это такимъ образомъ: „что чище и истиннѣе нашей св. Библии? А между тѣмъ не было и нѣтъ въ мірѣ христіанскомъ ни одной ереси, самой злой и богопротивной, послѣдователи которой не старались бы утвердить ее на тѣхъ или другихъ

⁸⁴⁾ Слова москов. стр. 59. 62.

⁸⁵⁾ Слова, стр. 601.

⁸⁶⁾ Ibid. стр. 632.

мѣстахъ Св. Писанія: ужели же изъ-за того, чтобы не впасть въ какую нибудь ересь, мы перестали бы читать и изучать самую нашу св. Библію?“⁸⁷⁾ И посему „возблагодаримъ Создателя, заключалъ одну изъ проповѣдей Макаріи: Онъ требуетъ отъ насъ вѣры въ Себя, но Онъ же даровалъ всѣ средства“ для убѣжденія, — „такъ что вѣра наша не есть вѣра слѣпая, темная, а разумная, свѣтлая, основательная“⁸⁸⁾, или, прибавимъ, по крайпей мѣрѣ она такой должна быть: это идеаль христіанина! Была ли нужда въ настаиваніи на этой мысли? Несомнѣнно была. Тотъ же арх. Феодоръ свидѣтельствуетъ (въ концѣ пятидесятихъ годовъ), что помышляли иные и такъ: „что намъ въ высшихъ и хитрыхъ мудрованіяхъ? Будемъ дорожить и спасаться простотою вѣры стараго русскаго племени“⁸⁹⁾, и авторъ вступаетъ въ полемику относительно вопроса о простотѣ, напоминая даже и то, что простота бываетъ хуже воровства! Но что это не выдуманное возраженіе (хотя мы не думаемъ, чтобы и все славянофильство думало такъ), это видно изъ того уже, что и позднѣе намъ властно проповѣдывалъ одинъ писатель, что русскій народъ нечего учить вѣрѣ: онъ все знаетъ и проч. (Достоевскій)⁹⁰⁾. И защита науки вообще, что видимъ въ проповѣдяхъ Макаріи, съ перваго взгляда представляется, конечно, сраженіемъ съ тѣнями: вѣдь его проповѣди говорились не среди же какого нибудь первобытнаго общества. Между тѣмъ онъ говорилъ и о томъ, что христіанство и образованіе не исключаютъ взаимно другъ друга; касался и специально вопроса о наукахъ физическихъ, по общему мнѣнію имѣющихъ конечною цѣлю лишь низменные стороны жизни человѣческой; но по Макарію это не такъ: природа учить

87) Ibid. стр. 683.

88) Ibid. стр. 369.

89) Указ. сочин. стр. 313.

90) Хорошъ отвѣтъ этому направленію относительно того, нужна ли намъ наука вообще, на что, какъ мы отчасти знаемъ, отвѣчалъ утвердительно и Макаріи. Говорили: „намъ не нужно западнаго образованія“. „Но не знакомые съ западною наукой, умѣли ли бы мы открыть достойный къ намъ милости Божіей толкъ и смыслъ въ самой древнерусской жизни, которая по наружности шла среди такихъ беспорядковъ?“ Арх. Феодор., ibid. 316.

и боговѣдѣнію, и даже нравственнымъ обязанностямъ чело-
вѣка, и „христіане, говоритъ Макарій, хотя имѣютъ у
себя книгу сверхъестественнаго Откровенія, Библію, однако
же могутъ пользоваться и книгою природы“, и „гласъ Бо-
жій къ намъ, который мы слышимъ въ Библии, становится
для насъ еще яснѣе, осязательнѣе, еще разительнѣе, когда
мы прислушиваемся къ нему въ природѣ“⁹¹⁾). Но если
опять спросимъ себя: для современнаго общества была ли
настоятельная нужда доказывать эту, по видимому без-
спорную, истину о не-вредѣ науки?—то для отвѣта нужно
будетъ припомнить, что въ то время былъ проповѣдникъ
съ заслугами предъ церковной и богословской наукой, ко-
рорый однакоже въ семинарскихъ руководствахъ по исто-
сіи проповѣдничества отмѣчается какъ такой, „у котораго
слово о суетѣ земной, ничтожествѣ *наукъ* и искусствъ сдѣ-
лалось всегдашнею любимою темою: онъ сводилъ свое слово
при всякомъ случаѣ на эту тему“,—при чемъ однажды
было даже утвержденіе, что ученые „не стараются узнать,
что они сами“.—Съ современностью, конечно, по природѣ
дѣла соединяется и мѣстность проповѣди, ибо проповѣд-
нику не должно упускать изъ виду, что содержаніе потребное въ
проповѣди для веселящихся городовъ совѣмъ не надобно
для голодающихъ деревень, хотя Евангеліе одно и для го-
родовъ и для деревень. Это выдерживается и у Макарія:
онъ не говоритъ о молоканахъ ранѣе, чѣмъ сдѣлался там-
бовскимъ епископомъ; объ образованіи ведетъ нарочитыя
рѣчи въ Харьковѣ, и даже первое его слово въ Харь-
ковѣ—на текстъ: горяя мудрствуйте, а не земная,—по-
тому что, говоритъ проповѣдникъ, Харьковъ есть „городъ,
откуда науки развиваютъ свой благодѣтельный свѣтъ на
всѣ области южнаго края“. Пребывая же въ Вильнѣ, онъ
далъ слѣдующій поучительный примѣръ различенія не только
временныхъ, но и особыхъ мѣстныхъ условій: говоря свою
первую проповѣдь предъ учрежденнымъ тамъ обществомъ
„ревнителей православія“, онъ принимаетъ во вниманіе
условія не только времени, но и города Вильны. Онъ сна-
чала говоритъ, что дорожить своею вѣрою и не ревновать

⁹¹⁾ Слова, стр. 680—682 и далѣе проповѣдникъ не скучаетъ привести
примѣры въ доказательство своей мысли.

о ней психологически не возможно: отсутствіе ревности есть индифферентизмъ, а послѣдній показываетъ, что вѣры нѣтъ. Но въ мѣстѣ произнесенія рѣчи нужно было имѣть въ виду и то, чтобы ревнителю не обратились въ гонителей по праву сильнѣйшаго, и вотъ мы видимъ прибавку въ рѣчи къ ревнителямъ, прибавку къ чадамъ православія о томъ, что „не всякая ревность о православіи есть ревность истинная: иногда и ревность можетъ заблуждаться“. Мы не будемъ теперь вполне приводить это мѣсто изъ рѣчи Макарія. Скажемъ только, что, по Макарію, „истинная ревность бываетъ только тогда, когда вполне соответствуетъ тѣмъ высшимъ началамъ, изъ которыхъ истекаетъ она—началамъ христіанской истины и христіанской любви“⁹²).

Такимъ образомъ проповѣдничество Макарія было современно прежде всего потому, что говоря свои проповѣди по особымъ случаямъ и даже проповѣди рядовыя, онъ не чуждъ былъ мысли, какъ прикладной элементъ въ своей проповѣди, имѣть въ виду специально современные потребности мысли и жизни, и такимъ образомъ Феодоръ Бухаревъ желалъ того, что въ извѣстной мѣрѣ было уже въ практикѣ русскаго проповѣдничества. При этомъ очевидно также, что если когда Макарій уже говорилъ что либо по нуждамъ современности, то дѣйствительно имѣлъ дѣло съ современностію, съ фактами, а не съ плодами воображенія. Но говоря по поводу современныхъ обстоятельствъ, проповѣднику часто не легко бываетъ удержаться въ равномъ разстояніи отъ двухъ крайностей: а) отъ вліяній на него самого господствующихъ воззрѣній, такъ что проповѣдникъ самъ является только эхомъ времени, вмѣсто того, чтобы руководить другихъ и б) на оборотъ—отъ преобладанія совершенно отрицательнаго отношенія ко всему, что дѣлается между живыми людьми. Что же въ этомъ отношеніи было съ Макаріемъ? Если мы теперь читаемъ въ проповѣдяхъ Макарія много такого, что повидимому было только какъ бы отголоскомъ времени; то это ни чуть не обозначаетъ, что у проповѣдника было стремленіе сообразоваться вѣку сему; тѣмъ менѣе въ Макаріѣ было элемента той современности, которая охарактеризована однимъ изъ нашихъ

⁹²) Слова вилен., стр. 39—40.

богослововъ, какъ угадываніе мыслей, которыя должны быть пріятны для людей господствующаго теченія. Макарій различаетъ во всякомъ современномъ явленіи то, одобреніе чего означало бы просто поддѣлываніе подъ вкусы вѣка и то, чему можно сочувствовать не смущаясь тѣмъ, что прежде думали иначе. Напримѣръ, онъ несомнѣнно сочувствуетъ реформамъ въ государственной и общественной жизни шестидесятыхъ годовъ, и доказательствъ этому едва ли не безчисленное, можно сказать, множество, и что особенно важно—это сочувствіе онъ выражаетъ какъ бы *отъ лица церкви* ⁹³⁾. Уже въ 1857 году онъ говорилъ слѣдующее: „мы живемъ въ замѣчательную эпоху для нашего отечества: въ эпоху сознанія нашихъ недостатковъ и въ эпоху прекрасныхъ начинаній и усовершенствованій“ и, цитую за тѣмъ слова извѣстнаго манифеста 19 марта 1856 года, прибавляетъ: „все отозвалось на царственный призывъ: и голосъ отдѣльныхъ лицъ и *общественное мнѣніе*, мало по малу возникающее и образующееся, и отечественная словесность и наука и—*во главѣ всего православная церковь*: ибо кто же болѣе и можетъ сочувствовать всякому истинному улучшенію въ народѣ русскомъ, *какъ не она—мать наша, которая (и это замѣчательно, какъ черта воззрѣній Макарія)* для того и существуетъ на землѣ, чтобы вести какъ частныхъ людей, такъ и цѣлыя народы къ постоянному, нескончаемому усовершенствованію?“ ⁹⁴⁾ Разрѣшеніе крѣпостной зависимости онъ называетъ „однимъ изъ величайшихъ и благодѣтельнѣйшихъ событій, когда либо совершавшихся въ землѣ русской“, предъ значеніемъ котораго „мысль изнемогаетъ, усиливаясь обнять его“ и потому онъ призываетъ „во имя чловѣчества, во имя христіанства“ отнестись къ факту съ радостію и, кого это касается, съ добросовѣстностію къ этимъ „нашимъ согражданамъ,

⁹³⁾ Конечно, выраженіе сочувствія фактамъ общественной жизни отъ лица церкви дѣло не совсѣмъ безопасное. Если въ 1828 году арх. Филаретъ Амфитеатровъ въ проповѣди въ Казани крѣпостное право трактовалъ какъ фактъ предустановленный: то мозиційныя привѣтствія отмѣненію этого не бросятъ ли тѣнь подозрѣнія, что церковная кафедра сообразуется вѣку сему?

⁹⁴⁾ Слова, стр. 299.

равнымъ намъ и по природѣ и по вѣрѣ“⁹⁵). Тоже сочувствіе преобразованію судебному, введенію суда *по совѣсти*, „которую одну справедливо можно назвать голосомъ Божиимъ въ насъ“; отъ этого суда онъ ожидаетъ укорененія въ обществѣ „той жизненной правды, которая составляетъ первую потребность въ обществѣ“. Тоже—и къ другимъ изъ важнѣйшихъ реформъ, напримѣръ—земству. Но что эти сочувствія не исходили только изъ желанія „быть современнымъ“ въ смыслѣ сообразованія вѣку тому, въ этомъ, кажется, можно убѣдиться на основаніи слѣдующаго. Прежде всего—можно было воздержаться отъ изъявленія восхищенія уже потому, что едва ли кто-либо обязывался *къ похваламъ* новымъ реформамъ: обязательно было повиновеніе. А въ не сочувствіи проповѣдникъ былъ бы даже не совсемъ одинокъ. Если, напримѣръ, писатель беллетристъ, не сочувствовавшій реформамъ, создастъ особый типъ полемики съ несочувственными ему явленіями и такимъ путемъ выражаетъ свое нерасположеніе къ современности⁹⁶); то и проповѣдника тѣмъ болѣе уже никто не вынуждалъ къ извѣстному настроенію, что для проповѣдей на подобные случаи есть безчисленное множество другихъ хорошихъ темъ. Причина сочувственнаго отношенія проповѣдника къ современности этого періода, по нашему мнѣнію, въ томъ, что многое изъ того, что онъ такъ сочувственно привѣтствовалъ въ своихъ проповѣдяхъ шестидесятыхъ годовъ, было какъ бы осуществленіемъ того, что выражалось въ тѣхъ прекрасныхъ параграфахъ его Догматики, съ мыслями которыхъ мы отчасти знакомы, и даже въ его проповѣдяхъ сороковыхъ годовъ. Это съ перваго взгляда представится просто невозможнымъ: какъ могло быть что либо касающееся общественныхъ вопросовъ, рѣшенныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, въ русской догматикѣ сороковыхъ годовъ? Но позволю себѣ напомнить: развѣ Макарій не приглашалъ еще тогда къ уваженію во всякомъ челоуѣкѣ его

⁹⁵) Ibid. стр. 480—481.

⁹⁶) Извѣстно, напримѣръ, что въ числѣ противниковъ великихъ реформъ былъ такой писатель, какъ Писемскій, увидавшій во всѣхъ реформахъ только „взбаламученное море“, и сдѣлавшій начало для особаго рода беллетристики—полемиической. См. его біографію при изданіи Сочиненій Стелловскаго.

человѣческой природы, человѣческаго достоинства? А вѣдь было бы уже очень большой натяжкой утверждать, что реформы шли къ умаленію этого достоинства! Поэтому, если опитъ Макаріи уже въ 1857 году, въ проповѣди о смиреніи, говорилъ, что „сознавать въ себѣ достоинство человѣческой природы и высокое достоинство христіанина, цѣнить свои таланты и способности, дорожить своимъ добрымъ именемъ: это не только позволительно христіанину, но есть даже его обязанность“⁹⁷⁾: то что же удивительнаго, если онъ пріивѣтствовалъ все, что совершенно было безспорно къ возвышенію достоинствъ человѣческой природы? Одинъ изъ проповѣдниковъ нашихъ уже въ словѣ на кончину Макаріи отмѣтилъ тотъ фактъ, что Макаріи не только радостно пріивѣтствовалъ въ своихъ проповѣдяхъ преобразования, но и „съ восторгомъ указывалъ въ нихъ *соотвѣтствіе требованіямъ Евангельской любви*“⁹⁸⁾. Намъ кажется, что это безусловно вѣрное замѣчаніе и объясняетъ его отношеніе къ реформамъ, а совсѣмъ не боязнь показаться несовременнымъ, если бы его слова сочувствія были менѣе пламенны. Онъ дѣйствительно утверждаетъ, что всѣ преобразования суть *плоды любви* къ людямъ Великаго Преобразователя, а къ этой идеѣ любви къ людямъ онъ ниталъ рѣшительную слабость. Да и кто осудить его за такую слабость?—Намъ замѣтять: если этотъ проповѣдническій восторгъ не былъ лишь преклоненіемъ предъ фактомъ дѣйствительно современнымъ, то почему голоса Макаріи не было слышно ранѣе, и только потомъ уже и онъ присоединилъ свой голосъ, на примѣръ, къ осужденію „прежнихъ нашихъ судовъ не доброй памяти?“⁹⁹⁾ Но на этотъ вопросъ можно попросить указать: гдѣ и когда Макаріи говорилъ что либо такое, на основаніи чего онъ могъ казаться столь же сочувствующимъ современности и тогда, когда „недобрая память“ была на лицо, подобно тому какъ позднѣе онъ сталъ сочувствовать исчезновенію этой памяти?—Далѣе. Свойство людей, которые ищутъ способовъ угадать преобладающую мысль, потомъ угадываютъ и отъ того

⁹⁷⁾ Слова, стр. 304.

⁹⁸⁾ Слово прот. П. А. Смирнова, въ Прав. Обозр. 1862, Іюнь—Іюль.

⁹⁹⁾ Слова москв., стр. 97.

дѣйствительно становятся современными, обыкновенно таково, что они легко впадаютъ въ преувеличенія при оцѣнкѣ того или другаго явленія ¹⁰⁰⁾. Но Макаріи, сочувствуя реформамъ, въ своихъ проповѣдяхъ предостерегалъ однако и отъ преувеличенныхъ ожиданій, что, разъ реформа совершена, все *eo ipso* придетъ въ наилучшее состояніе, и значить не о чемъ и думать болѣе, какъ только о реформахъ и реформахъ, нечего и дѣлать болѣе, какъ только восторгаться! Нѣтъ, есть еще нѣчто, чего никакими реформами достигнуть нельзя! Напримѣръ, въ одной изъ проповѣдей на новый годъ проповѣдникъ говорилъ (послѣ введенія въ предыдущемъ году судебной реформы) слѣдующее: „съ величайшимъ сочувствіемъ мы встрѣтили новый судъ, и это весьма естественно. Но одинъ судъ не сдѣластъ для насъ всего: судъ самый лучший можетъ только *обуздывать* неправду, а *искоренять* неправду въ нашей жизни общественной можемъ собственно мы сами“, а не какія либо реформы! И далѣе проповѣдникъ раскрываетъ мысль, что можетъ сдѣлать наша собственная правда въ словахъ, и правда въ дѣлахъ, заключая выводомъ, который онъ сдѣлалъ и въ другомъ случаѣ, именно: „когда искоренится неправда, тогда обновится и преобразится все не только въ насъ, но и вокругъ насъ“ ¹⁰¹⁾. При этомъ проповѣдникъ намекаетъ также, что пока правды этой еще нѣтъ: достиженіе ея составляетъ собою задачу, которую намъ еще предстоитъ разрѣшить.—Но обыкновенные панегиристы факта обыкновенно не омрачаютъ описываемой современности подобными намеками: они преданы ей бываютъ безпредѣльно. И это безпристрастное отношеніе къ современности, совершенное отсутствіе какого либо преклоненія предъ нею; допускаемаго лишь бы не составлять собою диссонанса съ вѣкомъ; у Макарія простиралось такъ далеко, что онъ, можно сказать, съ иной современностію совѣтъ не согласовался. Примѣръ этого, кажется, весьма типичный—въ одномъ изъ его на-

¹⁰⁰⁾ Это можно наблюдать, напримѣръ, на нѣкоторыхъ фактахъ журналистики: въ шестидесятыхъ годахъ извѣстныя педагогическія теоріи Ушинскаго и другихъ превозносились въ органахъ духовной журналистики; двадцать пять лѣтъ спустя тѣ же почти органы этимъ теоріямъ стали приписывать причину всего школьнаго неустройства.

¹⁰¹⁾ Слова, *ibid.* 678—679.

ставленій игумену, — о томъ, чтобы новопоставленный не избыточествовать учредіемъ въ строительствѣ каменномъ, а болѣе усердствовалъ бы въ строительствѣ душевномъ.

Мы сказали, что проповѣдники, соприкасаясь въ проповѣди съ жизнью дѣйствительной, не всегда воздерживаются отъ самаго легкаго рѣшенія всѣхъ современныхъ вопросовъ жизни: суммарно отрицательнаго отношенія къ ней, иначе рѣшенія, которое выражается въ объявленіи ничтожества всего земнаго, потому что все въ мірѣ непрочно, худо, ненадежно и грѣховно. Это даетъ многимъ проповѣдямъ отгѣнокъ глубокаго пессимизма, но пессимизма въ учительномъ смыслѣ бесполезнаго уже потому, что за порогами храма жизненныхъ отношеній сейчасъ даютъ себя чувствовать, а совѣтъ *встѣмъ* удалиться отъ міра не можетъ быть осуществленъ, и потому, конечно, справедливо проповѣдниками и не подается. Какъ относится къ этому проповѣдничеству Макарія? По весьма распространенному мнѣнію о личности самого проповѣдника, мрачный пессимизмъ не только не составлялъ черты личнаго его характера, но не входилъ и въ его міросозерцаніе. „Истинный подвижникъ, онъ былъ необыкновенно отзывчивъ на всѣ явленія современной жизни въ родной странѣ, сочувствуя всему свѣтлому и истинно-человѣческому, скорбя и сокрушаясь въ виду мрачныхъ обнаруженій зла“, и „хотя еще съ юныхъ дней отрекся отъ міра, однако не былъ безучастенъ къ нему, живо и искренне сочувствуя горю и радостямъ дѣйствительной жизни“ (изъ слова священн. Н. А. Елеонскаго). Но дѣло въ томъ, что скорбя и сокрушаясь тамъ, гдѣ дѣйствительно должно было скорбѣть, онъ эти мрачныя обнаруженія зла не считалъ какъ бы мировымъ закономъ, по которому иначе ничто и не можетъ быть, и съ этой мыслью онъ относился ко всему и въ своихъ проповѣдяхъ. Пессимизмъ проповѣдническій обыкновенно прежде всего обнаруживается въ безпоощадномъ осужденіи дѣйствительности, причемъ проповѣдники просматриваютъ и самыя отрадныя явленія жизни, отрадныя съ самой высшей точки зрѣнія. Макарій не былъ такимъ пессимистомъ. Какъ будто разъ на всегда, чтобы объ этомъ не было никакихъ сомнѣній, въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ сказалъ буквально слѣдующее: „я не принадлежу, братіе, къ числу тѣхъ людей,

которые смотрятъ на настоящее время, какъ на самый мрачный періодъ въ мірѣ христіанскомъ, и говорятъ, будто никогда порча нравовъ не доходила до такой степени, до какой дошла нынѣ. Увы! и прежде всегда на грѣшной землѣ порокъ былъ сильнѣе добродѣтели, и даже въ лучшія времена христіанства нечестіе гордо подымало голову и являлось во всемъ своемъ безобразіи. Вѣрю и знаю по опыту, что и нынѣ есть, какъ бывали и прежде души христіанскія, которыя всѣми мѣрами стараются быть достойными своего званія¹⁰²⁾. Выходя изъ этого начала необходимости *сравнительной* оцѣнки нравственнаго состоянія общества, для чего надобно обращать вниманіе не на одно настоящее, онъ напимѣръ нравственное состояніе нашего общества считаетъ худшимъ не въ настоящемъ, но въ прошедшемъ, категорически утверждаетъ, что конецъ прошлаго и начало настоящаго столѣтія были временами наихудшаго нравственнаго состоянія русскаго общества. „Едва ли когда сыны Россіи до такой степеніи удалялись отъ Бога, какъ къ концу прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго столѣтія... И едва ли когда и разнузданность нравовъ у насъ достигла такихъ размѣровъ, въ какихъ проявлялась тогда“. Но онъ, конечно, и въ этомъ утвержденіи старается сохранить справедливость, не видя всетаки въ Россіи того времени какого то новаго Вавилона¹⁰³⁾. Это, конечно, не значить, чтобы проповѣдникъ былъ такъ склоненъ къ противоположному взгляду, чтобы уже не замѣчать тѣней жизни: такъ проповѣдь, въ которой онъ такъ опредѣленно высказался противъ пессимизма, имѣетъ своимъ главнымъ содержаніемъ указать, какъ нехорошо то исключительно утилитарное направленіе, которое стала было принимать наша наука шестидесятыхъ годовъ. Онъ не отрицаетъ и того печальнаго факта, что, по его словамъ, въ „обществахъ человѣческихъ идетъ постоянная глухая борьба: то борьба партій, то борьба сословій, то—частныхъ лицъ; загляните въ святилища семействъ: увь, и въ этихъ святилищахъ большею частью (!) нѣтъ мира и счастья“¹⁰⁴⁾. Слѣдоват.

¹⁰²⁾ Ibid. 431.

¹⁰³⁾ Слова, стр. 538—539. Тоже стр. 620.

¹⁰⁴⁾ Ibid. 675.

есть о чемъ подумать, всякому моралисту! Но то коренное воззрѣнiе, покоившееся, какъ знаемъ, на догматическихъ основанiяхъ, именно, что не должно смущаться вспышками зла на землѣ и бояться за погибель добра, удерживало проповѣдника отъ того, отъ чего не могъ удержаться другой его современникъ, разумѣемъ преосв. Иоанна Соколова. Какъ извѣстно, послѣднiй въ началѣ шестидесятыхъ годовъ едва ли что признавалъ заслуживающимъ одобренiя изъ того, что стало входить въ общественный бытъ нашъ: и гласность, и печать, и свободу совѣсти, и общественное мнѣнiе, и видѣлъ въ этомъ однѣ дурныя стороны. Макарiй же, своимъ отношенiемъ къ этимъ предметамъ какъ будто бы ясно выразилъ, что изъ злоупотребленiя вещью не можетъ быть оуждаемо ея употребленiе вообще: припомнимъ его замѣчанiя о злоупотребленiи наукой. Поэтому Макарiй не позволялъ себѣ обращаться въ проповѣди съ грозными, чтобы не сказать гордыми словами, съ которыми обращался другой проповѣдникъ: „народъ! Помни Бога“— ибо Макарiй вѣрилъ, что народъ и не забывалъ и не забудетъ Бога, а это забвенiе будетъ только удѣломъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ группъ лицъ. И это отсутствiе пессимизма чувствуется во всѣхъ проповѣдяхъ Макарiя до конца его дней, подобно тому какъ и въ личной жизни онъ не былъ пессимистомъ, показавъ на себѣ самомъ возможность—не только учить такъ или иначе, но и жить сообразно своему ученiю. Это, должно прибавить, тѣмъ болѣе достойно замѣчанiя, что „путь личной жизни его былъ путемъ тернистымъ: самыя высокiя и свѣтлыя дѣла его перетолковывались въ дурную сторону, поношенiя и всякiе злые глаголы никогда не оставляли его въ покоѣ“ (И. А. Елеонскiй); но очевидно на каедрѣ онъ свои личныя расположенiя оставлялъ въ сторонѣ, выдѣляя дѣла человѣческiя отъ человѣческой природы и вѣря въ добро, заложенное въ природу человѣка. „Мы любимъ добро по самой своей природѣ и желали бы творить его“, говорилъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей: „но мы чувствуемъ, что у насъ не достаетъ для того духовныхъ силъ, и что для того, чтобы творить добро, мы должны постоянно бороться“¹⁰⁵).

¹⁰⁵) Слова вилен., стр. 88.

Стало быть: если должно вѣрить въ добро человѣческой природы, то задачей церковнаго учителя будетъ не стѣнать, а своимъ словомъ помогать творить добро, или, по выраженію того же истинно-христіанскаго писателя, о которомъ мы говорили (Ѳеодоръ Бухаревъ), „не распугивать и безъ того уже бѣгущихъ отъ благочестія, какъ отъ страшилища для грѣшныхъ людей, а со всею проникательностію христіанской мудрости поискать, *нельзя ли изъ дѣлъ житейскихъ открыть источники къ движенію несмысленныхъ талантовъ въры и благодати*—именно чрезъ уясненіе мірскихъ вещей и чрезъ устроеніе земныхъ дѣлъ по Христу“¹⁰⁶): задача, конечно, болѣе достойная кафедры, чѣмъ простое сѣтованіе! — Но можетъ быть при этомъ кто нибудь сочтетъ себя въ правѣ подумать, что этотъ не пессимистъ проповѣдникъ просто есть тотъ латитудинаристъ нравственнаго закона, у котораго главное правило: „Богъ проститъ“, и который проповѣдывалъ не объ узкомъ, а о широкомъ пути въ царствіе небесное? вообще проповѣдникъ, такъ сказать, жизнерадостный? Да, Макарій былъ противъ отягченія пути ко спасенію; у него нѣтъ этого запугиванія слушателя, недостатка въ каковомъ свойствѣ, наоборотъ, не бываетъ у другихъ проповѣдниковъ. Такъ, говоря о самой высшей заповѣди — о любви ко врагамъ, онъ заботится о томъ, чтобы слушатели „не преувеличивали трудностей при исполненіи Христовой заповѣди“, и потому не считали ее данной по имъ¹⁰⁷). Но въ этомъ отношеніи не должно ли будетъ признать, что во всѣ времена проповѣдники довольно говорили о трудности дѣла спасенія, и посему удивляться должно ли, если у одного изъ нихъ рѣчь, которая явственнѣе другихъ, оказалась уже рѣчью о *возможности* спасенія для всякаго? А отъ этого далеко еще до проповѣди беззаботности о своемъ спасеніи. Но что еще будетъ главнѣе въ этомъ вопросѣ, это взглядъ Макарія на жизнь человѣка, изъ каковаго взгляда не можетъ вытекать одобренія пессимизму, но въ то же время не можетъ вытекать и мысли, что спасеніе возможно безъ труда и усилій,—и что слѣдовательно Макарій какъ проповѣдникъ не можетъ

¹⁰⁶) О православіи, стр. 312.

¹⁰⁷) Слова, стр. 246.

быть причисленъ къ проповѣдникамъ того типа, которые послабляютъ нравственный законъ. — Что есть жизнь въ отношеніи къ самому живущему человѣку? „Жизнь и здорově“, по Макарію, „есть *первое благо* для каждаго человѣка, какъ для царя, такъ и для подданнаго“ ¹⁰⁸⁾). Богъ, сотворивъ насъ, „посылаетъ намъ несчетные дары для поддержания и услажденія нашей жизни“ ¹⁰⁹⁾). А если такъ, то законно и попеченіе о внѣшней жизни, законны и радости жизни. Законно *попеченіе*: потому что Богъ, сотворивъ насъ, поставилъ насъ въ извѣстные неизбѣжныя условія, при соблюденіи которыхъ только и возможна жизнь, на примѣръ, „продолженіе жизни прежде всего обуславливается отношеніемъ къ намъ внѣшней природы“, какъ то плодоносіемъ земли, требующей труда. Стало бытъ, пренебреженіе жизнью въ извѣстной мѣрѣ можетъ служить показаніемъ пренебреженія къ дару. Законны и *радости*: „если, говорилъ проповѣдникъ, вы когда нибудь усладили христіанскою любовію послѣднія минуты умирающаго, или спасли отъ смерти погибавшаго; если вы призрѣли и воспитали безпріютнаго сироту; обратили заблуждавшагося на путь истины и благочестія; если вы были въ состояніи заплатить врагу добромъ за зло; если принесли жертву обществу или цѣлому отечеству: тогда вы знаете, что такое „радости“ истинныя! ¹¹⁰⁾). Словомъ, что касается до источника радости, то это опредѣляется у Макарія тою же самою формулою, которая извѣстна, именно: радости въ жизни можетъ имѣть тотъ, кто самъ споспѣшествуетъ человѣческой жизни другаго. Но изъ этого видно, что и попеченіе о жизни, и радости жизни—это только средства и слѣдствія; средства же не должно обращать въ цѣль, слѣдствія можетъ и не быть въ желательномъ для насъ смыслѣ, а потому абсолютное начало жизни христіанина есть какъ не одна дѣятельность, направленная къ благополучію человѣческому, такъ равно и не одно созерцаніе безъ дѣятельности, а формула: „трудись и молись“—и при томъ то и другое не въ раздѣльности; *трудись*—„наблюдая пути Промысла въ

108) Слова, стр. 564.

109) Ibid. стр. 656.

110) Ibid. стр. 579:

своей жизни“ ¹¹¹⁾, не ради того только, чтобы трудиться по образу машины, ибо мы родились „не затѣмъ, чтобы жить, а и затѣмъ, чтобы дѣйствовать, чтобы исполнять наши обязанности“ ¹¹²⁾; *молись*, но молись не квізистически, а дѣятельно, такъ что въ одномъ мѣстѣ касательно этого Макарій выразился: „не молиться только мы должны, а и трудиться, если непритворно желаемъ самимъ себѣ и нашимъ ближнимъ просвѣщенія свѣтомъ Христовымъ“ ¹¹³⁾,— что и есть истинная жизнь на землѣ. Посему и радости жизни суть плодъ молитвы и труда, иначе — того же самага, чѣмъ содѣвается спасеніе. Но—молитву и трудъ можетъ ли кто признать средствомъ упирающимъ врата царствія, и человѣчество не идетъ ли менѣе охотно именно этимъ мнимо-широкимъ путемъ, и на оборотъ—не болѣе ли охотно иными, съ перваго взгляда кажущимися весьма узкими путями? И это гѣмъ болѣе не составляетъ латитудинаризма, что и Макарій въ путяхъ достиженія спасенія признаетъ относительно разныя степени ихъ достоинства, или, такъ сказать, вѣрности: разумѣется, конечно, то, что и онъ признаетъ различіе между исполнителями евангельскихъ заповѣдей и послѣдователями евангельскихъ совѣтовъ ¹¹⁴⁾.—Такимъ образомъ, если что показалось бы въ проповѣди Макарія отступающимъ не скажемъ отъ традиціи, но отъ довольно распространеннаго обычая, обычая—представлять какъ возможно чаще малонадежность ко спасенію путей обычной жизни съ ея большими трудами (не имѣющими при томъ весьма часто очевидной связи съ цѣлями спасенія) и съ малыми радостями, словомъ, если что можетъ казаться нравственнымъ послабленіемъ, это лишь открытое признаніе законности жизни большинства, а большинство обязуется заботиться и о временномъ тѣлесномъ благоустройствѣ. Это Макарій проповѣдывалъ при своемъ вступленіи на епископскую кафедру, объявивъ себя обязаннымъ „воспитывать людей въ вѣрѣ и благочестіи и такимъ образомъ устроить не одно вѣчное, но вмѣстѣ и временное ихъ счастье“ ¹¹⁵⁾. Но

¹¹¹⁾ Догмат. Богосл. II. стр. 219.

¹¹²⁾ Слова вилен. стр. 23.

¹¹³⁾ Ibid. стр. 60.

¹¹⁴⁾ Ibid. стр. 506.

¹¹⁵⁾ Ibid. стр. 174.

это—мысль и не совѣтъ даже новая, чтобы видѣть въ ней превознесеніе землянаго начала въ ущербъ духовному ¹¹⁶⁾, и послабленіе строгости нравственнаго закона.

Одной изъ выдающихся особенностей проповѣдничества Макарія является отношеніе проповѣдника къ такъ называемому полемическому элементу въ проповѣди, ибо здѣсь Макарій наиболѣе обнаруживаетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по своимъ духовнымъ расположеніямъ. Условимся прежде всего подъ именемъ полемики въ проповѣди разумѣть какъ опроверженіе мнѣній не согласныхъ съ истиной, такъ и защиту истины отъ нападеній на нее заблуждающихся, что чаще называется апологетикой: ибо въ сущности это какъ бы отрицательная и положительная задачи одного и того же дѣла.—Обычай опровергать мнѣнія ложныя съ церковной кафедры есть обычай *древній*, но и не чрезмѣрно древній: первохристіанская проповѣдь была скорѣе *увѣщаніемъ* ко всему святому, чѣмъ опроверженіемъ неправоты неправомыслящихъ и неправо-учащихъ. О введеніи полемическаго элемента не только въ проповѣдь, но и вообще въ область христіанской умственной жизни, въ ея обычаи, существовали прежде и продолжаютъ существовать не одинаковыя мнѣнія. Одинъ изъ древнихъ писателей церкви объ усиленной полемикѣ съ иномыслящими, о *жаждѣ* словесной побѣды во что бы то ни стало, выразился, что „*состязанія* приличествуютъ болѣе конямъ“, чѣмъ богословствующимъ людямъ. Златоустъ выражался съ перваго взгляда какъ будто даже совершенно парадоксально, именно, онъ говорилъ: „не возможно, чтобы состязающійся съ развращенными имѣлъ когданибудь успѣхъ“. Митрополитъ Филаретъ въ новое время возставалъ противъ усилившейся полемики въ духовныхъ журналахъ, и между прочимъ былъ недоволенъ нашимъ академическимъ журналомъ за то, что, въ глазахъ Филарета, въ немъ

¹¹⁶⁾ Златоустъ говорилъ: Христосъ „не только исцѣлялъ тѣла, но врачевалъ и души, и опять отъ попеченія о душахъ переходитъ къ попеченію о тѣлахъ, разнообразя пользу и соединяя съ ученіемъ словеснымъ явленіе знаменій, и заграждая безстыдныя уста еретиковъ тѣмъ самымъ, что имѣлъ попеченіе о душѣ и вмѣстѣ тѣлѣ; и тѣмъ показывалъ, что Онъ есть виновникъ всецѣлой жизни. Потому-то Онъ и прилагалъ о тѣлѣ и душѣ большое попеченіе, врачуя то первое, то послѣднее“. Бесѣд. на Матѣ. ч. 1, стр. 266 р. пер.

отводилось слишкомъ много мѣста полемикѣ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ по этому поводу писалъ: „лучше ли соединенными силами отражать общихъ враговъ, которыхъ много, и взаимно покрывать терпѣніемъ наши частныя недостатки?“ ¹¹⁷⁾. Филаретъ находилъ, что въ ту эпоху усиленной полемики у насъ иногда „оскорблялось чувство приведеніемъ рѣчей антихристіанскихъ перетолкователей христіанства“. Но и въ этомъ вопросѣ у Филарета, какъ это и прежде, мы находимъ замѣчательнѣйшій тезисъ, дающій какъ бы мѣрило гомилетическое для оцѣнки проповѣдничества въ отношеніи къ вопросу о полемикѣ. Въ одномъ изъ словъ онъ говорилъ: „не охотно вхожу въ разсужденіе о предметѣ спорномъ. Знаю совѣтъ святаго Павла *не словопрѣтися ни на кую же потребу, на разореніе слышащихъ*. Но знаю и то, что сей мирный увѣщатель иногда самъ принужденъ былъ входить въ споръ, не на *разореніе*, но для назиданія слышащихъ, *когда видѣлъ, что молчаніе было бы хуже спора...* Желательно употреблять слово Господне преимущественно какъ свѣтильникъ для *путей познанія и для путей жизни*, какъ пищу для души: но не напрасно оно представляется и подъ образомъ меча духовнаго: *необходимо иногда употреблять его на разсѣченіе хитросплетеній, которыя угрожаютъ* опутывать души сѣтьми не апостольскими!“ ¹¹⁸⁾. Что же окажется, если это мѣрило приложить къ проповѣдничеству Макарія?

Мы уже замѣтили, что Макарій въ проповѣди не былъ наклоненъ къ полемизированію. Уже и потому конечно, что „свойство сильныхъ умовъ есть терпимость“, отъ Макарія и вообще въ другихъ областяхъ умственнаго труда нельзя ожидать особой наклонности, прямѣе сказать, той *любви* къ полемикѣ, съ которой любители этого дѣла отдаются ему. Справедливо замѣчаютъ, что люди высокой нравственности и истинной добродѣтели бываютъ людьми наиболѣе толерантными въ отношеніи къ недостаткамъ ближнихъ: они знаютъ, какъ труденъ путь добродѣтели, чтобы ступая по нему можно было поручиться, что не преткнешься. Такъ

¹¹⁷⁾ Письма къ А. В. Горскому, № 23.

¹¹⁸⁾ Слова: изд. 1848, II. стр. 97.

точно истинные люди науки — въ отношеніи къ мнѣніямъ другихъ, съ ихъ мнѣніями несогласнымъ: ибо они знаютъ, какъ трудно достается каждая крупина истины! Еще справедливѣе замѣчаніе о Макаріѣ, что онъ въ области умственной вообще не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые въ чужой попыткѣ мыслить о предметахъ науки видятъ (по своей гордынѣ) только „распущенное блужданіе мысли, не сдерживаемой надлежащей опекой, по темнымъ дебрямъ знанія“ и которые „готовы думать, что самая идея человѣческой жизни уже исчерпана въ своемъ развитіи и теперь родъ человѣческой существуетъ уже не въ силу божественнаго соизволенія, а только поущенія и долготерпѣнія со стороны Божественнаго милосердія“¹¹⁹). Развивать о Макаріѣ эту мысль болѣе значило бы повторять всѣмъ извѣстное. Но и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, основаніемъ толерантности Макарія въ области мнѣній служило его догматическое воззрѣніе, высказанное уже въ догматикѣ: *терпѣть другъ друга* онъ призывалъ во имя совершеннаго для всѣхъ людей искупленія. „Для всѣхъ насъ одни и тѣ же благодатные дары предлагаются въ таинствахъ: намъ ли не заботиться, чтобы терпѣть другъ друга?“¹²⁰). При такомъ взглядѣ Макарій, разумѣется, не могъ полемизировать въ томъ образцѣ, какой къ счастью болѣе и болѣе отходить въ область преданій: всякаго заблуждающагося считать или обманщикомъ или глупцомъ или явлюю добычею діавола. Ибо значило ли бы это уважать человѣческую природу въ челоуѣкѣ, къ чему призывалъ Макарій, когда въ самую основу сношеній съ ближними полагалось предположеніе его недобросовѣстности,—тогда какъ она еще недоказана? И могъ ли мыслить такъ Макарій, котораго отъ юности занимала мысль о томъ, что можетъ служить къ умягченію вины язычниковъ предъ судомъ вѣчной правды? „Откуда раздоры? говорилъ однажды Макарій: „преимущественно отъ гордости, отъ самолюбія, отъ эгоизма, по которому всякъ дорожитъ только самимъ собою.“ Если бы не эгоизмъ (конечно не только мнѣній, но и дѣйствій), то возможно было бы то, что „царство земное преобразилось бы

¹¹⁹) Прав. Обзор. 1882, Июнь-Юль, стр. 570.

¹²⁰) Догм. Богосл. III. 385. V. 63.

нѣкоторымъ образомъ въ царство небесное“: такъ разсуждалъ Макарій ¹²¹⁾. На почвѣ такихъ воззрѣній, повторяемъ, разумѣется, трудно образоваться любителю полемики.—Но обращаясь къ специальной области проповѣдничества нельзя не задаваться такимъ вопросомъ: уже ли же Макарій никогда не чувствовалъ того положенія, когда „молчаніе было бы хуже спора“, и это въ эпоху пробужденія мысли и значительной свободы слова, когда, какъ это было въ одно время, нужно было предъ судомъ доказывать, что книга, отрицающая существованіе души, есть книга вредная для общественной нравственности ¹²²⁾? И не можетъ ли такой проповѣдникъ подлежать справедливому упреку въ недостаткѣ ревности по истинѣ православія?— Въ отвѣтъ на это должно принять во вниманіе слѣдующее: особенную склонность къ полемикѣ имѣютъ тѣ проповѣдники, которые, во первыхъ, преувеличенно понимаютъ значеніе доктринальной стороны въ христіанствѣ, вслѣдствіе чего, разумѣется, не могутъ не смотрѣть на малѣйшія неточности въ вѣдѣніи какъ на величайшія опасности для дѣла спасенія: это совершеннѣйшая противоположность толстовскимъ старцамъ, отказывающимся *узнать* что либо; во вторыхъ, тѣ, кто не проводитъ надлежащаго разграниченія между истинами символической обязательности, внѣ признанія которыхъ нельзя быть и христіаниномъ, и истинами научными, — между истинами, дѣйствительно христіанскими и истинами безразлично-научными, составляющими сферу гуманитарную; и наконецъ—просто люди, по выраженію древняго богослова, „борзые на языкъ“. „Мы ловимъ грѣхи другъ друга (говорилъ о такихъ св. Григорій) не для того, чтобы уврачевать, но чтобы еще уязвить, и раны ближняго имѣть оправданіемъ собственныхъ недостатковъ. У насъ признакомъ добрыхъ и злыхъ—не жизнь, но дружба или несогласіе съ нами“. Макарій чуждъ былъ подобныхъ воззрѣній и это, разумѣется, дѣлало его проповѣдь не изобильной полемическимъ элементомъ; а что касается до ревности о православіи, то и на это онъ имѣлъ свои взгляды, изъ которыхъ опять не

¹²¹⁾ Слова, стр. 75.

¹²²⁾ Разумѣемъ извѣстное дѣло въ 60-хъ годахъ издателя сочиненій Вундта.

вытекало, что уселенная полемика и есть исключительно достовѣрное свидѣтельство о ревности, — и онъ не старался дѣйствительно о такомъ родѣ свидѣтельства. Къ сказанному должно прибавить и то, что Макарій, конечно, не могъ упускать изъ виду и самаго элементарнаго условія полемизированія: общности почвы, согласія полемизирующихъ между собою въ исходной точкѣ спора, наличности согласія въ основныхъ фактахъ. Уклоненіе отъ полемики при подобныхъ обстоятельствахъ, разумѣется, только очень близорукимъ людямъ покажется индифферентизмомъ, потворствомъ и т. п. Но не по недостатку же ревности Златоустъ считалъ излишней въ проповѣди полемику противъ отрицающихъ промыслъ. Онъ говорилъ, что „если противники скажутъ, что нѣтъ Бога, то мы не будемъ и отвѣчать (на ихъ возраженіе о промыслѣ): потому что какъ безумные, такъ и говорящіе, что нѣтъ Бога, не стоятъ отвѣта“. Иначе сказать, и по Златоусту полемика предполагаетъ обоюдное признаніе нѣкоторыхъ истинъ: нельзя полемизировать о промыслѣ съ безбожникомъ. — Что касается вопроса о значеніи доктрины, отношеніемъ къ которой много условливается и мѣра полемики въ проповѣди, то мы уже знаемъ, что, исходя изъ начала необходимости *познанія* для спасенія, Макарій утверждалъ однакоже, что „христіанство не есть только ученіе, но есть вмѣстѣ и *сила* и *жизнь*“; христіанинъ — тотъ, кто не только можетъ знать, „но можетъ дѣйствительно перерождаться, можетъ побѣждать всякую страсть, совершать всякое добро“¹²³⁾. Стало быть, проповѣдникъ еще не вполне исполняетъ свой долгъ, если забываясь о правильности познанія при этомъ будетъ считать дѣломъ для себя второстепеннымъ заботу о насажденіи христіански доброй жизни, а эта односторонняя забота объ истинѣ обыкновенно и создаетъ односторонне-полемическое направленіе въ проповѣди. Пусть хитросплетенія противниковъ распутаны: но что толку, если этимъ „совершеніе всякаго добра“ оставляется также въ области только знанія, хотя и правильнаго, что христіанинъ можетъ совершать добро? „Живая вѣра въ истину Христову, говорилъ Макарій, какъ содержитъ ее церковь, совершеннѣйшая хри-

¹²³⁾ Слова, стр. 601, а также стр. 632.

стіанская любовь—это только главные качества православныхъ христіанъ. Но нераздѣльно съ тѣмъ они должны украшаться и всѣми частнѣйшими нравственными совершенствами, какія заповѣдуетъ имъ Евангеліе“¹²⁴). При томъ, Макаріій указывалъ, что и предѣлы познанія, изъ за котораго можетъ возникать полемика, относительно не обширны. Макаріій говорилъ: „въ Библии изложены двоякаго рода истины: непостижимыя для насъ, *въ строгомъ смыслѣ истины вѣры*, относящіяся къ сверхъестественному порядку вещей, и истины постижимыя для нашего разума, тѣ самыя, которыя еще прежде были начертаны для насъ во всемъ мірозданіи“. Вслѣдствіе того, подобно Златоусту, и Макаріій, какъ мы отчасти объ этомъ упоминали, считая обычную проповѣдь *внутренней*, а не внѣшней церковной дѣятельностью, отрицаетъ самую возможность полемики по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ, составляющимъ область вѣры, область непостижимаго и недоказуемаго въ богословскомъ смыслѣ, по причинѣ отсутствія принудительной очевидности. „Для кого, скажите, говорилъ онъ во вступительной проповѣди къ московской паствѣ, можетъ имѣть смыслъ и силу проповѣдь Евангелія? Лишь для тѣхъ людей, которые дѣйствительно вѣруютъ въ бытіе Бога; а слухъ невѣровъ совершенно закрытъ для воспріятія евангельскаго ученія“¹²⁵). Стало быть онъ принципиально (и въ основательности этого едва ли можно сомнѣваться) изъ области предметовъ, могущихъ составлять вопросы полемики, изъемяетъ даже основные предметы христіанской доктрины, какъ предметы вѣры и какъ предметы миссіонерской внѣшней, а не внутренней проповѣди.—Но кромѣ области основныхъ предметовъ доктрины есть доктрина вѣроисповѣдная; а кромѣ недостаточности въ познаніи, недомыслія, бываетъ зломысліе. Ревновалъ ли, проще сказать, Макаріій о православіи и защищалъ ли его отъ враждебныхъ нападеній? Проповѣди Макаріія сами по себѣ, конечно, не есть тѣ безконфессіональныя проповѣди, типы которыхъ уже существуютъ на западѣ. У него имѣется цѣлая проповѣдь о православіи, любопытная именно въ отношеніи къ вопросу о полемикѣ.

¹²⁴) Слова вилен., стр. 9.

¹²⁵) Слова москов., стр. 3.

„Что такое православіе? спрашиваетъ Макарій. „Прежде всего чистѣйшая истина въ христіанствѣ“ и православный— „только тотъ, кто усвоилъ себѣ эту чистѣйшую истину Христову“. Поэтому Макарій признаетъ, такъ сказать, проблематическими православными тѣхъ прежде всего, которые почти *не знаютъ* православія: ибо какъ можно съ нихъ сказать, что они *усвоили* его себѣ?... За тѣмъ, „православіе—это совершеннѣйшая любовь въ христіанствѣ, нераздѣльная съ чистѣйшею истиною, та любовь, которая одна можетъ сообщать надлежащую цѣну и значеніе самой вѣрѣ нашей въ истину Христову“ (то есть, сообщаетъ цѣну самой доктринальной нашей правотѣ). „Значитъ (говоритъ Макарій) всѣ, желающіе достойно носить имя православныхъ, не только обязаны усвоить догматы православія, но обязаны вмѣстѣ всецѣло усвоить христіанскую любовь, *жить ею* и руководиться въ своей дѣятельности“. За тѣмъ, „православіе—это совершеннѣйшая правда въ христіанствѣ, какъ прямое слѣдствіе чистѣйшей истины и совершеннѣйшей любви. Истина всегда указываетъ и можетъ указывать одну правду, а любовь никогда не допуститъ насъ совершить никакой неправды“, — „правдою мы должны отличаться и въ дѣлахъ житейскихъ, а тѣмъ болѣе въ дѣлахъ высшаго порядка“. И наконецъ, говоритъ проповѣдникъ: „спросимъ еще разъ: что такое православіе? И дадимъ общій отвѣтъ: *православіе—то же самое, что истинное христіанство*, и, слѣдовательно, православные должны быть истинными христіанами“ ¹²⁶). Но теперь—чего же требуетъ такъ понимаемое православіе отъ ревнующаго о православіи? Одной ли защиты истины теоретической, или всѣ три момента, входящіе въ понятіе о православіи одинаково важны для существованія православія, и слѣдовательно представляютъ одинаковую важность для полемиста проповѣдника? Еще Златоустъ говорилъ: „то и ослабляетъ важность нашей вѣры, то и низвращаетъ все, что никто нисколько не думаетъ о жизни. Мы говоримъ, что Христосъ есть Богъ, предлагаемъ множество и другихъ догматовъ, между прочимъ и то, что Онъ заповѣдалъ всѣмъ жить праведно; но на самомъ дѣлѣ это—у немногихъ. Порочная жизнь уни-

¹²⁶) Слова вилен., стр. 2—9.

жаеть догматы о воскресеніи, о безсмертіи души, о судѣ“. Какъ это? „Душа, погрязшая въ порокахъ, старается избрѣтать для себя такого рода утѣшенія, дабы не скорбѣть при мысли, что есть судъ и что насъ ожидаетъ воздаяніе за добро и зло“, то есть, невѣріе въ догматы бываетъ *слѣдствіемъ* порочной жизни, а не всегда *причиной* такой жизни, и что слѣдовательно забота пастырей о жизни до значительной степени является въ то же время попеченіемъ и о *доктринѣ*. Если теперь сравнить Макаріево опредѣленіе того, что такое православіе, съ приведеннымъ мѣстомъ Златоуста; то я думаю, что Макаріевская мысль должна быть признаѣна тождественною съ Златоустовскою, именно, что въ дѣлѣ православія опасности для чистоты ученія исходятъ не отъ одного только теоретическаго заблужденія, а и отъ разрыва догмы отъ жизни! Но конечно, было бы странно, усматривать въ приведенномъ мѣстѣ ослабленіе важности превосходства вѣроисповѣднаго ученія православной церкви предъ прочими церквами: подъ именемъ чистѣйшей истины Макарій разумѣетъ то, что доселѣ „соблюдаетъ во всей цѣлости и неповрежденности единая православная церковь“. Теперь: если православіе не составляетъ одной доктрины, и если отсутствіе личной правды и любви нельзя признать не нарушающимъ дѣйствительности пребыванія въ православіи, а скорѣе ведущимъ даже къ поврежденію и самаго ученія (Златоустъ, ср. ниже Филаретъ): то, ставъ на такую точку зрѣнія Макарія, мы не должны будемъ удивляться, что одна такъ назыв. конфессиональная полемика не составляетъ содержанія его проповѣдей, и что онъ призываетъ къ ниспроверженію противниковъ православія нѣсколько иными способами, чѣмъ открытіе у противниковъ погрѣшностей историческихъ и логическихъ, вообще „уловленіе грѣховъ“ неправомыслящихъ! А это, скажемъ не обинуясь, опять сродно съ понятіями о томъ же предметѣ Златоуста. Безъ сомнѣнія, по Макарію, увѣжденіе въ православіи требуетъ и обнаруженія ревности по православію: „что за православные, которые какъ бы стыдятся своего православія? или ставятъ его наравнѣ съ другими христіанскими исповѣданіями?“ Но ревнованіе не можетъ выражаться исключительно въ полемикѣ за чистоту доктрины. „Всѣ, желающіе носить имя православныхъ,

не только обязаны усвоить себѣ догматы православія, вѣровать въ нихъ и исповѣдывать ихъ, но обязаны всецѣло усвоить христіанскую любовь, жить ею и руководиться ею въ своей дѣятельности: „вотъ совершеннѣйшее православіе. А это требуетъ слѣдующаго: „любите и *разномыслящихъ съ вами во вѣрѣ*, во всемъ; на всѣ злословія отвѣчайте прощеніями, а особенно воздавайте молитвою къ Богу, да просвѣтитъ Господь умы“ разномыслящихъ. „Совершеннѣйшая любовь, всѣхъ обнимающая, все проникающая, есть лучшее украшеніе православнаго христіанина и *вѣрнѣйшее средство* для побѣды надъ всякою враждою. . . И чѣмъ болѣе вы будете отличатся любовью среди иновѣрцевъ, тѣмъ неотразимѣе она будетъ покорять ихъ сердца“. И такъ какъ второй признакъ православія есть, по Макарію, правда: то онъ указываетъ значеніе и этого признака въ вопросѣ о ревности по православію. Именно, ревность, сколь бы горяча она ни была, не должна нарушать требованій правды. „Ревнуйте объ истинѣ Христовой, о спасеніи ближнихъ; но помните, что православіе есть чистѣйшій свѣтъ и отнюдь не должно распространяться путями тьмы. Употребляйте для этого одни только *оружія свѣта*: наставленіе, вразумленіе, убѣжденіе, кротость, любовь, собственный примѣръ благочестивой жизни. Если другіе христіане держались иногда или и доселѣ держатся даже въ дѣлахъ вѣры мнѣнія, будто цѣль освящаетъ средства: такіе христіане для насъ не примѣръ“ (и онъ деликатно не поясняетъ, кто это такіе христіане!). Но ревность по вѣрѣ не только должна сообразоваться съ обязанностями по отношенію къ ближнему: она налагаетъ и на самихъ ревнителей особыя обязанности. Какія же обязанности? *Собственное усовершеніе во вѣрѣ*, и потому: „впередъ же и впередъ, съ Божіею помощію! Подвизайтесь неустанно добрымъ подвигомъ вѣры, возрастайте и укрѣпляйтесь болѣе и болѣе въ своемъ исповѣданіи“: вотъ послѣднее слово Макарія о ревности! А такая ревность не требуетъ непременно состязаній и полемики, хотя бы то и другое называлось и какъ нибудь иначе.

Приведенныя слова объ истинной христіанской ревности были сказаны при первомъ вступленіи въ Вильну въ 1869 году, и потомъ не много позднѣе, повторены, и едва ли можно сказать что либо лучшее сообразно съ временемъ

и мѣстомъ проповѣди, и несомнѣнно самъ проповѣдникъ всегда былъ первымъ исполнителемъ своего ученія, въ этой проповѣди изложеннаго. Этотъ призывъ къ вѣроисповѣдной терпимости не былъ голосомъ одного Макарія: аналогическія, но болѣе рѣзко выраженные рѣчи, слышались нѣсколько и ранѣе. Напомнимъ, напримѣръ, того же духовнаго публициста, современника Макарія, съ которымъ мы встрѣчались, т. е. Θεодора Бухарева. И этотъ взывалъ къ православному обществу о томъ, что „для дѣла спасенія души не безопасно, если, ратуя противъ духовнаго язычества, пренебрежемъ духа челоуѣколюбія Христова, и будемъ словомъ нещаднаго осужденія поражать иногда и служащаго Божію дѣлу мира, какъ язычника, Пилата“. „Иной думаетъ и говоритъ, что онъ въ вѣрѣ твердъ, а посмотришь—онъ служитъ мерзости своего корыстолюбія или какой нибудь идеѣ, взятой совсѣмъ не отъ вѣры“¹²⁷⁾. Если такъ, то не потребна ли была въ отношеніи къ полемическому элементу проповѣдь именно такая и о томъ, какъ это мы видимъ у Макарія? И митр. Филаретъ также весьма рано напоминалъ русскому обществу, что „кто не имѣетъ челоуѣколюбія, тотъ не можетъ благонадежно увѣрять себя, что имѣетъ *чистую вѣру*“¹²⁸⁾. На то же распространенное мнѣніе, котораго касался и Макарій, что содержаніе чистой доктрины есть безспорное свидѣтельство чистой вѣры, и Филаретъ не очень снисходительно отвѣтилъ такъ: „скажетъ иной: какъ? Я вѣрую въ единосущную Троицу, въ Господа Іисуса, отвергаю всякое неправославное мудрованіе: *не сія ли есть чистая вѣра въ Бога*, каковы бы ни были мои отношенія къ людямъ?“ Филаретъ отвѣчалъ: „нѣтъ спора, что сія есть истинная вѣра въ существѣ своихъ догматовъ; но можетъ быть сомнѣніе, точно ли *ты* ее имѣешь и какъ имѣешь... Твоя вѣра въ мысляхъ, можетъ быть, еще только задатокъ, по которому надлежитъ получить сокровище, то есть *живую силу* вѣры. А какъ получить ее? *сердцемъ!* Но если ты усвоилъ вѣру сердцемъ: тогда ты возлюбишь всѣхъ челоуѣковъ любовію Христовою; изъ любви къ Пострадавшему будешь готовъ пострадать за искуплен-

¹²⁷⁾ О православіи, стр. 56—58.

¹²⁸⁾ Слова, изд. 1848. стр. 9.

ныхъ Его смертию, — кратко сказать: *по мѣртвѣ совершенства въ вѣрѣ будешь совершенъ въ челоуколюбіи!*“ Опять—идея, выдвигавшая наряду съ потребностью вѣроисповѣдной полемики и необходимость тѣхъ призывовъ, которые мы читаемъ въ проповѣдяхъ Макарія.

Макарій, какъ мы сказали, строго различалъ науку всякаго рода и въ томъ числѣ богословіе *отъ вѣры* въ собственномъ смыслѣ; ибо первая есть созданіе челоуческое, послѣдняя—созданіе Божіе,—и это опять служило основаніемъ того же, почему сфера вопросовъ полемики въ проповѣди у Макарія сокращалась. Мы знаемъ также, что у него есть намеки и на то, что полемизированіе въ нашихъ условіяхъ уже потому не можетъ быть усиленнымъ, что не мало людей, которые почти не знаютъ православія, и потому прежде чѣмъ заботиться объ оградѣ для пустаго мѣста не лучше ли позаботиться о засаженіи этого мѣста? А затѣмъ, полемическая ревность тогда дѣйствительно полезна вѣрѣ, когда она „прежде всего ревность разумная, просвѣщенная, которая знаетъ, въ чемъ состоитъ православіе, что въ немъ существенное и не существенное“¹²⁹). Тѣмъ паче, разумѣется, это условіе приложимо къ вопросамъ лишь посредственно соприкасающимся съ вѣрою: полемизированіе здѣсь можетъ оказаться смѣшеніемъ разныхъ областей. На раздѣльности области научныхъ вопросовъ отъ области предметовъ вѣры Макарій весьма и настаивалъ. У него нѣтъ, на примѣръ, проповѣдей, полемизирующихъ противъ выводовъ естественно-историческихъ наукъ, съ болѣе или менѣе ясно выраженной враждебностію противъ легкомысленныхъ иногда по самому существу выводовъ ея,—и не только нѣтъ, но и не должно быть по его воззрѣнію.—Въ университетской проповѣди, на тему о томъ, что христіане могутъ пользоваться книгою природы, Макарій говорилъ въ заключеніе слѣдующее: „да не пугаетъ насъ мысль, которая не рѣдко повторяется особенно въ наши дни (1868 годъ), мысль, будто изученіе природы можетъ быть опаснымъ для нашей вѣры, и повести даже къ невѣрію и безбожію. Нѣтъ, книга природы никогда не станетъ въ противорѣчіе съ бібліею: потому что та и другая книга равно

¹²⁹) Слова вилен., стр. 40.

отъ Бога! Удержимся обвинять *науку* естествознанія въ томъ, въ чемъ могутъ быть виновны только *люди*, занимающіеся ею, которые, то не выразумѣвъ достаточно какихъ либо явленій природы, то принимая однѣ свои догадки за непреложныя истины, могутъ иногда указывать на факты, будто бы не согласные съ Откровеніемъ?¹³⁰⁾ Стало быть, будетъ ли дѣломъ производительнымъ полемизировать въ проповѣди, зачисляя недомысліе въ чуждой области за поврежденіе ученія вѣры. А между тѣмъ, какъ и безъ того у церковной кафедрѣ много дѣла! Если, по выраженію Макарія, наука „не въ состояніи *дать* вѣры и нравственности“: то, конечно, уже не заблужденія Дарвина и Геккеля и *отнимаютъ* то и другое: припомнимъ мнѣніе Златоуста о порядкѣ, въ которомъ слѣдуетъ порча въ человѣкѣ. — Раздѣльность областей науки и христіанства Макарій ставитъ даже почти главнымъ содержаніемъ одной изъ университетскихъ проповѣдей. „Не одно, а два величайшія блага даровалъ намъ Господь въ своей благодати — *равно необходимыя для насъ*: разумъ и Откровеніе, или *науку и христіанство*. Каждое изъ нихъ имѣетъ свою особую цѣну, особое назначеніе, и одно не можетъ замѣнить другаго“. Но кафедра церковная призвана, конечно, служить для идеи Откровенія, а не мирить двѣ раздѣльныя области, при томъ, конечно, не равноправныя: наука—всегда доступна заблужденію и измѣнчивости; Откровеніе—истинно и вѣчно. Это не можетъ не имѣть въ виду всякій проповѣдникъ, дѣйствительно желающій служить Слову Божію. Наука пособляетъ церковной кафедрѣ разъяснить истины Божественнаго Откровенія, какъ намекнулъ объ этомъ Макарій въ другомъ мѣстѣ. Если же этой помощи нѣтъ, церковное учительство обойдется *своими* средствами; но „не требуйте отъ науки того, что выше ея силъ и средствъ“, а этого именно и требуютъ отъ науки, когда въ каждомъ ея фактѣ, въ каждомъ открытіи хотятъ видѣть элементъ воспособленія христіанству и, наоборотъ, полемизируютъ съ ней, если окажется, что воспособленія нѣтъ, или, лучше сказать, нѣтъ сейчасъ, а убѣжденнаго терпѣнія не заготовлено. — Свое неприязаніе входитъ съ полемикой всюду, во всѣ области,

¹³⁰⁾ Слова, стр. 683.

Макарій ясно выразилъ также въ своихъ взглядахъ на *предметы* христіанскаго самоотверженія. „Христіанинъ, говорилъ онъ, подчиняетъ свой умъ вѣрѣ Христовой, но отнюдь не подавляетъ его въ себѣ, и не отказывается отъ его самодѣятельности. *Подчиняетъ только въ истинахъ вѣры, открытых Самимъ Богомъ* и относящихся къ міру невидимому, сверхчувственному, недоступному въ настоящей жизни для нашихъ наблюденій и изысканій. *А весь міръ вещественный*, вся окружающая насъ *природа и самъ человекъ* постоянно остаются предметами для самостоятельныхъ изслѣдованій христіанина“. „Словомъ, — повторяемъ уже приведенное замѣчаніе Макарія — христіанинъ отвергается не отъ ума своего, а отъ своеумія и суемудрія въ области вѣры“. И въ этомъ то обстоятельствѣ, что христіанство не стѣсняетъ человека въ предметахъ вѣдѣнія естественными силами, и требуетъ подчиненія только въ таинствахъ вѣры, Макарій видитъ причину, почему „наука и нынѣ никѣмъ не разрабатывается съ такою самостоятельностью и успѣхомъ, какъ христіанами“¹³¹⁾. — Этими положеніями какъ нельзя лучше объясняется и то, почему Макарій прежде всего старается просто *учить* и менѣе полемизировать, и то, почему по инымъ вопросамъ онъ все-таки допускаетъ полемику, равно какъ объясняется и самый способъ его полемизированія. Такъ онъ вступаетъ въ полемику по вопросу о томъ, можетъ ли наука въ области нравственной дать людямъ все то, что даетъ христіанство: дать абсолютные нравственные законы, быть утѣшительницею страждущаго человечества. Но онъ въ этой полемикѣ признаетъ, что и наука „весьма много дѣлаетъ для насъ къ устраненію бѣдствій“; онъ лишь отрицаетъ всемогущество, вседовольность здѣсь науки, и доказываетъ, что абсолютные нравственные законы, истинное утѣшеніе доставляетъ только христіанство, и—вы чувствуете, что имѣете предъ собою добросовѣстнаго полемиста, уважающаго и въ противномъ мнѣніи то, что въ немъ есть истиннаго! Онъ полемизируетъ противъ обращенія науки исключительно къ ремесленнымъ, индустріальнымъ цѣлямъ, и въ этомъ онъ (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ) является лишь провозвѣстни-

¹³¹⁾ Ibid. стр. 504—506.

комъ того, что потомъ заявлялось многими и обнаружилось даже поворотомъ въ самой наукѣ (разумѣемъ усилившійся интересъ къ наукамъ философскимъ). Но въ то же время—нечего и говорить, что онъ не обвиняетъ въ этомъ самую науку, хотя образцы этого были въ проповѣдничествѣ—онъ признаетъ, что и приложенія науки къ потребностямъ живыхъ людей—дѣло желательное: тягости и нужды внѣшняго быта народа, „незавидное существованіе“ его, онъ ставитъ въ связь съ отсутствіемъ образованія въ народѣ, и потому признаетъ желательнымъ и изученіе наукъ, „которыя могутъ имѣть приложеніе въ нашемъ быту общественномъ и гражданскомъ“¹³²). Онъ цѣлую проповѣдь посвящаетъ критикѣ мнѣній о средствахъ къ искорененію неправды въ судахъ, и разбираетъ тѣ средства, отъ коихъ тогда (въ концѣ пятидесятихъ годовъ) ожидали уничтоженія этого, по выраженію проповѣдника, возросшаго „на почвѣ русской огромнѣйшаго дерева, покрывающаго своими вѣтвями многія и многія темныя дѣла“¹³³), то есть усиленіе просвѣщенія, гласность, улучшеніе содержанія судей. И вотъ защитникъ просвѣщенія, въ этой полемикѣ, имѣетъ добросовѣстность сознаться, что просвѣщеніе умственное не всегда гарантируетъ то, чтобы судіи „дѣйствовали чище тѣхъ, которые совсѣмъ не отвѣдывали высшаго образованія“. Гласность? Онъ признаетъ (какъ и всегда въ послѣдствіи признавалъ) значеніе гласности: но онъ справедливо признаетъ, что вѣдь все темное дѣлается не на показъ, не для того, чтобы быть предметомъ гласности. Этимъ примѣромъ мы хотимъ показать, что, признавая въ одномъ случаѣ справедливость во мнѣніи имъ не раздѣляемомъ, въ другомъ онъ не отказывается, когда того справедливость требуетъ, признать слабость и въ симпатичномъ ему предметѣ. Была распространена (вѣроятно и будетъ) мысль, что „сокровища, издерживаемыя на благолѣпіе храмовъ, лучше употреблять на благодѣянія ближнимъ, ибо Богъ не нуждается въ нашихъ храмахъ и во всѣхъ этихъ сокровищахъ“¹³⁴), и вотъ онъ самъ много любившій ближняго, и потому знающій свойства

¹³²) Слова, стр. 542. 544.

¹³³) Ibid. стр. 442.

¹³⁴) Ibid. стр. 520.

и выраженія этой любви, однако же полемизируетъ противъ этой мысли. Какъ? „Мы, дѣйствительно, имѣемъ право и должны употреблять земныя блага для удовлетворенія нашихъ собственныхъ человѣческихъ нуждъ“, говоритъ онъ и тѣмъ отличается отъ не малаго числа проповѣдниковъ. Но почему мы вспоминаемъ о нуждахъ ближнихъ только тогда, когда дѣло идетъ о храмахъ, а не тогда, когда дѣло идетъ „о роскошныхъ для себя одеждахъ, изысканныхъ яствахъ, великолѣпныхъ жилищахъ“? А здѣсь то какъ разъ и забываемъ, что „ближніе часто нуждаются въ самомъ необходимомъ?“ Вѣдь продавали церковное золото для выкупа плѣнныхъ и для помощи несчастнымъ тѣ, которые, пожалуй, и себя продали бы для той же цѣли, если бы только эта собственность могла имѣть какую либо цѣнность,—а не мы, вспоминающіе о бѣдныхъ тогда, когда намъ нельзя помянуть болѣе бѣдныхъ!—Говоря проповѣдь на освященіе храма въ мѣстности малоканской, онъ едва упоминаетъ о молоканахъ, и то обращаясь не къ нимъ, а къ православнымъ¹³⁵⁾. Какой бы, кажется, прекрасный случай заняться опроверженіемъ лжеученія молоканъ! Проповѣдь и дѣйствительно направлена противъ мнимодуховныхъ христіанъ, но только противъ ихъ ученія, а не противъ лицъ, людей заблуждающихся! Иначе, онъ опровергаетъ лжеученіе, оставляя какъ бы безъ вниманія лжеучителей. И такъ это согласно съ принципами Макарія: не сражаться съ *лицами*, безъ надежды даже быть выслушану ими (за ихъ отсутствіемъ), а опровергать *ученіе*, и въ то же время—научить присутствующаго, утѣшить смущающагося. Встрѣчаясь съ поводомъ коснуться заблужденія мнимостарообрядческаго, онъ, основатель научнаго изученія раскола, не настойчиво полемизируетъ противъ двоеперстія, но въ то же время чувствительно намекаетъ на „неразсудительность тѣхъ христіанъ, которые вовсе не начертываютъ на себѣ креста, а представляютъ движеніемъ руки какъ будто какую-то дѣтскую забаву“¹³⁶⁾. Отъ чего же такъ? Думаемъ, объясненіе этому онъ самъ далъ въ другой проповѣди. Описывая скудость просвѣщенія среди только что освобожденнаго народа,

¹³⁵⁾ Ibid. стр. 289.

¹³⁶⁾ Ibid. стр. 220.

проповѣдникъ говоритъ: народъ вѣруетъ большею частію глубоко, непоколебимо вѣруетъ. „Вѣра подкрѣпляетъ эти милліоны людей, и научаетъ ихъ переносить мужественно всѣ тяжести и нужды ихъ существованія. Но и тутъ горе. По своей необразованности, и не умѣя искушать и различать духовъ, они легко увлекаются всякими лжеученіями и часто попадаютъ въ сѣти раскола, этого исчадія невѣжества, живущаго только невѣжествомъ. О, какъ же нужно умственное преобразование и обновленіе для всѣхъ этихъ темныхъ людей“! ¹³⁷).—Стало быть, что же можно сдѣлать полемикой тамъ, гдѣ нуженъ „свѣтильникъ для путей познанія?“

Но не ошибочны ли были самыя основанія въ воззрѣніяхъ Макарія на полемику?—разумѣемъ, конечно, полемику въ примѣненіи къ проповѣди. Главными положеніями его теоріи въ данномъ отношеніи, конечно, были: менѣе сражаться въ проповѣди, и болѣе — учить, не смущаясь вражескими угрозами истребить вѣру на землѣ, и пребывая въ убѣжденіи, что отъ словопреній—мало приобрѣтаемъ, а если теряемъ вѣрующихъ, то не отъ того, что мало сражаемся, а отъ того именно, что недостаточно просвѣщаемся свѣтомъ ученія Христова! Но такое отношеніе Макарія къ полемикѣ мы должны признать истиннымъ уже потому, что и позднѣйшія наблюденія другихъ людей такого же положенія, наблюденія надъ религіознымъ состояніемъ христіанскаго общества приводятъ къ тѣмъ же выводамъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ одинъ изъ современныхъ намъ проповѣдниковъ объ отношеніи нападеній науки къ дѣйствительной вѣрѣ: „христіанству угрожаетъ опасность не столько отъ невѣрія научнаго, сколько отъ маловѣрія и невѣрія практическаго или дѣятельнаго, отъ распространенія нехристіанскихъ обычаевъ и отъ жизни христіанъ, противной Евангелію. Многіе, очень многіе изъ христіанъ нашего времени нуждаются въ томъ, чтобы въ сердцахъ ихъ глубже напечатлѣлись слова Спасителя: покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе!“ (Преосв. Сергій, архіепископъ Владимірскій). А если такъ, то не опроверженіе всѣхъ ересей составляетъ ближайшую задачу проповѣдничества, а нѣчто другое...

В. Кипарисовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹³⁷) Ibid. 544.

Герман, митр. Афинский. Из церковной жизни православного востока. Доклад митрополита Афинского Германа депутатам 13-го периода Парламента греческого королевства / Пер. архим. Антиох. Рафаила; под ред. И. Н. Корсунского // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 102–122 (2-я пагин.). (Начало.)

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНАГО ВОСТОКА.

*Докладъ митрополита Афинскаго Германа депутатамъ
13-го періода Парламента греческаго королевства.*

На страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ за текущій годъ уже появились свѣдѣнія, касающіяся церковной жизни южныхъ славянъ ¹⁾). Черезъ это кругъ предметовъ содержанія одного изъ отдѣловъ программы академическаго изданія значительно расширяется, простираясь не только къ западу отъ предѣловъ Россіи, изслѣдованіями о различныхъ сторонахъ духовной жизни инославныхъ западныхъ странъ, но и къ православному востоку, съ которымъ Россію связываютъ тѣсныя узы и племеннаго родства и еще болѣе того,—родства по вѣрѣ. И если южные славяне, при насажденіи православной вѣры въ нашемъ отечествѣ, подѣлились съ нами однимъ изъ величайшихъ благъ,—письменностію, при томъ ближе всего и преимущественно церковною, то самыя начала вѣры мы приняли отъ Греціи, которой по сему столько же, если не болѣе, обязаны вниманіемъ и благодарностію, сколько и южному славянству. Послуживъ дѣлу освобожденія Греціи отъ многовѣковаго мусульманскаго ига въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ позже,—освобожденію славянъ отъ того же ига, мы тѣмъ самымъ не сложили съ себя этой обязанности, а напротивъ, еще сильнѣе должны напрягать свое вниманіе къ православному востоку, откуда возсіалъ для насъ свѣтъ (ex oriente lux) вѣры и разумѣнія, какъ став-

¹⁾ См. „Богосл. Вѣстникъ“ 1893 г. № 3 (мартъ), стр. 559 и дал., статью проф. Г. А. Воскресенскаго.

шему для насъ дороже по тѣмъ жертвамъ, которыя мы принесли и приносимъ за него. Это же, можно надѣяться, не мало послужитъ къ усилению желаннаго взаимообщенія между Россією и православномъ востокомъ ¹⁾, къ установленію правильнаго взгляда на православный востокъ, на совершившіяся и совершающіяся въ немъ событія и явленія, на припелъцевъ къ намъ съ востока и т. д., къ устраненію нѣкоторыхъ племенныхъ недоразумѣній и под. По всѣмъ этимъ и подобнымъ соображеніямъ, имѣя въ виду отъ времени до времени помѣщать на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ свѣдѣнія изъ жизни православной восточной церкви, мы на первый разъ предлагаемъ вниманію его читателей сдѣланный годъ тому назадъ, но доселѣ еще не обратившій на себя должнаго вниманія въ русской современной печати докладъ Германа, митрополита Аоинскаго, депутатамъ 13-го періода (новой сессіи) Парламента свободной Греціи. Этотъ докладъ, помимо высокихъ внутреннихъ своихъ достоинствъ, имѣетъ для насъ въ настоящемъ случаѣ еще тотъ особенный, немаловажный интересъ, что онъ и бросаетъ взглядъ на предшествующія историческія судьбы православной греко-восточной церкви и широко, полно обнимаетъ современное состояніе сей послѣдней съ ея потребностями, представляя въ себѣ такимъ образомъ какъ бы предварительное объясненіе той картины современной церковной жизни востока, которая потомъ будетъ изображаема въ общаемыхъ нами свѣдѣніяхъ объ этой жизни.

Докладъ преосвященнѣйшаго митрополита Германа, какъ выясняется изъ прилагаемаго нынѣ текста его, имѣетъ въ виду три главныхъ предмета: 1) церковное управленіе; 2) образованіе священнаго клира и 3) вопросъ о церковномъ имуществѣ, слѣдовательно разсуждаетъ о самыхъ животрепещущихъ и въ тоже время важныхъ вопросахъ церковной жизни въ его отечествѣ. Но эти вопросы, особенно въ той ихъ постановкѣ, какую даетъ имъ составитель доклада, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлагаетъ рѣшеніе ихъ,

¹⁾ Издавна существовавшее и доселѣ не прекращающееся взаимообщеніе это, за послѣднія десятилѣтія омраченное нѣкоторыми племенными недоразумѣніями, съ 1882 года снова сдѣлалось болѣе оживленнымъ благодаря дѣятельному участию особенно Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

должны имѣть и имѣютъ всеобщій для православія интересъ. Вопросъ о церковномъ управленіи, объ уровнѣ образованія духовенства и о церковныхъ имуществахъ, тѣсно связанные взаимно, составляютъ, особенно же первый, главнѣйшій изъ нихъ, самое большое мѣсто въ церковной жизни православнаго востока вообще, безотносительно къ той или другой изъ частныхъ православныхъ восточныхъ церквей, въ противоположность римско-католической западной церкви, въ которой эти вопросы имѣютъ давно и твердо установившееся (хотя правильное или неправильное канонически, это во многомъ также еще вопросъ) рѣшеніе. Не говоря уже о православныхъ церквяхъ, доселѣ находящихся подъ мусульманскимъ игомъ, каковы церкви патріархатовъ: Константинопольскаго, Антиохійскаго, Іерусалимскаго и Александрійскаго, даже церкви находящіяся среди христіанскихъ государствъ, каковы ближе всего и болѣе всего частныя церкви православныя въ разноплеменной и разносоставной Австрійской монархіи, испытываютъ величайшія затрудненія въ разрѣшеніи означенныхъ вопросовъ на практической почвѣ, хотя, по видимому, основные церковныя каноны, касающіеся ихъ, должны бы быть одни и тѣже у христіанъ. Ибо, если мусульманское правительство, только благодаря предстательству христіанскихъ державъ, терпитъ христіанскія общины среди мусульманскаго населенія, то правительства христіанскихъ державъ господствующаго инославнаго исповѣданія по особымъ, миссіонерскимъ и политическимъ, видамъ, представляютъ много такихъ затрудненій: естественно, напримѣръ, что римско-католическое Австрійское правительство не станетъ въ разсматриваемомъ отношеніи отдавать предпочтенія православнымъ общинамъ Буковины, Хорватіи или Босніи съ Герцеговиною по сравненію съ римско-католическими общинами тѣхъ же странъ. Такъ оно и поступаетъ; и едва ли много нужно говорить о тѣхъ стѣсненіяхъ разпаго рода, какія испытываетъ и духовенство и населеніе православное въ этихъ странахъ отъ Австрійскаго правительства, вспомошествоваемаго въ такихъ странахъ представителями и монашествующаго и блага духовенства инославныхъ исповѣданій. Описаніемъ этихъ стѣсненій заняты многіе столбцы разныхъ и русскихъ и иностранныхъ газетъ.—Но и этого

мало. Даже независимыя (автокефальныя) церкви православнаго востока, какovy: церковь королевства греческаго, церковь сербская и другія, также много страдают и терпятъ отъ затрудненій, постоянно встрѣчающихся имъ при разрѣшеніи тѣхъ же вопросовъ на практикѣ. Здѣсь причинами таковыхъ затрудненій являются нѣсколько иныя, заключающіяся преимущественно въ столкновеніи чисто мірскихъ интересовъ гражданскихъ правительствъ тѣхъ странъ съ церковными, духовными интересами. Усилившееся, особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи, преобладаніе идеи національности въ вопросахъ и дѣлахъ внутренняго управленія государствъ означенныхъ, какъ и многихъ другихъ, странъ, въ связи съ усилившимся почти настолько же преобладаніемъ меркантильныхъ интересовъ, прикрашиваемыхъ именемъ прогресса, въ молодыхъ, еще не успѣвшихъ духовно окрѣпнуть, послѣ освобожденія отъ многовѣковаго чужеземнаго ига, политическихъ организамахъ этихъ странъ, породило забвеніе важнѣйшихъ, духовныхъ интересовъ въ лицахъ, стоявшихъ и стоящихъ у кормила гражданскаго ихъ управленія; а стремленіе къ подражанію евронеѣскимъ конституціоннымъ государствамъ еще болѣе побуждало таковыхъ лицъ устранять вліяніе церковной власти на жизнь населенія ихъ странъ. Все это, также какъ и вообще направленіе умовъ нашего вѣка, далеко не вполне благопріятствовавшее процвѣтанію религіи и нравственности, между прочимъ и въ конституціонномъ королевствѣ Греческомъ произвело немалыя затрудненія въ желанномъ разрѣшеніи поставленныхъ выше вопросовъ и вообще способствовало упадку церковной жизни. Нынѣшнее Греческое королевство, какъ извѣстно, образовалось вслѣдъ за увѣнчавшимъ успѣхи Русскаго оружія въ войнѣ съ Турками Адрианопольскимъ миромъ 1829 года, послѣ многолѣтней борьбы Грековъ за свою независимость, вспомошествоваемыхъ Европейскими державами и особенно Россіею, противъ жестокихъ притѣснителей Турокъ, не щадившихъ ни сана, ни пола, ни возраста въ своей звѣрской жестокости и насиліяхъ надъ Греками. Официальное признаніе Турціею независимости Греціи состоялось въ 1830 году, при чемъ Греція объявлена была республикою, а королевствомъ признана была въ 1833 году и первымъ королемъ ея былъ 17-лѣтній принцъ

Баварскій Оттонъ, принадлежавшій къ римско-католическому исповѣданію. Въ составъ новаго королевства вошли слѣдующія земли древней Греціи: Пелопоннесъ (Морея), острова: Евбея и цикладскіе на Эгейскомъ морѣ (Андросъ, Кеосъ, Сиросъ, Тиносъ, Наксосъ и др.), а изъ материковыхъ земель—Аттика, съ главнымъ городомъ всего королевства Аѳинами, и части Греціи къ сѣверу отъ Аттики до линіи, проведенной между заливами Арта съ одной, и Воло—съ другой стороны. Затѣмъ въ 1864 году территорія королевства увеличена была присоединеніемъ къ нему республики такъ называемыхъ семи острововъ (Іонійскихъ). Наконецъ по Берлинскому трактату 1878 года рѣшено было присоединить къ тому же королевству и части Фессалии и Эпира, примыкающія къ нему, при чемъ пограничная линія стала простирагься отъ залива Арта до залива Салоникскаго. Одновременно и въ связи съ новымъ политическимъ устройствомъ освобожденной части Греціи послѣдовало и новое устройство церкви въ ней, которая издавна (со времени раздѣленія церковей) находилась въ іерархическомъ подчиненіи Константинопольскому патріарху. И между тѣмъ какъ даже при республиканскомъ правленіи (1830—1833), послѣ освобожденія Греціи, ея церковь продолжала быть въ томъ же подчиненіи, по образованіи королевства въ 1833 году положеніе ея въ этомъ отношеніи измѣнилось. Правительству юноши—короля Оттона, состоявшему изъ лицъ или прямо иностранныхъ и инославнаго исповѣданія, прибывшихъ съ нимъ изъ Германіи (каковы: Мауреръ, графъ Арманспергъ и генераль Гейдекъ), или и изъ Грековъ, но получившихъ Европейское образованіе и усвоившихъ себѣ идеи западныхъ исповѣданій (каковъ въ особенности іеромонахъ Теоклитъ Фармакидъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ, вмѣстѣ съ Мауреромъ, членовъ новаго правительства), сильно желалось, чтобы новое независимое королевство Греческое имѣло и церковь независимую. Опасаясь однако же несогласія на то со стороны Константинопольскаго патріарха, оно замыслило устроить эту независимость самовольно, безъ всякаго сношенія съ патріархомъ, и слѣдовательно уже прямо неканонически. Образована была семичленная коммиссія (изъ трехъ духовныхъ и четырехъ свѣтскихъ лицъ, въ числѣ коихъ были упомянутые Мауреръ и Фармакидъ), которая

составила основныя положенія устройства церкви королевства и регламентъ, по коимъ все управленіе церковію вѣвлялось постоянному священному Синоду съ мѣстопробываніемъ сего послѣдняго въ столицѣ королевства, — Аѳинахъ; но при этомъ взаимѣи подчиненія патріарху, Синодъ поставленъ былъ въ полную зависимость отъ гражданской власти, подобно другимъ правительственнымъ учрежденіямъ королевства, и главою, верховнымъ начальникомъ Синода, былъ поставленъ король. Такъ дѣло продолжалось до 1850 года, когда, вслѣдствіе протеста многихъ, болѣе благоразумныхъ людей и вслѣдствіе нужды въ поставленіи новыхъ каноническихъ епископовъ, правительство королевства наконецъ обратилось къ патріарху Константинопольскому за утвержденіемъ независимости церкви королевства. Послѣ разсужденій по этому дѣлу въ великомъ Синодѣ Константинопольской церкви и по сношеніи съ другими вселенскими патріархами, независимость (автокефальность) церкви королевства была признана и для нея начертано было соборнымъ дѣяніемъ болѣе сообразное съ канонами устройство, хотя и при этомъ правительство королевства постаралось измѣнить начертаніе соотвѣтственно началамъ, положеннымъ въ основу регламента 1833 года, именно и болѣе всего въ отношеніи къ зависимости церкви отъ гражданской власти. Не говоря уже о министрѣ церковныхъ дѣлъ, въ рукахъ котораго Аѳинскій священный Синодъ и прежде и послѣ 1850 года являлся и является не болѣе какъ слѣпымъ его орудіемъ, въ Синодѣ постоянно засѣдаетъ королевскій прокуроръ (*ἐπίτροπος*), который, вмѣстѣ съ поставляемыми отъ короля секретарями Синода, является постояннымъ контролеромъ церковнаго управленія въ интересахъ конституціи, которая, со времени революціи 1843 года, прочно водворилась въ королевствѣ Греческомъ и по которой высшія рѣшенія даетъ періодически собирающаяся Палата депутатовъ или Парламентъ (*Βουλή*). Такимъ образомъ по составленному на основаніи помянутаго соборнаго начертанія 1850 года и въ виду регламента 1833 года и обнародованному въ 1852 году, доселѣ дѣйствующему, регламенту королевства, священный Синодъ послѣдняго, въ предсѣдательствѣ (постоянномъ) митрополита Аѳинскаго и при участіи четырехъ временныхъ (вызываемыхъ королемъ на годъ) членовъ — архіе-

реевъ, вѣдаетъ внутреннія и виѣшнія дѣла. Къ перваго рода дѣламъ относятся: наблюденіе за чистотою ученія вѣры и благочиніемъ богослуженія; религіозное обученіе народа, по скольку оно не касается государственнаго устройства; церковная дисциплина; испытаніе имѣющихъ поуступить въ клиръ и рукоположеніе ихъ; освященіе храмовъ и проч. Къ дѣламъ втораго рода относятся главнымъ образомъ слѣдующія: распоряженія, касающіяся учебныхъ, благотворительныхъ и исправительныхъ учрежденій, назначенныхъ для клириковъ; опредѣленіе особенныхъ церковныхъ обрядовъ, на примѣръ когда предстоить совершать ихъ въ дни рабоче, или внѣ храма, и под. Уже и въ перваго рода дѣлахъ, какъ видно изъ перечисленія ихъ, независимость церкви отъ гражданской власти и кругъ ихъ въ значительной степени ограничиваются; втораго же рода дѣла, по регламенту 1852 года, Синодъ и прямо не можетъ рѣшать безъ содѣйствія и участія гражданскаго правительства и слѣдовательно въ нихъ онъ еще болѣе связанъ зависимоію отъ послѣдняго. Но въ этомъ-то содѣйствіи и участіи и проявлялись, какъ проявляются доселѣ, нерѣдко разнаго рода ненормальности, зависящія отъ характера и направленія умовъ лицъ, стоящихъ у кормила правленія (въ кабинетѣ министровъ и въ составѣ Палаты депутатовъ), отъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, вліяющаго часто и на эти лица, и проч. Противъ многихъ изъ такихъ-то ненормальностей и возстаетъ преосвященный Германъ въ своемъ докладѣ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ самыя благоразумныя и осторожныя мѣры къ возстановленію нарушеннаго и нарушаемаго права церкви въ государствѣ, къ правильному и канонически и по отношенію къ интересамъ самого государства рѣшенію раньше означенныхъ вопросовъ. Ибо, какъ справедливо замѣчаетъ составитель доклада, несомнѣнно и опытами вѣковъ извѣдано, что только *религія есть самое вѣрное средство для нравственнаго воспитанія общества*, безъ котораго сіи послѣднія падаютъ и политически, падая нравственно, а вѣрнѣйшая хранительница истинной религіи и чистой нравственности и есть церковь. Слѣдовательно, только дѣйствуя въ тѣсномъ союзѣ съ церковію и возвышая, а не унижая ея достоинство, государ-

ство можетъ содѣйствовать истинному благу народа имъ управляемаго.

Мысль, излагаемая въ докладѣ дѣятельнаго, ревностнаго архипастыря, преосвященнѣйшаго митрополита Аѳинскаго Германа, уже давно занимають умъ и сердце его. Не разъ онъ высказывалъ ихъ и предъ членами священнаго Синода Аѳинскаго, въ качествѣ предсѣдателя сего послѣдняго, полагая ихъ въ основу программы дѣйствованія св. Синода ¹⁾, и при всякомъ другомъ удобномъ случаѣ ²⁾. Но такъ какъ многія изъ этихъ мыслей, для полнаго своего осуществленія, нуждались непременно въ содѣйствіи высшаго гражданскаго правительства и въ одобреніи Палаты депутатовъ, то онъ и рѣшился наконецъ обратиться съ болѣе обстоятельнымъ изложеніемъ ихъ къ депутатамъ новой сессіи (13-го періода) Парламента 1892 года. Горячее, правдивое и полное основательныхъ соображеній архипастырское слово его на этотъ разъ не осталось безъ послѣдствій, какъ то не разъ бывало прежде. Бывъ напечатанъ въ №№ 102, 103, 105—107 и 110 распространеннаго журнала: *Ἀνάπλασις* и въ болѣе полномъ видѣ отдѣльнымъ оттискомъ, докладъ митрополита Германа ³⁾, съ одной стороны, послужилъ предметомъ живаго обсужденія греческой временной печати, а съ другой, — и въ самомъ Парламентѣ возбудилъ живое сочувствіе многихъ депутатовъ. Послѣдствіемъ обсужденія его было образованіе специальной комиссіи для изысканія средствъ къ улучшенію положенія церкви въ смыслѣ предначертаній, изложенныхъ въ докладѣ преосв. Германа и въ составъ этой комиссіи вошелъ самъ составитель доклада. Равнымъ образомъ министерство уже внесло въ Палату проектъ и объ улучшеніи дѣла проповѣдничества, также въ общемъ на основаніяхъ, предлагаемыхъ въ докладѣ митрополита Германа.

¹⁾ См. напр. его воззваніе (*προσλαλιά*) къ св. Синоду предъ открытіемъ засѣданій послѣдняго (1-го сентября) въ *Ἀνάπλασις* 1891 г. № 85.

²⁾ См. напр. его окружное посланіе (*ἐγκύκλιος ἐπιστολή*) къ волостнымъ начальникамъ (*δημάρχους*) Аттики въ томъ же журналѣ: *Ἀνάπλασις* 1891 г. № 84.

³⁾ Ниже помѣщаемый текстъ доклада преосв. Германа печатается здѣсь по переводу съ этого отдѣльнаго оттиска.

Представляемъ самый текстъ доклада во всей подробности соображеній, въ немъ изложенныхъ.

Докладъ Митрополита Авинскаго Германа Депутатамъ 13-го періода.

Господа Депутаты!

Если каждый членъ какого бы то ни было общества, зная свои обязанности по отношенію къ этому обществу, долженъ всѣми силами заботиться о благоденствіи того общества, къ которому онъ принадлежитъ и дѣлать все возможное къ ускоренію его движенія на пути прогресса и развитія, то тѣмъ болѣе занимающіе высшія должности въ обществѣ обязаны постоянно бодрствовать и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы съ пользою дѣйствовать на него или своимъ примѣромъ или инымъ какимъ либо способомъ, пробуждая въ другихъ благородныя чувства, приводящія къ великодушнымъ дѣламъ, и указывая имъ средства, которыми нехоршее можетъ быть исправлено, а хорошее—постепенно и понемногу подвигаться впередъ, къ тому же стараясь сами первые осуществлять то, что внушаютъ другимъ.

Исходя изъ этого начала, и мы, — съ одной стороны видя неудовлетворительное состояніе нашихъ церковныхъ дѣлъ, а съ другой, — несомнѣнно вѣруя, что улучшение сего состоянія весьма сильно подѣйствуетъ какъ на нравственное преобразование Греческаго народа, такъ и на всеобщій прогрессъ націи, — *по скольку религія есть самое вѣрное средство для нравственнаго воспитанія обществъ*, а безъ нея не только не можетъ быть истинной цивилизаціи, но и самые строгіе законы окажутся совсѣмъ слабыми и безсильными къ прекращенію зла и удержанію общества отъ стремленія къ упадку, потому что образованіе безъ религіознаго основанія не можетъ остановить общество отъ ведущаго къ злу пути, — рѣшились обратиться къ гг. представителямъ націи съ настоящимъ докладомъ, и высказать все, что позволяютъ намъ наши слабыя силы, и чему научила насъ маленькая опытность, давая такимъ образомъ

людямъ болѣ сильнымъ и болѣ опытнымъ поводъ, написать и высказать лучше написаннаго и высказаннаго нами.

Всѣмъ извѣстно, что матеръ наша Св. Церковь, которая какъ птица собирала птенцовъ своихъ въ прежніе печальные дни Турецкаго надъ Греческою націею владычества, сохранила два драгоцѣннѣйшихъ залога нашей націи, вѣру и языкъ, и матерински кормила чадъ своихъ, подавая имъ каждый разъ добрыя надежды на лучшую будущность, на освобожденіе отъ тяжкаго ига. Наша Св. Церковь, какъ нѣжно любящая мать, въ древнія времена призывала своихъ духовныхъ чадъ, конечно, не въ украшенные куполами храмы и богатымъ мраморомъ школы, но въ подземныя пещеры ¹⁾, которыя однако мысленно обращались въ небесныя жилища и изъ которыхъ возсылались къ Отцу Небесному молитвы. Приснопамятные служители Вышняго и учителя народа, при свѣтѣ луны собирая стонавшихъ подъ игомъ дѣтей Эллинскихъ, учили и упражняли ихъ въ благочестіи, одушевляя ихъ желаніемъ освобожденія отъ ига и любовью къ вѣрѣ предковъ, къ началамъ премудрости и посвященію себя на служеніе отечеству и утверждая въ нихъ эту вѣру и любовь. И сколько священныхъ жертвъ принесено было за вѣру и отечество! Лукарисы, Контарисы, Пареніи, Григоріи и другія безчисленныя гекатомбы изъ архіереевъ и іереевъ мужественно потерпѣли мученическую смерть въ теченіи времени отъ завоеванія Греціи Турками и до нашихъ дней. Наше племя, и особенно предстоятели Церкви, подвергались столь великимъ бѣдствіямъ, что повсюду возбуждали къ себѣ сочувствіе и удивленіе цивилизованнаго міра. „Страна Греческая,—писано было въ свое время,—находясь подъ Турецкимъ владычествомъ, терпитъ такія бѣдствія, какихъ не испытываетъ ни одно племя, находящееся подъ чуждымъ владычествомъ. Но Греки настолько выше страха и угрозъ, что сіяютъ радостію на подобіе мучениковъ, и это не только каждый день, но и каждый часъ и каждую минуту, и такимъ образомъ встрѣчаютъ эту бурю, отъ которой прочіе люди, даже и только слыша о ней, содрогаются и приходятъ въ изумленіе“ (Паларригон.

¹⁾ Турки особенно препятствовали построенію храмовъ для христіанскаго богослуженія. *Примѣчаніе переводчика.*

VI, 404). И между тѣмъ какъ Церкви и ея архипастыри подвергались такимъ бѣдствіямъ, духовное образованіе и развитіе племени отнюдь не было въ пренебреженіи, такъ какъ свѣточъ его хранился среди ученыхъ города Аѳинъ. Тамъ былъ тогда богословствующій Евгеній, тамъ же были: философствующій Дороеей, риторъ Критій, учитель логики Ананія, тамъ былъ сонмъ философовъ, филологовъ и богослововъ, которыми могъ утѣшаться всякій соплеменикъ, особенно же меценатъ и любитель исторіи.

Такое состояніе нашего племени, длившееся цѣлыя столѣтія, не только не охладило чувства свободы, но и, чѣмъ болѣе проходили годы, чѣмъ стѣснительнѣе было варварское иго, чѣмъ болѣе жертвъ, какъ священическихъ воссозженій, за вѣру и отечество приносимо было тираннами, тѣмъ больше возрастало рвеніе къ свободѣ и желаніе ея, такъ какъ всѣ ожидали исполненія времени, когда, одушевленные святыми внушеніями Церкви, они свергнутъ иго и возвратятъ вдохнутую въ нихъ служителями Вышняго многоцѣнную свободу.

И наконецъ, когда пришло исполненіе времени, Церковь первая, развернувъ чрезъ служителей своихъ священное знамя свободы, призывало разсѣянныхъ по всей землѣ чадъ своихъ, чтобы они, собравшись во едино, разорвали стѣснявшія и саму мать и чадъ ея жестокія узы и вступили въ борьбу за вѣру и отечество. Мы не намѣрены здѣсь напоминать обо всѣхъ средствахъ, обо всѣхъ жертвахъ, обо всѣхъ усиліяхъ подъятыхъ для сего Церковію. И до борьбы и во время самой борьбы Церковь была повсюду впереди. Служители Церкви прежде всѣхъ другихъ подвергались ужаснѣйшимъ преслѣдованіямъ, приносили величайшія жертвы, потому что преслѣдовавшіе знали, что безъ нихъ не могло бы быть произнесено ни одного слова о свободѣ. Въ главнѣйшихъ центрахъ Эллинизма въ то время племя наше видѣло, какъ высшіе служители религіи были удушаемы и на многіе дни оставались повѣшенными для устрашенія осиротѣвшихъ Эллиновъ и для выраженія пренебреженія къ умиравшимъ за вѣру. Но и при удушеніи приснопамятные оныя священномученики свободы увѣщавали своихъ пасомыхъ самою смертію своею, чтобы они сражались и умирали за вѣру и за отечество. И между тѣмъ

какъ здѣсь совершалось это, въ другихъ мѣстахъ другіе священнотаинники Церкви знаніями своими служили на пользу народу и возгрѣвали чувство состраданія къ мучимому народу, доколѣ не склонили сильныхъ земли на его сторону и не достигли независимости хотя этого уголка ¹⁾ изъ всего наслѣдія предковъ.

Послѣ столь великихъ и многихъ заботъ, дѣйствій и трудовъ Церкви и послѣ столь великихъ жертвъ служителей ея, всякій ожидалъ, что новое положеніе вещей будетъ такъ устроено, чтобы Церковь, если не первое мѣсто занимала бы въ Государствѣ, если не имѣла бы почина во всѣхъ національныхъ вопросахъ, то, по крайней мѣрѣ, и настолько не была оттѣсняема, но чтобы занимала то же мѣсто, которое заняли церкви въ другихъ странахъ, хотя ничего не сдѣлавшія въ пользу своей націи. Однако сверхъ всякаго ожиданія, наша нація, какъ будто забывъ великія заслуги Церкви націи и православію, не только не вознаградила кормившую ее святую мать, но и жестоко оттѣснила ее, давъ ей весьма ограниченное внутреннее управленіе, составленіемъ законовъ, направленныхъ къ полному ея разложенію. Мало того, какъ будто раскаявшись и въ этомъ своемъ щедромъ дарѣ (!), нація ежедневно уменьшаетъ данныя Церкви права, вмѣшиваясь и туда, куда не слѣдуетъ. Такимъ образомъ положеніе нашей Церкви въ сравненіи съ положеніемъ другихъ церквей Балканскаго полуострова, вовсе несообразно съ требованіями справедливости, и будущія поколѣнія, конечно, отдадутъ ей справедливость, осудивъ неблагодарнаго виновника несправедливости.

Нужно ли упоминать объ унижительныхъ опредѣленіяхъ, уничивившихъ Церковь въ Греціи? Въ то время какъ въ другихъ странахъ первой и главной опорой государства считается нравственность, а основою нравственности—религія, служителями же нравственности и религіи—клиръ, въ пользу котораго *предпринимаются всевозможныя заботы со стороны гражданскаго правительства и издаются благодѣтельные законы*, и Церкви даруются права, и жалованье духовенству назначается, и священные храмы бла-

¹⁾ Разумѣется именно часть свободной Греціи, съ Атикою и Афинами во главѣ ея. *Примѣчаніе переводчика.*

голѣпно украшаются и удовлетворяются всѣмъ необходимымъ, здѣсь гражданское правительство относится къ служителямъ религіи такъ, какъ бы оно не нуждалось въ нихъ, какъ бы ему не нужны были ни религія ни нравственность. Простое прочтеніе уставнаго закона ¹⁾, управляющаго отношеніями Государства къ Церкви, достаточно, чтобы доказать истину вышесказаннаго. Тѣ, которые составили, или, лучше сказать, постановили этотъ законъ, не обратили никакого вниманія на великія обязанности націи по отношенію къ матери Церкви; они вовсе не приняли во вниманіе великихъ заслугъ служителей Церкви, ихъ истиннаго самоотверженія; они вовсе не обратили вниманія на исторію Церкви, изъ которой узнали бы, что мудрые Императоры считали крѣпость Церкви спасительною основою ихъ царства, *нравственно-воспитательною силою* Государства. Позже насъ освободившіяся націи, хотя онѣ отнюдь не обязаны своимъ церквамъ столько, сколько Греческая нація своей Церквю, однако же, вмѣстѣ съ освобожденіемъ, первою заботою своею имѣли и постоянно имѣютъ интересы Церкви и ея священнаго клира, зная что чрезъ усиленіе Церкви, развитіе и независимость священнаго клира, сама нація подвинется впередъ, такъ какъ тогда увеличиваются и усиливаются благочестіе и нравственность, а зло ограничивается и ослабѣваетъ.

Можетъ быть, читающій настоящія строки осудитъ писателя въ намѣреніи усилить вторую власть въ Государствѣ, могущую имѣть такія же послѣдствія, какія имѣетъ преобладаніе католическаго клира на Западѣ. Можетъ быть, другой замѣтитъ, что Церковь, исполнивъ свое назначеніе и послуживъ освобожденію и укрѣпленію Государства, никакой другой обязанности уже и не имѣетъ, кромѣ совершенія таинствъ посредствомъ своихъ служителей, такъ какъ всѣ остальные обязанности, именно образованіе, руководство и нравственное воспитаніе народа, лежатъ уже на самомъ гражданскомъ правительствѣ. Но да будетъ намъ позволено не принять этихъ замѣчаній. Что касается перваго замѣчанія, то существуетъ величайшая разница между нашей Церковію и другими церквами, между нашимъ клиромъ

¹⁾ Регламента.

и клиромъ инославныхъ церквей.—Наша Церковь и Греческій клиръ, всегда, и въ счастіяхъ, и въ несчастіяхъ Государства отождествляли свою судьбу съ судьбою народа. Нѣтъ примѣра, чтобы священный клиръ противился интересамъ націи, тогда какъ въ пользу противнаго неложнымъ свидѣтелемъ является исторія.

Составляющіе священный клиръ Восточной Церкви всегда полагали, что они не могли лучше трудиться для Церкви, какъ трудясь въ то же время и для благосостоянія народа?—Если клиръ и вмѣшивался когда-либо въ вопросы чуждые его назначенію и званію, то это бывало всякій разъ когда сама совѣсть принуждала его къ этому *ради пользы отечества*. Впрочемъ, законы, опредѣляющіе обязанности и права каждаго въ справедливой мѣрѣ, могутъ предупреждать всякое уклоненіе и присвоеніе чужихъ правъ.

Что же касается до втораго замѣчанія, именно, что Церковь, исполнивъ свое назначеніе и послуживъ возрожденію націи, никакой другой обязанности не имѣетъ кромѣ совершенія таинствъ, то мы замѣтимъ, что и всѣ другія церкви, а особенно наша, имѣли и имѣютъ обязанность не только совершать таинства, но и постоянно заботиться о нравственномъ воспитаніи вѣрующихъ посредствомъ истиннаго и благочестиваго ученія и другихъ относящихся къ тому способовъ. Что отсутствіе христіанскаго ученія со стороны служителей Церкви весьма вредитъ обществу, повергая его въ пучину неисчислимыхъ бѣдъ, этому достаточнымъ доказательствомъ служитъ всеобщая развращенность общества, вслѣдствіе которой умножились преступленія, повсюду распространилось нечестіе, и безнравственность превзошла всякій предѣлъ. Конечно, эти бѣдствія будутъ и впредь умножаться, пока, съ одной стороны, священный клиръ будетъ продолжать оставаться на весьма низкой ступени образованія, ограничиваясь совершеніемъ таинствъ и въ своемъ невѣжествѣ разсматривая свое священное служеніе только какъ доходное ремесло, а съ другой,—Церковь, вслѣдствіе недостатка свободы и способныхъ служителей, будетъ по прежнему бессильною къ распространенію животворной зари своего небснаго ученія на Греческій народъ.

Имѣя въ виду это прискорбное положеніе и думая, что

оно происходитъ отъ упадка священнаго клира и отсутствія православнаго христіанскаго воспитанія и ученія, мы сочли *непрежтнною обязанностію* начертать, по мѣрѣ нашихъ слабыхъ силъ, нижеслѣдующія скромныя соображенія, направленные къ улучшенію положенія нашей Церкви, и тѣмъ вызвать *скорѣйшую и усиленную заботу* уважаемаго Правительства и гг. Депутатовъ, изложивъ ихъ въ порядкѣ слѣдующихъ важнѣйшихъ предметовъ:

- 1) Объ управленіи Церкви,
- 2) Объ образованіи священнаго клира,
- и 3) О полезномъ употребленіи церковнаго имущества.

I.

Объ управленіи Церкви.

Согласно апостольскимъ установленіямъ, каждая область должна быть подъ наблюдениемъ своего каноническаго епископа, который бы могъ заботиться о приведеніи не христіанъ къ истинному ученію христіанства, своимъ благочестіемъ и своею пастырскою дѣятельностью подавать вѣрующимъ примѣръ *во здравіи ученіи и противящяся обличати* (Тит. I, 9).

Постоянное наблюденіе со стороны канонически поставленныхъ епископовъ въ Церкви считалось столь необходимымъ, что послѣ святыхъ Апостоловъ, духоносные отцы св. соборовъ, отнюдь не дозволяли отсутствіе епископовъ изъ своей епархіи (I-го всел. соб. прав. 16; II-го соб. прав. 2; VI-го собор. пр. 80 и Сард. соб. прав. 11 и 12), налагая тяжкія наказанія на удалившихся изъ своихъ епархій безъ основательной причины. И если никому не дозволялось оставаться вдали отъ своей епархіи болѣе трѣхъ недѣль, дабы словесное стадо Христово не оставалось безъ пастыря и охранителя, то еще болѣе не дозволяется, чтобы которая либо епархія оставалась долгое время вдовствующею; потому что епископъ, и вдалекѣ находясь, можетъ заботиться о своей паствѣ, сознавая тяжелую отвѣтственность, которую несетъ предъ Богомъ, предъ Церковью и предъ обществомъ, за всякій духовный ущербъ, могущій

произойти отъ его отсутствія; но когда вдовствуетъ епархія, кто будетъ заботиться о ней и ея паствѣ? По причинѣ величайшаго духовнаго ущерба, происходящаго вслѣдствіе отсутствія епископа, *ни въ одной изъ православныхъ церквей нынѣ епархія не остается вдовствующею больше трехъ мѣсяцевъ.* Въ Греціи же сверхъ всякаго ожиданія, и въ явное нарушеніе второй статьи Конституціи, изъ числа существующихъ сорока епархій 19 остаются вдовствующими, одиѣ изъ нихъ уже двадцать лѣтъ (!), а другія менѣе, въ прямое нарушеніе священныхъ каноновъ и въ великій ущербъ Церкви и націи. Такое неизвинительное перадрѣніе весьма сильно повліяло на упадокъ достоинства Церкви. Клеръ, оставленный безъ наблюдающаго за нимъ пастыря, большею частію совращается съ прямого пути, на соблазнъ престолюдиновъ, которые, видя своихъ духовныхъ отцовъ уклоняющимися отъ прямого пути и не наставляющими вѣрующихъ на путь благочестія и добродѣтели, своимъ примѣромъ, и сами совращаются, подвергаясь опасности погибнуть: „злонравіе предстоятеля, говоритъ божественный Златоустъ, легко дѣлается предметомъ соревнованія для народа и сподручнымъ для него; и ничто такъ не легко людямъ какъ сдѣлаться злыми, особенно если направляетъ ихъ на зло злонравный предстоятель“.

Можетъ быть кто нибудь замѣтитъ, что во вдовствующихъ епархіяхъ за то есть трехъ-членные епископскіе викаріаты (коммиссіи), состоящіе изъ должностныхъ лицъ епархій, которые могутъ управлять епископскими дѣлами безпрепятственно, подъ надзоромъ свящ. Синода. Замѣчаніе это невѣрно. Самый опытъ учитъ, что это положеніе о епископскихъ викаріатахъ, новое созданіе новѣйшихъ людей, потерпѣло полную неудачу, съ одной стороны по неспособности составляющихъ эти трехчленные епископскіе викаріаты лицъ, а съ другой—потому, что и само это положеніе, по не извинительной, конечно, снисходительности св. Синода, подвергается злоупотребленіямъ, такъ какъ эти епископскіе викаріаты зависятъ обыкновенно отъ преобладающей политической партіи, и часто повинуются ея мано-веніямъ ¹⁾.

¹⁾ Трехчленные епископскія коммиссіи или викаріаты стали быть назначаемы съ самаго начала освобожденія Эллады, сперва по необходимости,

Итакъ, полагаемъ, что отсутствіе епископовъ изъ епархіи и постановленіе о епископскихъ викаріатахъ составляютъ двѣ первыя причины преобладающаго въ Церкви прискорбнаго положенія ея. Поэтому, Гг. представители народа, на обязанности которыхъ лежитъ забота о прогрессѣ народа, съ помощію законодательной дѣятельности, *должны прежде всего ревностно заботиться о возстановленіи Церкви*, издавая законы сообразные съ требованіями націи, съ высокимъ архіерейскимъ саномъ и съ высокой цѣлю Церкви,—законы, которые обеспечивали бы такимъ образомъ постоянное наблюденіе Церкви за народомъ посредствомъ подходящихъ къ тому лицъ.

Относительно этого вопроса, о восполненіи недостатка епископовъ въ епархіяхъ, многіе замѣчаютъ, что сорокъ епархій въ Государствѣ, имѣющемъ населеніе въ два съ половиною милліона душъ, много, тѣмъ болѣе, что въ другихъ государствахъ, имѣющихъ тоже самое число христіанъ, не имѣется болѣе пяти или шести епископовъ. Но это замѣчаніе не такъ вѣрно какъ кажется съ перваго взгляда. Дѣйствительно, въ другихъ странахъ имѣется меньшее число епископовъ; за то эти послѣдніе имѣютъ множество помощниковъ: проповѣдниковъ, образованныхъ намѣстниковъ, секретарей и т. д.; даже и простые приходскіе священники бываютъ кандидатами университетовъ и академій, между тѣмъ какъ здѣсь у насъ всѣ духовные, административные священнослужительскіе труды возложены на епископа. Епископъ въ Греціи есть и совершитель таинствъ, и проповѣдникъ, и секретарь и писмоводитель; безъ него ничего не дѣлается въ епархіи. И если въ настоящее время каждый епископъ едва успѣваетъ въ наблюденіи за подвѣдомственною ему епархіею, то онъ не въ силахъ будетъ ничего дѣлать, если нынѣшніе епископскіе округа удвоятся или утроятся. Слѣдовательно, число епископовъ въ Греціи не велико. Поелику же однако, нѣкоторыя епархіи имѣютъ предѣлы весьма ограниченные, въ противоположность дру-

вслѣдствіе смерти или заточенія наличныхъ, канонически поставленныхъ епископовъ, а послѣ и по принципу, такъ какъ такое назначеніе уже прямо зависѣло отъ правительства, а не отъ Синода, и слѣдовательно викаріаты еще въ большей зависимости находились отъ правительства, нежели Синодъ. *Примѣчаніе переводчика.*

гимъ, весьма обширнымъ, то нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть соединены вмѣстѣ, въ слѣдующемъ видѣ, по ихъ списку:

1) Керкира, Пакси; 2) Левкасъ, Итака; 3) Кефаллинія; 4) Закинеъ; 5) Халкисъ, Каристія; 6) Андросъ, Кея (Кеосъ); 7) Сирось, Милось, Типось; 8) Оира, Аморгось; 9) Наксосъ, Парось; 10) Идра, Снетсы; 11) Арта; 12) Трикала, Стаги, Гардикій; 13) Лариса; 14) Фарсала, Домоконъ; 15) Димитриасъ, Платамонъ; 16) Этоло-Акарнанія; 17) Евританія; 18) Фѳіотида; 19) Фокида, Оивы; 20) Аттика; 21) Ахаія, Элида; 22) Калаврита; 23) Арголида; 24) Коринѳъ; 25) Мантиней; 26) Гортинія; 27) Мессинія; 28) Трифилія; 29) Спарта, Монемвасія и 30) Гиеій, Итиль и Киѳира.

Такимъ образомъ число сорока епархій сокращается до тридцати, изъ коихъ десять на островахъ, десять на материкѣ и десять въ Пелопоннезѣ. Если каждая изъ этихъ 30-ти епархій будетъ имѣть своего епископа, то послѣдній будетъ въ состояніи какъ-нибудь удовлетворить церковнымъ потребностямъ, и особенно, если будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи, по крайней мѣрѣ, одного проповѣдника и одного секретаря, имѣющаго особенныя свойства и назначаемого самимъ епископомъ. Можетъ быть и послѣ столь великаго ограниченія числа епархій кто нибудь скажетъ: гдѣ найти столько лицъ, достойныхъ разомъ занять остальные десять свободныхъ епархій? Хотя это кажется труднымъ, однако можемъ сказать, что Греческая Церковь, благодатію Божіею, еще пока имѣетъ довольное число лицъ достойныхъ епископскаго сана. Нѣкоторая переменна существующаго нынѣ способа избранія епископовъ можетъ, какъ думаемъ, не только облегчить избраніе іерарховъ, но и выставить епископовъ достойныхъ своего званія.

Во время составленія дѣйствующаго нынѣ закона о св. Синодѣ, составившіе его думали, что, вводя новое, могутъ достигнуть желаннаго успѣха въ отношеніи къ Церкви, не изучивъ ни св. каноновъ, ни церковныхъ опредѣленій, ни, по крайней мѣрѣ, каноническихъ постановленій другихъ церквей. Мы думаемъ, что существующая система совершенно не удачна, и потому Парламентъ долженъ, совмѣстно съ св. Синодомъ, преобразовать на будущее время изби-

рательный законъ относительно епископовъ, и именно слѣдующимъ образомъ:

Мѣстные епископы, какъ имѣющіе ближайшее и постоянное наблюденіе надъ священнымъ клиромъ, могутъ лучше всякаго другаго указывать, кто именно достоинъ быть возведенъ въ епископскій санъ. Итакъ, каждый епископъ, зная близко и по долгой опытности подвѣдомственныхъ ему клириковъ, благочестіе каждаго изъ нихъ, добродѣтель, достоинство, административную способность, можетъ по совѣсти представлять св. Синоду, для внесенія въ избирательный списокъ, тѣхъ лицъ, которыя, кромѣ другихъ нравственныхъ преимуществъ, имѣютъ еще и слѣдующія свойства:

а) Имѣютъ дипломъ на званіе учителя или кандидата одной изъ православныхъ богословскихъ школъ;

б) Отличаются строгостію жизни, добродѣтелию и религиознымъ самоотверженіемъ и

в) Служили у представляющаго ихъ епископа, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ въ какой нибудь высшей церковной должности.

Св. Синодъ вноситъ въ избирательный списокъ имя представленнаго и извѣщаетъ объ этомъ своею грамотою министерство церковныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ св. Синоду и Правительству будутъ заранѣе извѣстны лучшіе изъ клириковъ, могущіе архіерействовать. Въ случаѣ вдовства какой либо епархіи, св. Синодъ назначаетъ днемъ избранія первое воскресенье послѣ сороковаго дня отъ кончины епископа, а мѣстомъ избранія—главную церковь епископской кафедры вдовствующей епархіи. Въ эту церковь являются приглашаемые надлежащимъ образомъ пресвитеры и іеромонахи епархіи; по окончаніи утрени и божественной литургии, начинаютъ избраніе тайнымъ голосованіемъ подъ надзоромъ наблюдательной коммисіи, состоящей изъ одного синодальнаго архіерея, посылаемаго для этого во вдовствующую епархію, генеральнаго намѣстника вдовствующей епархіи, и предсѣдателя епископскаго судилища (дикастеріи), то есть эконома или исполняющаго должность эконома, въ присутствіи номарха (начальника округа), какъ представителя Правительства. Избиратели, имѣя въ виду оффиціальную копію съ составленнаго уже въ св. Синодѣ и министерствѣ церковныхъ дѣлъ избирательнаго списка кан-

дидатовъ, подають голоса, по своему желанію, въ пользу кого бы то ни было изъ означенныхъ въ списокъ. Послѣ голосованія, имена трехъ получившихъ большинство голосовъ представляются, черезъ св. Синодъ и уважаемое Правительство, Его Величеству Королю, который утверждаетъ одного изъ нихъ.

При такомъ избирательномъ способѣ, думаемъ, епархіи, не будутъ вдовствовать, изъ-за разногласій и столкновений интересовъ, цѣлыя четверти столѣтія, а избираемыми будутъ сравнительно достойнѣйшіе. При такомъ же способѣ данъ будетъ новый толчокъ благочестію и добродѣтели. Предлагаемою мѣрою будутъ выдвигаться впередъ не тѣ, которые пользуются симпатіями того или другаго отдѣльнаго лица, но способнѣйшіе и отличающіеся добродѣтелію, знаніями и церковнымъ образованіемъ.— Упомянувъ выше объ епископскихъ викаріатахъ, мы замѣтили, что постановленіе это совершенно не удалось, ибо лица состава этихъ викаріатовъ оказались вовсе неспособными къ управленію вдовствующими епархіями. Но такъ какъ, въ случаѣ смерти епископа или отсутствія его, должно существовать начальство, которое охраняло бы церковное имущество и епископскій архивъ, и завѣдывало текущими дѣлами, то думаемъ, что постановленіе объ епископскихъ викаріатахъ надобно замѣнить однимъ лицомъ, поставивъ при этомъ дѣло слѣдующимъ образомъ.

Епископъ, либо объѣзжая свою епархію, либо пребывая, по высшему распоряженію, въ столицѣ или въ другомъ мѣстѣ, долженъ имѣть своимъ представителемъ въ епархіи одного изъ высшихъ клириковъ. Конечно, въ случаѣ отсутствія епископа изъ епархіи, дѣло легко, ибо самъ епископъ и назначаетъ удобное для сего лицо. Но иное дѣло, въ случаѣ смерти епископа, когда понадобится соотвѣтствующій мѣстоблюститель, который могъ бы непосредственно и безостановочно ¹⁾ обеспечивать канцелярію, какъ сказано выше, и управлять текущими церковными дѣлами. Такъ какъ такое лицо можетъ хорошо знать одинъ только епископъ, то

¹⁾ По дѣйствующей нынѣ системѣ часто проходятъ цѣлыя мѣсяцы до назначенія лицъ состава епископскаго викаріата и вступленія ихъ въ исполненіе своихъ обязанностей. *Примѣчаніе автора.*

предлагаемъ, чтобы по представленію епископа, кромѣ другихъ должностныхъ лицъ епархіи, признавался королевскимъ указомъ еще и одинъ *генеральный викарій*, имѣющій надлежащія качества, который бы замѣнялъ епископа не только въ случаѣ его отсутствія, но и въ случаѣ кончины его. Такимъ образомъ и порядокъ сохранится въ архивахъ епископовъ и текущія дѣла будутъ продолжаться правильно, и встрѣчающіеся нынѣ безпорядки и безобразія исчезнутъ ¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ При этомъ о епископскихъ дикастеріяхъ, о проповѣдникахъ, о духовныхъ лицахъ, о достоинствахъ и другихъ свойствахъ, требуемыхъ для управленія церковію преосв. Германъ обѣщаетъ поговорить въ другой разъ. *Примѣч. переводчика.*

Пятидесятилѣтіе епископства папы Льва XIII-го *).

Нашего 19-го февраля текущаго года глава римско-католической церкви, папа Левъ XIII, праздновалъ пятидесятилѣтіе своего епископства. Принимая во вниманіе высокоеположеніе юбиляра въ христіанскомъ мірѣ вообще, въ римско-католическомъ въ особенности, необычность для православнаго человѣка юбилейныхъ подарковъ и празднествъ, до сихъ поръ не закончившихся, и, наконецъ, относительную рѣдкость пятидесятилѣтнихъ епископскихъ юбилеевъ, считаемъ не лишнимъ хотя кратко познакомить читателей „Богословскаго Вѣстника“ съ этимъ крупнымъ церковно-политическимъ событіемъ въ современной жизни западнаго христіанства.

Западно-европейская, преимущественно итальянская, печать и многочисленные почитатели папы Льва XIII заговорили объ юбилеѣ весьма задолго до дня празднованія его. Конецъ 1891-го года, весь 1892-й и особенно начало 1893 года прошли въ самыхъ дѣятельныхъ къ юбилею приготовленіяхъ и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, въ тревожныхъ ожиданіяхъ. Вѣрные и горячо преданные папскому престолу католики опасались за жизнь юбиляра, которому 2 марта 1892 года исполнилось 82 года и который неоднократно въ теченіе прошлаго года подвергался приступамъ инфлюэнцы. Но папа всякій разъ оправлялся отъ болѣзни и полагалъ конецъ подобнаго рода тревогамъ. Не были увѣрены затѣмъ въ горячемъ сочувствіи римско-като-

*) Біографическія свѣдѣнія о Левѣ XIII и его характеристику см. въ статьѣ А. И. Введенскаго Б. В. Іюнь.—*Ред.*

лическаго міра торжественному празднованію папскаго юбилея. Предполагали, что участіе въ послѣднемъ католическихъ міряпъ и особенно французскихъ аристократовъ, оскорбленныхъ тѣмъ, что папа Левъ XIII призналъ законнымъ существующій во Франціи республиканскій образъ правленія, будетъ весьма незначительное. Въ предупрежденіе такого нежелательнаго явленія и для возбужденія должнаго вниманія въ католикахъ всего земнаго шара къ пятидесятилѣтнему епископскому юбилею верховнаго вождя католицизма разными учрежденіями и лицами были приняты различныя мѣры.

Въ самомъ началѣ 1892 года въ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ папскаго тайнаго камергера Радина Тедески, составился комитетъ, который заблаговременно постарался намѣтить главныя стороны предстоявшаго юбилейнаго праздника. Пятидесятилѣтіе епископства Льва XIII, по предположенію комитета, должно было ознаменоваться обильнымъ сборомъ *динарія* или *ленты св. Петра* въ качествѣ стипендіи за юбилейную обѣдню папы, чрезвычайнымъ приливомъ ко времени празднованія юбилея паломниковъ въ Римъ для поклоненія святому отцу, полученія отъ него благословенія и отпущенія грѣховъ и устройствомъ въ каждомъ діоцезѣ или церковной провинціи разныхъ благотворительныхъ заведеній, которыя бы носили имя Льва XIII. Въ самомъ Римѣ рѣшено было учредить общежитіе для студентовъ римско-католическаго исповѣданія, основать особый *патронатъ* для дѣвочекъ, предназначающихъ себя на педагогическую дѣятельность, и закончить въ новой части города построеніе церкви св. Іоакима, которая въ видѣ необычнаго юбилейнаго дара и должна быть передана юбиляру, носившему отъ рожденія имя Джоаккино Печчи. Чтобы надлежащимъ образомъ познакомить католиковъ съ замѣчательною личностью маститаго юбиляра и его громадными заслугами для западнаго христіанскаго міра, съ февраля прошлаго года комитетъ началъ издавать газету подъ заглавіемъ: *Leone XIII*. Дѣйствія комитета были хорошо замѣчены тѣми лицами, которымъ знать о нихъ было нужно, и поставили, какъ говорится, на ноги передовое католическое духовенство. Итальянскіе и внѣ-итальянскіе кардиналы, архіепископы и епископы обратились съ юбилейными

посланиями къ своимъ паствамъ; генералы монашескихъ орденовъ: францисканцевъ, доминиканцевъ, августинцевъ, бенедиктинцевъ и др. употребили всѣ усилія, чтобы про-извести движеніе среди своихъ подчиненныхъ и возможно большее число монашествующей братіи направить въ Римъ на юбилейное торжество; предстоятели значительнѣйшихъ соборовъ всѣхъ концовъ римско-католическаго міра, по инициативѣ капитуловъ римскихъ церквей св. Джіованни въ Латеранѣ и св. Петра, предположили поднести юбиляру золотое сѣдалище, на что св. отецъ выразилъ свое полное согласіе; священные ораторы римскихъ церквей и разныхъ, преимущественно итальянскихъ, городовъ начали говорить проповѣди и открыли чтенія *о славъ папства* вообще и въ похвалу Льва XIII въ частности. Съ послѣд-нею цѣлю устроились предъ юбилеемъ также особаго рода церемоніи. Напримѣръ, въ Римѣ въ настоящемъ году, въ праздникъ Богоявленія Господня, болѣе семисотъ дѣтей обоюго пола съ своими родителями собрались въ Ватиканѣ, гдѣ изъ среды ихъ выдѣлились мальчикъ и дѣвочка и предъ лицомъ св. отца произнесли діалогъ на тему: *La vittoria del Papato*. Потомъ всѣ они были допущены къ цѣлованію креста на папской туфлѣ, послѣ чего одинъ мальчикъ отъ имени всѣхъ дѣтей г. Рима поднесъ Льву XIII 2400 золотыхъ лиръ. Папа, возсѣдая на тронѣ, торжественно благословилъ дѣтей и приказалъ имъ всѣмъ занести въ особый альбомъ свои имена съ приличными случаю подписями религіознаго содержанія. Это своеобразное зрѣлище „прославленія папства устами ценинныхъ младенцевъ“ такъ понравилось вѣрующимъ католикамъ, что было повторено въ разныхъ итальянскихъ городахъ, въ присутствіи высшихъ духовныхъ сановниковъ, причѣмъ лич-ность папы Льва XIII замѣнялась его портретомъ. Въ ви-дахъ увеличенія юбилейныхъ подношеній и обогащенія папской казны лентою св. Петра ревностными католиками устраивались лоттереи со взносомъ 50 и 83 золотыхъ мо-нетъ: первое соотвѣтственно пятидесятилѣтію епископства Льва XIII, второе—лѣтамъ возраста юбиляра; писались и изъ города въ городъ пересылались воззванія, приглашав-шія къ пожертвованіямъ въ пользу юбиляра. Текстъ этихъ воззваній былъ весьма энергиченъ и православному чело-

вѣку можетъ показаться не только страннымъ, но и прямо неладнымъ. Такъ, на примѣръ, въ заглавіи подписнаго листа, передававшася изъ дома въ домъ въ Неаполѣ, значилось: „лепта св. Петра для его святѣйшества Льва XIII ко дню пятидесятилѣтняго юбилея его епископства. Папа—Иисусъ въ Его видимомъ земномъ образѣ, живущій съ нами для того, чтобы взыскивать насъ нѣжными понеченіями своей отеческой любви. Но неужели же мы отказались бы пожертвовать что-нибудь для Иисуса, еслибы Онъ видимо предсталъ предъ нами, неужели не захотѣли бы выразить и представить доказательства сыновней любви къ Нему?“ Ко времени празднованія юбилея на разныхъ языкахъ появилось также множество статей и замѣтокъ, брошюръ и даже цѣлыхъ сочиненій, въ которыхъ или сообщались біографическія свѣдѣнія о Львѣ XIII, или высказывался взглядъ на него, какъ на церковно-политическаго дѣятеля, или изображалось положеніе папскаго престола при вступленіи на него Льва XIII.

Вся эта обширная специально-юбилейная литература, какъ и всѣ вышепоименованныя мѣропріятія частныхъ лицъ и общественныхъ учреждений своимъ послѣдствіемъ имѣли то, что всѣ католики, начиная съ кардинала и кончая послѣднимъ міряниномъ, заблаговременно знали о предстоявшемъ папскомъ юбилеѣ, и большинство изъ нихъ готовилось принять такое или иное участіе въ празднествѣ. Не чужды были этихъ приготовленій прежде всѣхъ другихъ самъ маститый юбиляръ, желавшій ознаменовать пятидесятилѣтіе своего епископскаго служенія какимъ-либо великимъ дѣяніемъ. По крайней мѣрѣ въ иностранной печати не разъ было заявлено, что папа Левъ XIII по случаю имѣющаго быть своего юбилея намѣренъ обратиться къ христіанамъ востока съ призывомъ возвратиться въ лоно римско-католической церкви. И въ этомъ извѣстіи не было ничего невѣроятнаго. Еще при самомъ вступленіи своемъ на престолъ онъ выражалъ „отеческую“ заботливость о церквяхъ востока. Замѣтивши въ одной изъ первыхъ своихъ рѣчей, что „на востокѣ находится колыбель рода человѣческаго и появились первые ростки христіанства, что оттуда, подобно неизмѣримой рѣкѣ, потекли на западъ всѣ благодѣянія Евангелія, и что никогда ни погибнетъ слава знаменитыхъ

мужей востока, которыхъ вѣяніе вселенской истины возвело на высоту недосягаемую, и которыхъ святость, мудрость и доблестныя дѣянія навсегда сохранять въ потомствѣ ихъ славныя имена“, Левъ ХІІІ высказывалъ надежду, „что, по милости Божіей, народы востока, столь давно удалившіеся отъ церкви римской, наконецъ примирятся съ нею“. Разумѣется, церковное порабощеніе православнаго востока католическому западу было бы для папы самымъ лучшимъ юбилейнымъ подаркомъ... Хотя Левъ ХІІІ и отказался отъ осуществленія своей золотой мечты, но одинъ уже слухъ, что на закатѣ дней своихъ онъ заботится о воссоединеніи христіанскихъ церквей, не могъ не располагать въ пользу юбиляра сердца тѣхъ, которымъ дорогъ миръ церковный. Приготавливались далѣе къ юбилею римскаго первосвященника правительства и правители государствъ. Не смотря на всю натянутость и даже неприязненность отношеній, существующихъ между римскою куріей и итальянскимъ правительствомъ, послѣднее ко дню папскаго юбилея рѣшилось заново возстановить старую церковь Сан-Лоренцо въ Панисперіѣ, гдѣ Левъ ХІІІ посвященъ былъ въ санъ епископа. Мало того. За недѣлю до папскаго юбилея между королевскимъ дворомъ и Ватиканомъ начались оживленные переговоры касательно улучшенія взаимныхъ отношеній, не оставшіеся, какъ показали потомъ юбилейныя празднества, безъ благопріятнаго вліянія на настроеніе главы католицизма. Президентъ французской республики Карно и англійская королева Викторія, императоры австрійскій Францъ Іосифъ І, германскій Вильгельмъ ІІ и русскій Александръ ІІІ, Турецкій султанъ и принцъ Фердинандъ Кобургскій со своею матерью принцессой Клементиной, принцесса Клотильда Бонапарте и многіе другіе—всѣ съ рѣдкимъ единомысліемъ снаряжали чрезвычайныя посольства или назначали своихъ уполномоченныхъ для поздравленія папы Льва ХІІІ съ пятидесятилѣтіемъ его архипастырскаго служенія, писали письма святому отцу или готовили ему дорогіе подарки. Когда одинъ изъ французскихъ радикаловъ, нѣкто г. Гюббаръ, вздумалъ было протестовать противъ поздравленія папы и сдѣлалъ запросъ 11 февраля въ засѣданіи палаты депутатовъ относительно характера чрезвычайнаго посольства, отправляемаго французскимъ правительствомъ въ Римъ

на юбилей Льва XIII, то получилъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ въ данномъ разѣ примѣчательный отвѣтъ: „я считаю бесполезнымъ и даже неумѣстнымъ выступать здѣсь въ защиту принятаго правительствомъ рѣшенія... По случаю юбилея папы въ Римъ посылаютъ свои поздравленія даже правительства не-католическихъ государствъ. Германскій императоръ Вильгельмъ II посылаетъ отъ себя генерала Лоз; даже султанъ отправляетъ въ Ватиканъ чрезвычайнаго посланника. Въ виду такихъ неоспоримыхъ доказательствъ глубокаго уваженія къ римскому первосвятителю, отказъ отъ участія въ чествованіи этого юбилея былъ бы неприличною выходкой со стороны Франціи и правительство послѣдней сочло своимъ долгомъ присоединиться къ общимъ поздравленіямъ“... И министръ Девелль былъ безусловно правъ. Не только государи и государыни всѣхъ европейскихкихъ державъ, но и мало извѣстные владѣтели Азіи, Америки, Австраліи и Африки изъявили желаніе принять свое участіе въ папскомъ юбилеѣ. Такъ, напримѣръ, задолго до послѣдняго Гваніорскій магарадша, о мѣстонахожденіи владѣній котораго не всякій образованный человѣкъ имѣетъ ясное представленіе, чрезъ своего мажордома извѣстилъ Ватиканъ, что къ юбилею папы въ Римъ прибудетъ отъ него адъютантъ и привезетъ въ подарокъ Льву XIII двѣ кашмирскія шали, богато расшитыя золотомъ. На юбилейномъ празднествѣ Льва XIII въ самомъ Ватиканѣ было замѣчено лишь отсутствіе уполномоченнаго китайскаго Богдыхана, недовольнаго положеніемъ, принятымъ римскою куріей въ вопросѣ о протекторатѣ Франціи надъ христіанскимъ населеніемъ Китая. Послѣ такого единодушнаго рѣшенія правителей участвовать такъ или иначе въ празднованіи папскаго юбилея нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ихъ подданные—католическое духовенство и католики-міряне съ замѣтнымъ жаромъ и взаимнымъ соревнованіемъ спѣшили принять участіе въ чествованіи святаго отца. Кто самъ отправлялся въ Римъ на поклоненіе папѣ, а кто не могъ этого сдѣлать, тотъ участвовалъ своими деньгами въ подпискѣ на юбилейную мессу папы, или посылалъ свою ленту въ Римъ въ пользу динарія св. Петра съ своими родными и знакомыми. Все такимъ образомъ предвѣщало, что пятидесятилѣтній юбилей Льва XIII пройдетъ среди бле-

стящихъ демонстрацій со стороны римскихъ католиковъ со всего земнаго шара. И дѣйствительно 19-е февраля настоящаго года было величайшимъ праздникомъ для вѣрующихъ католиковъ, а для самого юбиляра — днемъ величія и славы его.

Къ началу юбилейныхъ празднествъ изъ всѣхъ странъ прибыли представители монарховъ и державъ, множество кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, патеровъ, цѣлыя десятки тысячъ простыхъ поклонниковъ, и городъ Римъ, успѣвшій сдѣлаться въ значительной степени городомъ археологическимъ, быстро оживился. Празднества епископскаго юбилея Льва XIII начались въ немъ въ пятницу, 17 февраля, и продолжались до субботы, 25-го числа. 20 февраля папа справлялъ пятнадцатую годовщину своего восшествія на первосвятительскій престолъ (exaltatio), а наканунѣ, 19 числа, приходившагося въ настоящемъ году въ воскресенье, съ рѣдкою торжественностію было празднуемо пятидесятилѣтіе его служенія католической церкви въ санѣ епископа. Къ этому дню римскою куріей было роздано болѣе пятидесяти тысячъ билетовъ поклонникамъ для присутствованія за юбилейною мессою папы, которая должна была совершиться въ соборѣ св. Петра. Знаменитый храмъ св. Петра, не имѣющій въ церковномъ зодчествѣ памятника равнаго себѣ по величія и богатству скульптурныхъ и живописныхъ произведеній гениальнѣйшихъ мастеровъ, былъ еще больше разукрашенъ и нѣсколько приспособленъ къ папскому юбилею. Во избѣжаніе неудовольствій и всякихъ недоразумѣній, по распоряженію церковнаго начальства, была приготовлена въ базиликѣ особая трибуна для чрезвычайныхъ пословъ. Рядомъ съ нею возвышалась эстрада, предназначавшаяся исключительно для членовъ дипломатическаго корпуса и ихъ семействъ. Ночь на юбилей многіе изъ паломниковъ и гражданъ города Рима провели безъ сна, а съ ранняго утра 19 февраля всѣ, кто только имѣлъ возможность, спѣшили къ собору св. Петра. На обширной площади послѣдняго собрались и были построены въ процессіи поклонники. Ровно въ шесть часовъ были открыты двери базилики св. Петра, и колоссальное по своимъ размѣрамъ зданіе быстро заполнилось молящимися, преимущественно итальянскими паломниками.

Не смотря на то, что римскими властями и папскою стражей были приняты всѣ мѣры къ предупрежденію какихъ бы то ни было беспорядковъ при столь громадномъ стеченіи народа, стѣсненіе при входѣ въ соборъ было большое. Многіе изъ прибывшихъ послѣ шести часовъ и имѣвшихъ билеты для входа въ базилику не нашли доступа къ ней. Въ три четверти девятого ударъ въ большой соборный колоколъ, подхваченный трезвономъ всѣхъ римскихъ церквей, возвѣстилъ нетерпѣніемъ сторавшему народу, что началось торжественное шествіе маститаго юбиляра изъ внутреннихъ покоевъ Ватикана въ храмъ св. Петра. Окруженный духовными и свѣтскими лицами своего придворнаго штата, папа Левъ XIII направился сначала въ Capella della Pietá. Облачившись здѣсь въ дорогія и блестящія первосвященническія одежды и занявши мѣсто на *sedia gestatoria*, подъ звуки пѣнія *Ecce sacerdos magnus*, осѣняемый съ двухъ сторонъ рипидами, сопровождаемый первымъ ассистентомъ престола, почетными камергерами, офицерами дворянской и швейцарской гвардіи въ полной парадной формѣ, множествомъ кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ, продолжалъ свое шествіе Левъ XIII по обширному среднему нефу къ главному престолу соборнаго храма. Внутренность великолѣпнѣйшаго собора представляла въ это время необычайную, поразительно-прекрасную, полную величія и благочестія картину. Глазамъ присутствующихъ представлялось цѣлое море головъ, и узкій проходъ, оставленный въ церкви для слѣдованія процессіи, казался какъ бы сдавленнымъ между двумя сплошными стѣнами людей. Въ половинѣ десятого показались золотыя каски и засверкали алебарды папскихъ гвардейцевъ, а вслѣдъ за ними выступили и головныя части церемоніальнаго шествія, пестрѣвшаго яркостью, разнообразіемъ и блескомъ парадныхъ костюмовъ, живо напоминавшихъ собою средніе вѣка. Возсѣдающій на своемъ креслѣ Левъ XIII далъ знакъ остановиться у статуи св. Петра и, привставъ, благословилъ павшій на колѣна при приближеніи его народъ своимъ архипастырскимъ благословеніемъ. Затѣмъ раздался его голосъ, хотя старческій, но внятнѣйшій. Каждое слово его святѣйшества доходило до самыхъ отдаленныхъ частей храма, — такъ велика была царившая въ немъ ти-

шина. Съ глубокимъ благоговѣніемъ внимала его рѣчи шестидесятитысячная толпа католиковъ, и съ послѣднимъ ея словомъ сводъ величественнаго собора огласился восторженными криками: „да здравствуетъ папа Левъ XIII!“ Мужчины махали шляпами, женщины платками, и вся эта грандіозная, безпримѣрная по единодушію овація продолжалась до тѣхъ поръ, пока кресло папы не остановилось передъ ступенями главнаго алтаря. Оставивши у послѣдняго свое подвижное сѣдалище и обратившись лицомъ къ народу, папа тайно прочелъ молитву. Въ это время Сикстинская капелла исполнила нѣсколько кантатъ. Съ исключительною торжественностію отслужена была юбиларомъ месса, во время которой среди присутствовавшихъ въ храмѣ царила благоговѣйная тишина. По окончаніи обѣдни папа Левъ XIII запѣлъ гимнъ св. Амвросія Медиоланскаго: *Te Deum laudamus* (*Тебе Бога хвалимъ*), исполненный попеременно Сикстинскою капеллою и молящимся народомъ. Послѣ этого, возложивши на главу свою тиару, папа снова возсѣлъ на своемъ креслѣ и во второй разъ преподалъ молящимся свое благословеніе вмѣстѣ съ отпущеніемъ ихъ грѣховъ. „Святые апостолы Петръ и Павелъ, на могущество и власть которыхъ мы уповаемъ,“ читалъ на распѣвъ по-латыни Левъ XIII, „да ходатайствуютъ за васъ предъ Господомъ... Молитвами и заслугами бл. Маріи Приснодѣвы, бл. архангела Михаила, бл. Іоанна Крестителя и всѣхъ святыхъ да помилуетъ васъ всемогущій Богъ, и, отпустивъ всѣ грѣхи ваши, да приведетъ васъ Іисусъ Христосъ къ жизни вѣчной. Ослабленіе и разрѣшеніе всѣхъ вашихъ грѣховъ, время истиннаго и плодотворнаго покаянія, сердце всегда сокрушенное, исправленіе жизни, благодать и утѣшеніе св. Духа и рѣшительное постоянство въ добрыхъ дѣлахъ да даруетъ вамъ всемогущій и милосердый Господь“... Поднявшись затѣмъ съ кресла, воздѣвши свои руки и возведши очи къ небу, папа благословилъ народъ на три стороны и сказалъ: „и благословеніе Бога всемогущаго, Отца и Сына и Духа святаго, да снидетъ на васъ и да пребудетъ всегда.“ Когда на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ кардиналь-діаконами прочитана была формула полной индульгенціи, папа Левъ XIII, при звонѣ колоколовъ всѣхъ римскихъ церквей, при востор-

женныхъ кликахъ народа и горячихъ привѣтствіяхъ представителей государей и государствъ съ трибунъ, въ сопровожденіи той же блестящей свиты, возвратился въ *Sarella della Pietá* и, здѣсь разоблачившись, въ половинѣ двѣнадцатаго отправился въ свои покои.

Служа торжественную обѣдню, восьмидесятитрехлѣтній папа удивлялъ всѣхъ своимъ бодрымъ видомъ и даже подъ конецъ обѣдни не казался утомленнымъ. Присутствовавшій на послѣдней замѣтилъ лишь, что Левъ XIII былъ необычно блѣденъ. Одинъ изъ папскихъ камергеровъ объяснилъ, что блѣдность лица его святѣйшества должно приписать испытанному имъ волненію. И трудно было не волноваться на мѣстѣ юбиляра. Старецъ, достигшій крайняго предѣла человѣческой жизни, съ высоты своего трона созерцалъ въ этотъ день почти весь цивилизованный міръ, съ замѣчательнымъ единопущіемъ свидѣтельствовавшій свое уваженіе къ его уму, характеру и заслугамъ, совершеннымъ имъ на пользу католической церкви и во благо многихъ народовъ. Онъ видѣлъ въ этотъ день великое множество горячо и искренно вѣрующихъ католиковъ, выражавшихъ свою преданность ему съ восторженностію, превосходящею, на взглядъ посторонняго наблюдателя, всякую мѣру благоразумія и приличія. „Вчера, когда мы присутствовали при торжественномъ богослуженіи въ храмѣ св. Петра,“ писалъ 20 февраля „Римскій показатель“ (*Moniteur de Rome*) отъ лица всѣхъ католиковъ, „папа Левъ XIII былъ такъ великъ, такъ возвышенъ, что мы могли бы пасть на колѣна и поцѣловать священную стопу его ногъ. Когда Христосъ преображался въ лучезарномъ облакѣ и предъ очами Своихъ апостоловъ являлся какъ бы блистающимъ въ огненномъ свѣтѣ, они пали ницъ и говорили: „Господи, Ты воистину Сынъ Божій!“ И затѣмъ, когда облако исчезло, и Пророкъ сходилъ съ своими спутниками съ горы, то они, вѣроятно, съ благоговѣніемъ вопрошали другъ друга: „этотъ человекъ, который идетъ впереди насъ, говоритъ, какъ и мы, который ѣлъ съ нами,— тотъ ли это самый, котораго мы только что видѣли окутаннымъ пламеннымъ покровомъ и озареннымъ Духомъ Господнемъ?“ Богъ и своимъ намѣстникамъ на землѣ предоставляетъ эти мимолетныя Фаворы, чтобы въ изобиліи расточать свои дары міру. Юбилеи суть праздники умиротворенія; они же и врата будущаго. Когда

Левъ ХІІІ, возсѣдая на своемъ престолѣ, пѣлъ вчера въ огромномъ храмѣ мелодію всеобщаго отпущенія, когда съ его бѣлыхъ устъ трепетно исходило благословеніе на весь міръ, когда всѣ кардиналы, всѣ епископы и всѣ присутствующіе устремили свои взоры на эту славою и величіемъ озаренную главу, когда всѣ колокола св. Петра разносили по всему Риму свои радостные звуки, и когда всѣ по послѣднему маповенію руки папы пали ницъ, то храмъ наполнился какимъ-то сверхъестественнымъ потокомъ, наполнился величіемъ будущаго. Бывшіе на юбилей представители католической іерархіи, быть можетъ, не всѣ одинаково раздѣляли эти ультрамонтанскія воззрѣнія ватиканской печати на папу, но всѣ были проникнуты чувствомъ глубокаго почтенія къ послѣднему. Они чтили въ Левѣ ХІІІ замѣчательнѣйшаго первосвященника, который за пятнадцать лѣтъ своего управленія успѣлъ сдѣлать для католической церкви гораздо больше, чѣмъ многіе изъ его предшественниковъ вмѣстѣ. Вступивши на папскій престолъ въ то самое время, когда разные прерогативы и привилегіи католической церкви повсюду сокращались или совершенно уничтожались, когда многіе епископы лишаемы были своихъ каѳедръ, монашескіе ордена преслѣдовались и паствы оставались безъ пастырей, Левъ ХІІІ весьма скоро счумѣлъ не только возвратити католицизму утраченныя выгоды, но и значительно увеличить ихъ. Достаточно сказать, что, благодаря главнымъ образомъ стараніямъ его, въ Шотландіи открыты новыя епископіи, въ Англіи священнодѣйствуютъ кардиналы, въ Канадѣ и Монтевидео, въ Китаѣ и Японіи основаны новыя римскія каѳедры, въ Индіи водворена католическая іерархія, съ турецкимъ султаномъ куріей ведутся переговоры объ учрежденіи католической патриархіи въ Константинополь, въ Бухарестѣ существуетъ католическій архіепископъ, въ Румыніи и Болгаріи церковь находится подъ защитой католическихъ государей, въ Босніи и Герцеговинѣ римскія епископіи увеличились новыми четырьмя, во многихъ мѣстностяхъ Африки съ большимъ успѣхомъ подвизаются апостолы римской пропаганды. Не безъ основанія поэтому нѣкоторые высокопоставленные прелаты, поздравляя Льва ХІІІ съ пятидесятилѣтіемъ епископства, называли его „*великимъ* папою“. Представители мо-

нарховъ и державъ привѣтствовали юбиляра, какъ искуснѣйшаго политика, который своимъ глубоко-тактичнымъ поведеніемъ и проповѣдію христіанскихъ началъ въ народной и международной жизни пытался возстановить древнюю власть апостольскаго престола и въ немногіе годы своего правленія успѣлъ возвести послѣдній на замѣчательную высоту нравственно-политическаго значенія. Отказавшись въ значительной степени отъ исконнаго образа дѣйствій римскаго двора и политики своего ближайшаго предшественника, папа Левъ XIII, по восшествіи своемъ на римскую кафедру, задался цѣлю сблизиться съ правительствами государствъ всего земнаго шара и стать съ ними въ такія отношенія, которыя согласовались бы и съ миротворными задачами христіанской церкви и съ свободолобивыми теченіями вѣка. Не прибѣгая къ открытому, тѣмъ болѣе враждебному вмѣшательству во внутреннія дѣла государствъ, которое при Піѣ IX возбуждало повсемѣстное сопротивленіе и повредило вліянію папства даже въ религіозныхъ дѣлахъ, Левъ XIII глазомъ опытнаго наблюдателя все время внимательно слѣдилъ за явленіями соціальной и политической жизни Европы и, когда нужно было, смѣло возвышалъ свой голосъ въ защиту католической церкви и религіозныхъ интересовъ католиковъ. Европейскіе государи и выдающіеся политическіе дѣятели всякій разъ чутко прислушивались къ рѣчамъ умнѣйшаго и образованнѣйшаго папы, съ уваженіемъ относились къ нему, и многіе, весьма многіе изъ нихъ готовы признать въ теперешнемъ ватиканскомъ узникѣ представителя всепримиряющей силы и непреоборимой власти въ Европѣ. Лучшимъ подтвержденіемъ всего сказаннаго служатъ тѣ блестящія демонстраціи, которыя волновали папу Льва XIII въ день пятидесятилѣтія его епископства и наглядно показали слишкомъ горячимъ почитателямъ св. Отца, сколь напрасны и неосновательны были ихъ опасенія касательно одушевленія римско-католическаго міра къ папскому юбилею.

Не для одного Рима 19-е февраля настоящаго года останется памятнымъ. Пятидесятилѣтіе епископства Льва XIII съ большею или меньшею торжественностію было празднуемо и во всѣхъ другихъ католическихъ странахъ, преимущественно же въ городахъ Австро-Венгріи. Въ Прагѣ

братство св. Михаила, по случаю папскаго юбилея, устроило торжественное собраніе, въ которомъ графъ Гансъ-Ледебуръ произнесъ длинную рѣчь. Въ ней ораторъ выставилъ папу „великимъ государственнымъ человѣкомъ, глубоко понимающимъ волнующіе міръ вопросы“, и среди громкихъ рукоплесканій протестовалъ противъ различныхъ законовъ, изданныхъ съ 1870 года итальянскимъ правительствомъ и ограничившихъ свободу римско-католической церкви и права ея верховнаго вождя. Нашелъ себѣ сочувственный откликъ юбилей Льва XIII и въ нѣкогда совсѣмъ родной намъ Галиціи, среди тамошнихъ уніатовъ, волею историческихъ судебъ отторженныхъ отъ православія и введенныхъ въ ограду римской паствы. Такъ, напримѣръ, въ Львовѣ Галичане, по инициативѣ тамошняго уніатскаго митрополита Іосифа Сембратовича, въ присутствіи избраннаго общества, праздновали папскій юбилей въ залахъ Львовскаго *Народнаго Дома* литературно-музыкальнымъ вечеромъ, на которомъ профессоръ мѣстнаго университета докторъ Шараневичъ прочиталъ цѣлую лекцію о дѣятельности Льва XIII. Съ особеннымъ удареніемъ, но не безъ протеста со стороны нѣкоторыхъ слушателей, ораторъ въ своей хвалебной рѣчи въ честь юбиляра сказалъ, что римскій папа особенно благоволитъ къ галицко-русскому народу, что онъ отечески печется о настоящихъ религіозныхъ нуждахъ его. Въ чемъ сказалась благосклонность Льва XIII по отношенію къ Галичинѣ, — это въ достаточной мѣрѣ выясняетъ „Галичанинъ“ —выразитель въ нѣкоторомъ смыслѣ совѣсти галицко-русскаго народа. Привѣтствуя въ передовой статьѣ высокаго юбиляра, эта газета въ свое время между прочимъ писала, что „къ общимъ проявленіямъ чувствъ чести и уваженія папѣ съ свойственною ему искренностію присоединяется и галицко-русскій народъ въ томъ убѣжденіи, что неотрадное положеніе его церкви не перестанетъ составлять предметъ теплой заботливости и попеченія намѣстника Христова. Галицко-русскій народъ убѣжденъ, что правитель папскаго престола, установившій день памяти первыхъ просвѣтителей славянъ, свв. Кирилла и Меѳодія, какъ праздникъ для всей католической церкви, разрѣшившій въ Черногоріи и нѣкоторыхъ южно-славянскихъ епархіяхъ отпра-

лять богослуженіе и даже св. литургію на славянскомъ языкѣ, почитающій и поручающій соблюдать восточные обряды, не можетъ относиться недружелюбно къ интересамъ русско-католической церкви въ Галичинѣ“... Повторивши почти буквально эти же самыя слова, другая русско-галицкая газета—унгварскій „Листокъ“—нашла нужнымъ присовокупить къ нимъ: „Да сохранить Онъ, Всемогущій, его святѣйшество въ мирѣ цѣла, честна, здрава, долгоденствующа и право правяща слово Своея истины“.

Не одними восторженными ликованіями и молитвенными благопожеланіями чтили вѣрные сыны католической церкви своего св. отца въ день его юбилея; чувства своего глубокаго уваженія къ папѣ они выражали не въ словахъ только, но и на дѣлѣ. Программа празднованія пятидесятилѣтія епископства Льва XIII, начертанная римской куріей еще задолго до 19 февраля 1893 года, какъ нельзя лучше, исполнена была многочисленными поклонниками высокаго юбиляра. Правда, капитулы римско-католическихъ церквей подъ благовиднымъ предлогомъ уклонились отъ поднесенія папѣ золотого трона, но зато въ кассы Ватикана, въ ознаменованіе юбилейнаго дня, поступили груды денежныхъ и разныхъ вещественныхъ подарковъ. По сообщенію итальянской газеты „Вѣкъ“ (Secolo), въ теченіе одного февраля мѣсяца папою получено было, по случаю его юбилея: отъ Австро-Венгріи 1.500.000 лиръ (въ томъ числѣ 100.000 лиръ отъ императора Франца-Иосифа и столько же отъ эрцгерцоговъ, отъ пражскаго архіепископа и кардинала-примаса Венгріи, 300.000 лиръ отъ чешской аристократіи), отъ Англіи и Шотландіи—1.200.000 лиръ, Ирландіи—10.000 лиръ, Германіи—350.000 лиръ, Италиі—200.000 лиръ, Франціи—225.000 лиръ, Аргентинской республики и Уругвая—150.000 лиръ, Мексики—200.000 лиръ, отъ другихъ американскихъ республикъ—300.000 лиръ, Испаніи—180.000 лиръ, Бельгіи—100.000 лиръ, Турціи—30.000 лиръ. Всего на сумму около $4\frac{1}{2}$ милліоновъ лиръ. Впрочемъ цифра эта не только не полна, но и не можетъ считаться приблизительною. Такъ, напримѣръ, епископъ Норфолькскій лично передалъ папѣ два конверта, изъ которыхъ въ одномъ былъ чекъ на 400.000 рублей съ надписью: „святому отцу знакъ благоговѣнія англійскаго католика“, а въ дру-

гомъ—даръ отъ англійскихъ католиковъ въ размѣрѣ 750.000 рублей. Притомъ же партіи разноязычныхъ пилигриммовъ, жаждущихъ получить благословеніе святѣйшаго отца себѣ и всей странѣ, до сихъ поръ продолжаютъ прибывать въ Римъ и подносить „намѣстнику Христову“ свои земные дары. Помимо денежныхъ пожертвованій многіе государи и коронованныя особы прислали папѣ съ своими представителями различные драгоценныя подарки. Германскій императоръ поднесъ папѣ дорогой перстень въ стилѣ времени Фридриха I, „какъ символъ епископскаго достоинства“. Подарокъ Вильгельма II вызвалъ полный восторгъ въ Ватиканѣ. Бриллиантъ въ перстиѣ до того крупень и такой замѣчательной игры, что стоить, по отзыву знатоковъ, цѣлаго колоссальнаго состоянія. Президентъ французской республики Карно подарилъ Льву XIII дорогую севрскаго фарфора вазу. Принцесса Клотильда Бонапарте, сестра итальянскаго короля Гумберта, прислала св. отцу золотой крестъ, усыпанный бриллиантами, и просила папу *„благословить всѣхъ безъ исключенія итальянцевъ“*. Левъ XIII, разумѣется, понялъ, кого собственно принцесса подразумевала подъ изъятыми отъ благословенія, и отвѣтилъ ей, что, какъ скоро онъ благословляетъ итальянцевъ, то „никогда не дѣлаетъ никакихъ исключеній“, что, слѣдовательно, благословеніе его одинаково простирается и на Савойскій домъ. Особенное вниманіе обратилъ на себя въ Ватиканѣ даръ турецкаго султана, поднесенный Льву XIII чрезъ армянскаго патріарха Азаріана: это недавно найденная надгробная плита съ епитафіей, относящейся ко времени императора Марка Аврелія и будто бы подтверждающей, по словамъ самого многоученаго юбиляра, ту мысль, что уже въ первые вѣка христіанства „время отъ времени совершались паломническія странствованія съ востока въ Римъ ко гробу перваго папы“, т. е. апостола Петра. Поступленія денежныхъ пожертвованій и разнаго рода подарковъ по настоящее время не прекратились, и самъ папа не знаетъ точно суммы своихъ юбилейныхъ подношеній, передаваемыхъ пока двумъ его ближайшимъ прелатамъ на храненіе въ особомъ помѣщеніи, вскрывать которое будетъ цѣлая комиссія кардиналовъ. Полагаютъ, что цѣнность всѣхъ юбилейныхъ приношеній достигнетъ до *десяти милліоновъ*

рублей—цифра весьма внушительная, безъ комментариевъ краснорѣчиво говорящая о высокомъ авторитетѣ юбиляра и тѣхъ чувствахъ глубокаго уваженія, которыя питають къ нему подносители. Особеннаго вниманія, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что бóльшая часть денежныхъ подарковъ предназначена не на нужды самого папы Льва XIII, не на содержаніе его двора, а на *дѣло пропаганды римско-католической вѣры*, безъ того располагающей милліонными суммами и громаднѣйшими недвижимыми имуществами во всѣхъ частяхъ свѣта. И невольно припоминаются здѣсь скудные средства нашего православнаго миссіонерскаго общества и потому стѣсненное положеніе нашихъ миссіонеровъ и духовныхъ миссій сравнительно съ инославными. Отчего бы, думаешь, и юбилеи нашихъ архипастырей не украшать такими пожертвованіями...? Тогда составилъ бы въ рукахъ нашихъ іерарховъ значительный капиталъ, который они, полагаемъ, охотно употребили бы въ цѣляхъ просвѣщенія свѣтомъ Христовымъ сѣдящихъ во тьмѣ многочисленныхъ язычниковъ, сектантовъ и раскольниковъ. Дѣло не за нашими духовными юбилярами, но за тѣми лицами, которые устрояють юбилеи нашимъ архипастырямъ и участвуютъ въ нихъ. Почему бы въ данномъ отношеніи православнымъ пасомымъ не поучиться у вѣрныхъ и преданныхъ римскому престолу католиковъ, усердно, какъ мы видѣли, готовившихся къ юбилею своего святаго отца и выражавшихъ чувства своего почтенія къ нему между прочимъ въ щедрыхъ денежныхъ приношеніяхъ на благо католической церкви? Учиться хорошему ни у кого не предосудительно и никогда не поздно.

Корсунский И. Н. Протоиерей П. А. Преображенский († 3 июня 1893 г.) [Некролог] // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 139–149 (2-я пагин.).

Протоиерей П. А. Преображенский († Июня 3, 1893 г.).

(Почетный членъ Московской Духовной Академіи).

Приглашаии добръ пресвитеры сузубья чести да сподобляются: паче же труждающися въ словъ и ученіи (1 Тим. 5, 17).

Июня 3 дня скончался, на 65-мъ году жизни, бывшій редакторъ „Православнаго Обозрѣнія“, настоятель Московской церкви св. Θεодора Студита, протоиерей Петръ Алексѣевичъ Преображенскій. Имя почившаго, и по его званію почетнаго члена Московской Духовной Академіи, и по особенно близкимъ его отношеніямъ къ большинству членовъ академической корпораціи, не говори уже о значеніи его, какъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей среди лицъ духовенства Московской епархіи и на поприщѣ духовной литературы, такъ близко Академіи, что она считаетъ своимъ священнымъ долгомъ удѣлить сочувственному воспоминанію о немъ нѣсколько страницъ издаваемого ею „Богословскаго Вѣстника“.

Петръ Алексѣевичъ Преображенскій и по рожденію, и по первоначальному воспитанію и по школьному образованію, кончая среднимъ, принадлежитъ Московской епархіи. Рано обнаружилъ онъ блестящія умственные дарованія, живую воспримчивость, сильную впечатлительность и широкую любознательность. Еще будучи ученикомъ семинаріи онъ живо интересовался всѣми проходимыми въ ней науками, особенно же философскими, съ напряженнымъ вниманіемъ и искреннею любовію слушалъ прекрасные уроки психологіи у молодаго еще тогда наставника семинаріи, магистра XVI курса (выпуска 1845 года) С.-Петербургской Духовной Академіи К. П. Добронравина (нынѣ преосв.

Гермогена, епископа Псковскаго)¹⁾ и побуждаемый жаждою знанія не рѣдко обращался съ разнаго рода запросами, за указаніями и справками по философскимъ наукамъ къ тогдашнему профессору философіи въ Московскомъ университетѣ, а послѣ знаменитому публицисту М. Н. Каткову († 1887)²⁾. Въ 1847 году, за годъ до окончанія полнаго курса богословскихъ наукъ въ Московской духовной семинаріи, Петръ Алексѣевичъ отправился, для довершенія своего образованія, въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ также, въ продолженіе четырехъ лѣтъ (1847—1851) своего въ ней образованія, обнаруживалъ во всемъ и прекрасныя способности, и прилежаніе и любознательность, и опять особенно въ отношеніи къ философскимъ наукамъ, съ каковою цѣлію обращался за совѣтомъ и руководствомъ, кромѣ профессоровъ С.-Петербургской же Духовной Академіи (А. А. Финера и В. Н. Карнова), и къ знаменитому профессору философіи въ Московской Духовной Академіи протоіерею Ѳ. А. Голубинскому. Въ 1851 году онъ окончилъ курсъ шестымъ по списку магистромъ, имѣя товарищами своими по курсу (XIX-му со времени открытія Академіи) многихъ, частію уже покойныхъ частію же доселѣ здравствующихъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе почетную извѣстность. Таковы: 1-й магистръ курса, извѣстный богословъ и философъ, преосв. Никаноръ архіепископъ Херсонскій († 1890); 2-й магистръ; бывшій долгое время профессоромъ философскихъ предметовъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, нынѣ управляющій контролемъ при Св. Синодѣ, тайный совѣтникъ И. А. Чистовичъ; бывшій профессоръ той же Академіи И. В. Чельцовъ; присутствующій въ Св. Синодѣ преосвященный епископъ Германъ и др. Въ виду особенной любви П. А. Преображенскаго къ философіи, его, по окончаніи курса, назначили въ Новгородскую духовную семинарію преподавателемъ философскихъ предметовъ: логики и психологіи, съ кото-

1) Установившіяся тогда добрыя отношенія между ученикомъ и наставникомъ продолжились и на послѣдующее время, когда К. Н. Добронравинъ перешелъ на службу изъ Москвы въ Петербургъ, а П. А. Преображенскій туда же отправился учиться въ Академію.

2) Объ этомъ съ удовольствіемъ упоминалъ самъ М. Н. Катковъ на юбилеѣ редакціи „Православнаго Обозрѣнія“ въ 1885 году.

рыми тогда соединялись также и патристика и латинскій языкъ. По отзывамъ учениковъ его по этой семинаріи ¹⁾, П. А. Преображенскій заявилъ себя какъ талантливый и гуманный преподаватель. Будучи главнымъ наставникомъ, руководителемъ учениковъ своего (такъ называемаго философскаго) класса (или средняго отдѣленія) въ ихъ умственныхъ работахъ и ихъ развитіи по тогдашнимъ учебнымъ порядкамъ, онъ имѣлъ сильное на нихъ вліяніе, которое еще болѣе увеличивалось благодаря тому, что онъ сверхъ того былъ и помощникомъ инспектора семинаріи. Но какъ Москвича, П. А. Преображенскаго тянуло къ Москвѣ, и въ 1855 году онъ, по утвержденіи въ степени магистра богословія и потому съ званіемъ профессора, перешелъ на тѣ же философскіе предметы въ Московскую духовную семинарію, съ принятіемъ сана священства и съ причисленіемъ къ Николаевской семинарской церкви, по благословенію и рукоположеніемъ приснопамятнаго Филарета, митрополита Московскаго. И здѣсь Петръ Алексѣевичъ не только не уронилъ, но и возвысилъ доброе мнѣніе о себѣ, какъ о наставникѣ. Его извѣстность довольно скоро перешла даже за предѣлы круга духовнаго вѣдомства, и когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ поднятъ былъ вопросъ о замѣщеніи философской кафедры въ Московскомъ университетѣ, то П. А. Преображенскій вмѣстѣ съ покойнымъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ прямо предложенъ былъ въ качествѣ кандидата для ея замѣщенія ²⁾.

Между тѣмъ въ лицѣ П. А. Преображенскаго Господь уготовлялъ надежное орудіе для провозвѣщенія своей истины на болѣе широкомъ, нежели педагогическое, поприщѣ. И вся научная подготовка Петра Алексѣевича, и его живой, дѣятельный характеръ, и его чрезвычайно подвижный, отзывчивый на все новое, честное и благородное умъ и его способность инициативы дѣлали его наиболее пригоднымъ къ тому, чтобы стать во главѣ предпріятія, которое сдѣлало имя его болѣе извѣстнымъ и славнымъ, нежели

¹⁾ Въ числѣ учениковъ его были: преосв. Мисаилъ, епископъ Орловскій, извѣстный ученый Е. В. Барсовъ и др.

²⁾ Замѣщеніе не состоялось по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ репутаціи обоихъ кандидатовъ.

имя профессора. Вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ богословія въ Московскомъ Университетѣ, протопресвитеромъ П. А. Сергіевскимъ († 1892) и доселѣ здравствующимъ редакторомъ „Дѣтской Помощи“ протоіереемъ Г. П. Смирновымъ-Платоновымъ, П. А. Преображенскій, въ качествѣ ихъ соредактора, съ благословенія митрополита Филарета, въ 1860 году началъ издавать извѣстный богословско-философскій журналъ: *Православное Обозрѣніе*, имѣвшій задачею своею, соотвѣтственно настоятельнымъ потребностямъ того времени, кромѣ положительнаго раскрытія истинъ православнаго ученія и сообщенія свѣдѣній изъ исторіи церкви православной, также примиреніе вѣры и знанія, защиту истинъ христіанской религіи отъ нападеній лжеименнаго разума съ помощію началъ самаго же разума и обозрѣніе инославныхъ исповѣданій въ православномъ духѣ, вообще рѣшенію всякаго рода религіозныхъ вопросовъ и пробужденіе вниманія къ нимъ, по руководству слова Писанія: *всѣ искушающе, добрая держите* (1 Сол. 5, 21)¹⁾. Этотъ журналъ, просуществовавшій цѣлыхъ 32 года и все это время высоко и крѣпко державшій знамя своей первоначальной задачи и программы, а вмѣстѣ съ тѣмъ не оставившій безъ вниманія и вновь нарождавшихся потребностей времени, извѣстный не только по всей Россіи, но и за границей, былъ дѣломъ, которому П. А. Преображенскій отдалъ всѣ свои лучшія симпатіи, всѣ свои силы, лучше сказать, всего себя и все свое время, вскорѣ же по основаніи его (именно въ 1864 году) оставивъ должность преподавателя семинаріи, требовавшую, для надлежащаго исполненія ея, много времени, и перешедши (еще въ 1863 году) на болѣе удобную для его новыхъ занятій по журналу должность приходскаго священника при упомянутой раньше церкви св. Θεодора Студита. Этимъ, конечно, мы не хотимъ сказать того, чтобы за все время существованія журнала, какъ инициатива дѣла, такъ и весь трудъ веденія его, привлеченіе сотрудниковъ къ участию въ немъ и другія заботы о существованіи и процвѣтаніи его принадлежали исключительно Петру Алексѣевичу. Намъ хорошо

¹⁾ Эти слова Писанія послужили девизомъ журнала „Православное Обозрѣніе“ съ самаго начала его изданія.

извѣстно, что въ первые годы существованія журнала главное, основоположительное, такъ сказать, участіе въ редакціи журнала, равно какъ и наибольшая доля отвѣтственности за него предъ начальствомъ принадлежали Н. А. Сергіевскому, а наибольшая часть труда по отношенію къ составу содержанія книжекъ журнала лежала на Г. П. Смирновѣ-Платоновѣ. Не безъизвѣстно намъ также, что уже и въ первые годы существованія журнала не гласно, а съ 1869 года и оффиціально, въ качествѣ соредактора, большое участіе въ редакціи его принималъ доселѣ здравствующій профессоръ Московскаго Университета, докторъ богословія, протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Но съ другой стороны хорошо извѣстно и то, что Н. А. Сергіевскій не на долго продлилъ свое участіе въ редактированіи „Православнаго Обозрѣнія“, а въ 1874 году и двое остальныхъ соредакторовъ, по разнымъ обстоятельствамъ, покинули дѣло ближайшаго имъ завѣдыванія и предоставили это дѣло П. А. Преображенскому, не покидая впрочемъ послѣдняго и въ дальнѣйшее время своимъ сочувствіемъ и сотрудничествомъ. Такимъ образомъ Петръ Алексѣевичъ, участіе котораго въ веденіи этого дѣла на первыхъ порахъ ограничивалось не очень значительною долею сотрудничества въ самомъ редактированіи журнала и главное вниманіе котораго въ то время сосредоточивалось на приложеніяхъ къ журналу (—на переводной его части), затѣмъ мало по малу, особенно за большими недосугами другихъ соредакторовъ, становился все ближе и ближе къ нему, пока съ 1875 года не сдѣлался полнымъ и единственнымъ хозяиномъ дѣла и оставался таковымъ до самаго конца существованія журнала (въ 1891 году), лишь на полтора года упредившаго конецъ жизни самого Петра Алексѣевича.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ входить въ подробности раскрытія значенія журнала: *Православное Обозрѣніе* въ исторіи богословско-философской мысли нашего отечества. Это значеніе, къ тому же, хорошо, полно и всесторонне раскрыто было въ знаменательную пору 25-лѣтняго юбилея его въ 1885 году ¹⁾. Мы скажемъ, въ

¹⁾ См. *Правосл. Обозр.* 1885, I, 401—439. Самое юбилейное торжество имѣло тогда Петра Алексѣевича Преображенскаго своимъ средоточіемъ.

дополненіе къ тому, лишь не многое. Съ самаго перваго года своего существованія, этотъ журналъ, какъ вполнѣ отвѣчавшій насущнымъ потребностямъ того времени, возбуждалъ живой интересъ и повсюду читаемъ былъ съ глубокимъ вниманіемъ и даже увлеченіемъ. И Особы царствующаго Дома удостоивали его своимъ милостивымъ вниманіемъ и одобреніемъ. Такъ въ августѣ 1860 года въ Бозѣ почившій Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ († 1865), будучи въ Москвѣ у митрополита Филарета, по свидѣтельству авторитетнаго современника, „хвалилъ *Православное Обозрѣніе* и въ немъ статью о происхожденіи рода человѣческаго потому, что она писана спокойно и безъ желчи“¹⁾. Митрополитъ Филаретъ, который въ 1859 году и ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи издавать „*Православное Обозрѣніе*“²⁾, также, не смотря на свою строгость вообще при сужденіи о сочиненіяхъ, съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ статьи этого журнала, хвалилъ ихъ³⁾, крѣпко отстаивалъ журналъ отъ обвиненій въ неправославіи, лже-религіозности и под.⁴⁾, заботился о распространеніи его⁵⁾, и т. д. Многіе прямо свидѣтельствовали, что именно этотъ журналъ бросилъ въ ихъ душу первую искру сознательной богословской мысли⁶⁾, и т. п. Но само собою разумѣется, что безъ хорошихъ сотрудниковъ редакція „*Православнаго Обозрѣнія*“ не достигла бы такого успѣха его, и въ подборѣ такихъ сотрудниковъ состояла большая заслуга его редакторовъ, особенно

¹⁾ См. *Прав. Обзор.* 1883, I, 109. Свидѣтельство покойнаго профессора Моск. Дух. Академіи П. С. Казанскаго. Статья о происхожденіи рода человѣческаго принадлежала профессору той же Академіи В. Д. Кудрявцеву.

²⁾ См. въ *Душепол. Читеніи* за 1885 г. ч. I, стр. 122.

³⁾ См. напр. въ *Прибавл. къ Твор. св. Отц.* за 1882 г. ч. XXX, стр. 60.

⁴⁾ См. *Собраніе мнѣній и отзыв. м. Филар.* V, 34 и дал. 43 и дал. Москва, 1887—1888; - *Письма м. Филар. къ Высоч. Особ. и друг. лиц.* II, 199. Тверь, 1888 и др. Главныя обвиненія сыпались со стороны желчнаго редактора „Домашней Бесѣды“ В. И. Аскоченскаго († 1879).

⁵⁾ *Письма м. Филар. къ архіеписк. Алексію*, стр. 212. Москва, 1883; срав. *Душеп. Читен.* 1885, I, 122, и др.

⁶⁾ Такъ напр. въ юбилей 1885 года прямо говорилъ о себѣ проф. Лопухинъ. См. *Правосл. Обзор.* 1885, I, 418. Срав. также отзывъ проф. В. О. Ключевскаго, тамъ же, стр. 414 и др.

же опять П. А. Преображенскаго. Имѣя прочныя, частію еще со студенческой скамьи установившіяся, связи и съ Петербургскою и съ Московскою и другими академіями и иными духовными и свѣтскими учебными заведеніями, находясь въ добрыхъ, часто дружескихъ отношеніяхъ со многими учеными, высокообразованными лицами, Петръ Алексѣвичъ, сначала совмѣстно съ другими соредакторами, а потомъ и одинъ, заботливо поддерживая эти связи и отношенія, умѣлъ привлекать къ сотрудничеству въ „Православномъ Обозрѣніи“ выдающіяся богословскія и философскія силы. Такъ, изъ его товарищей по Академіи мы видимъ сотрудниками этого журнала и архіепископа Никанора, и И. А. Чистовича, и В. И. Ловягина и другихъ; равнымъ образомъ и вообще изъ профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи были сотрудниками „Православнаго Обозрѣнія“ многіе, какъ на примѣръ И. Т. Осининъ, А. И. Предтеченскій, И. И. Барсовъ и др. Но болѣе всего слѣдала вклада въ этотъ журналъ Московская Духовная Академія, съ нѣкоторыми профессорами которой П. А. Преображенскій находился въ продолжительныхъ искренно-дружескихъ отношеніяхъ (какъ напр. съ покойнымъ В. Д. Кудрявцевымъ). Въ немъ помѣщено много болѣе или менѣе крупныхъ изслѣдованій и статей профессоровъ этой Академіи: С. К. Смирнова, П. С. Казанскаго, В. Д. Кудрявцова, Д. О. Голубинскаго, П. И. Горскаго, Е. Е. Голубинскаго, В. О. Ключевскаго, И. Д. Мансветова, А. П. Лебедева, В. А. Секолова, В. О. Кипарисова, И. Н. Корсунскаго, Н. А. Заозерскаго, А. Д. Бѣляева, И. И. Соколова (позднѣе преемств. Сергія), М. Д. Муретова, А. И. Введенскаго и др. Изъ другихъ сотрудниковъ, кромѣ самихъ редакторовъ, особенно дѣятельными и обильными вкладчиками въ сокровищницу статей „Православнаго Обозрѣнія“ были: протопресвитеръ Н. В. Благо-разумовъ, протоіерей М. М. Воздвиженскій, протоіерей К. Л. Кустодіевъ, покойный профессоръ Моск. Университета Н. К. Соколовъ, профессоръ Казан. Дух. Академіи А. О. Гусевъ, М. А. Куплетскій, О. Г. Тенеръ и др. Привлеченіе столь великаго числа сотрудниковъ условливалось, безъ сомнѣнія, много и личнымъ характеромъ Петра Алексѣвича, любвеобильнаго, привѣтливаго, всегда при-

ятнаго и умнаго собесѣдника, безкорыстнаго дѣятеля вообще и въ частности по отношенію къ журналу ¹⁾, и т. д. Но помимо привлеченія сотрудниковъ къ участию въ журналѣ, П. А. Преображенскій и самъ много потрудился для него въ учено-литературномъ отношеніи. Кромѣ словъ, рѣчей, болѣе или менѣе мелкихъ статей и замѣтокъ, ему принадлежатъ еще слѣдующіе болѣе крупныя, оригинальныя и переводныя труды: 1., *Апокрифическія сказанія о жизни Господа Іисуса Христа и Его пречистой Матери*. Въ русскомъ переводѣ ²⁾. (Приложеніе къ „Православному Обозрѣнію“). Съ предисловіемъ П. А. Преображенскаго. (Напечат. при *Правосл. Обозр.* за 1860 г. №№ 1 и 3); 2., *Писанія мужей апостольскихъ*, въ русскомъ переводѣ, со введеніями и примѣчаніями къ нимъ ³⁾. (Тамъ же, 1860, №№ 8, 10, 11; 1861, №№ 1—12); 3., *Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ*. (Тамъ же, 1862—1866, 1868—1872 и 1876)⁴⁾. Всѣ эти, какъ и означенныя подъ №№ 1 и 2, Писанія составили изъ себя 8-томное изданіе, подъ заглавіемъ: *Памятники древнее христіанской письменности въ русскомъ переводѣ* (Москва, 1860—1871)⁵⁾; —4., К. Тишендорфа, *Когда были написаны наши Евангелія?* Переводъ съ нѣмецкаго

¹⁾ Достаточно сказать, что послѣ того, какъ П. А. Преображенскій остался единственнымъ редакторомъ-издателемъ журнала, онъ лишился супруги, при цѣлой кучѣ малолѣтнихъ дѣтей, и не смотря на это тяжкое лишеніе, и не смотря на заботы о дѣтяхъ, безъ всякой субсидіи, онъ продолжалъ изданіе даже и при неблагопріятныхъ въ матеріальномъ отношеніи условіяхъ, не жалѣя своихъ средствъ на это изданіе.

²⁾ Въ переводѣ этого изданія принималъ участіе священникъ А. А. Сергіевскій.

³⁾ Въ этомъ трудѣ только „Пастырь“ Ёрма переводилъ (съ латинскаго) о. К. С. Озеровъ; предисловіе же къ „Пастырю“, равно какъ переводъ, введенія и примѣчанія ко всѣмъ остальнымъ писаніямъ мужей Апостольскихъ принадлежатъ исключительно П. А. Преображенскому.

⁴⁾ И въ этомъ трудѣ только переводъ сочиненій Аѳинагора, да и то не всѣхъ, принадлежитъ В. И. Ловягину, все же остальное (введенія, переводъ и примѣчанія) принадлежитъ П. А. Преображенскому.

⁵⁾ Переводъ сочиненія св. Ипполита остался неоконченнымъ и потому не вошелъ въ это изданіе. Важность этого изданія и духовная потребность въ немъ такъ велика, что большей части томовъ его, особенно начальныхъ, уже трудно найти въ продажѣ, а сочиненія св. Іустина философа П. А. Преображенскій, уже предъ кончиною своею, долженъ былъ

(въ *Правосл. Обозр.* за 1865 г. №№ 7 и 9); 5., *Апологетическая дѣятельность древней церкви и ея значеніе для настоящаго времени.* Съ нѣмецкаго. (Тамъ же, 1866, №№ 8, 11 и 12); 6., Овербека, *Православно-каволическая Церковь. Протестъ противъ папской церкви и воззваніе къ основанію каволическихъ народныхъ церквей.* Переводъ съ нѣм. (Тамъ же, 1869, № 1); 7., Овербека, *Предназначеніе православной Россіи и ея призваніе къ возстановленію православной каволической церкви на западъ.* Перев. съ нѣм. (Тамъ же, №№ 11 и 12), и др. Значеніе этихъ трудовъ, какъ и всей дѣятельности П. А. Преображенскаго по редакціи и изданію „Православнаго Обозрѣнія“, или иначе сказать, по служенію *слову и ученію* (1 Тим. 5, 17), было столь велико, что С.-Петербургская и Московская духовныя академіи, одна за другою (въ 1883 и 1884 годахъ), поспѣшили избрать его въ свои почетные члены, и такимъ образомъ удостоили его *сугубья чести.*

А между тѣмъ далеко не одна учено-литературная дѣятельность занимала Петра Алексѣевича. Мы уже отмѣчали его способность инициативы. Какъ человекъ инициативы, энергическій и неутомимый дѣятель, онъ былъ то инициаторомъ, а то весьма сильнымъ движителемъ многихъ учрежденій, изъ коихъ иныя имѣютъ значеніе и не для одной лишь Московской епархіи. Таковымъ онъ былъ, на примѣръ, для Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ самой начальной порѣ его существованія, для епархіальнаго свѣчнаго дѣла, для эмеритальной кассы духовенства Московской епархіи, для отдѣленія пчеловодства при Обществѣ акклиматизаціи растений и животныхъ, ит. д. Въ эпоху усиленнаго движенія русскихъ въ пользу южныхъ и западныхъ славянъ (въ 1867 и дальн. г.) онъ обнаруживалъ кипучую дѣятельность, которую весьма цѣнило Славянское Благотворительное Общество. Въ дни Пушкинскихъ празднествъ (въ 1880 году) Петръ Алексѣевичъ, въ

выпустить вторымъ изданіемъ, хотя его денежныя средства были таковы, что послѣ его кончины едва ли что остается его дѣтямъ въ наслѣдство. Между прочимъ эти труды были приложеніемъ къ дѣлу его семинарскихъ занятій по философіи.

качествѣ гласнаго Думы, весьма благовременно разоблачилъ лже-либеральную интригу, готовившуюся сдѣлать изъ всероссійскаго торжества торжество партіи извѣстнаго цвѣта и чрезъ то омрачить свѣтлую радость самаго торжества. Мы не говоримъ уже о дѣятельности его въ качествѣ приходскаго священника, давно стяжавшей ему имя „кроткаго пастыря и вѣрнаго учителя“¹⁾. И много было бы нужно писать еще, чтобы изображать многообразную и многопользную дѣятельность Петра Алексѣевича, заслужившую ему, сверхъ *чести* отъ ученыхъ и другихъ обществъ и учрежденій, также награды отъ начальства: еще въ 1882 году онъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея, а изъ наградъ постепенно получилъ всѣ, причистовавшія его сану, по орденъ св. Владиміра 4-й степени включительно и кромѣ того имѣлъ золотую медаль въ память освященія храма Христа Спасителя,

Въ 1885 году преосвященнѣйшіе архіепископъ Херсонскій Пиканоръ и его викарій Николай, поздравляя П. А. Преображенскаго, какъ своего „брата, друга и товарища“ съ 25-тилѣтнимъ юбилеемъ редакторства, между прочимъ писали ему: „Питаемъ благую надежду, что и по смерти ваше имя въ историческихъ записяхъ не умретъ, связанное въ воспоминаніяхъ потомства съ великою въ разнообразныхъ отношеніяхъ переживаемою нами эпохою, эпохою возбужденія русской жизни и крайняго напряженія мысли какъ научной вообще, такъ и богословской въ частности“²⁾. Подлинно имя П. А. Преображенскаго не умретъ. Оно будетъ и должно жить долго въ памяти благодарнаго потомства, у котораго, особенно теперь, должна быть на виду вся его многообразная, кипучая и многоплодная дѣятельность, направленная ко благу Церкви и отечества. Но для самаго почившаго еще дороже этого должно быть то, чтобы имя его было написано на небесахъ. Издавна искренно религіозныи³⁾, онъ во время юбилейнаго торжества

¹⁾ См. *Правосл. Обзор.* 1885, I, 424.

²⁾ *Правосл. Обзор.* 1885, I, 412—413. Преосв. Николай (въ мѣрѣ Іоаннъ Заркевичъ) былъ также товарищемъ П. А. Преображенскаго по Академіи.

³⁾ Какъ объ исключительномъ случаѣ въ этомъ отношеніи самъ П. А. Преображенскій однажды рассказывалъ профессору Д. Ѳ. Голубинскому отомъ, что какъ-то разъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, во

своего въ 1885 году, когда почтить его, и прежде всего молитвенно, собрались многіе не только свѣтскіе, но и духовные люди, растроганный до глубины души такимъ къ нему вниманіемъ, говорилъ въ своей рѣчи: „Это величайшее для меня, единственное утѣшеніе въ моей жизни, единственное и послѣднее: ибо послѣ... развѣ только гробъ мой снова соберетъ такой великій сонмъ молитвенниковъ для надгробнаго пѣнія аллилуіа“¹⁾. Его гробъ и дѣйствительно привлекъ еще болѣе великій сонмъ молитвенниковъ, нежели какой онъ надѣялся при немъ имѣть. Одинъ изъ московскихъ викаріевъ предстоительствовалъ въ этомъ сонмѣ²⁾, чего не было въ 1885 году³⁾. Московская Духовная Академія также не осталась безучастною къ этой молитвѣ⁴⁾. Будемъ же еще и еще молиться объ упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія протоіерея Петра въ селеніяхъ праведныхъ со всѣми святыми! Въ молитвѣ для него будетъ великое приобрѣтеніе, а для насъ утѣшеніе при чувствуемой всѣми нами утратѣ.

И. Корсунскій.

время студенчества своего въ ней, онъ увлекся чтеніемъ одной книги и совершенно не замѣтилъ, что началась церковная служба, къ которой онъ долженъ былъ бы итти вмѣстѣ съ другими студентами. Въ это время его засталъ въ комнатѣ инспекторъ (архимандритъ Макарій, впоследствии митрополитъ Московскій) и напомнилъ ему о религіозномъ долгѣ его. Само собою разумѣется, П. А. Преображенскій, извинившись предъ инспекторомъ за свое невольное увлеченіе, тотчасъ оставилъ книгу, и пошелъ въ церковь, какъ студентъ, по существу дѣла добрый въ религіозно-нравственномъ отношеніи и послушный.

¹⁾ *Прав. Обзор.* 1885, I, 408.

²⁾ Преосв. Тихонъ, епископъ Можайскій, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства.

³⁾ Тогда было лишь нѣсколько протоіереевъ и іереевъ. См. *Прав. Обзор.* тамъ же, стр. 402 и дал.

⁴⁾ О. Ректоръ Академіи архимандритъ Антоній въ субботу 5 мая ѣздилъ нарочито въ Москву для совершенія паннихиды при гробѣ П. А. Преображенскаго, а на другой день, въ воскресенье 6 іюня, въ академической церкви совершена была заупокойная литургія, съ паннихидою послѣ нея, о. ректоромъ соборнѣ; такъ какъ 5 и 6 іюня въ Академіи были засѣданія совѣта, то за не возможностью для всѣхъ желавшихъ изъ академической корпораціи быть въ Москвѣ въ день погребенія (6 іюня), доцентъ А. П. Введенскій, отъ лица всей Академіи, возложилъ на гробъ почившаго вѣнокъ, сказавъ при этомъ подробную рѣчь.

Введенский А. И. Речь при гробе редактора «Православного Обозрения» протоиерея П. А. Преображенского // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 150–154 (2-я пагин.).

Рѣчь при гробѣ редактора „Православнаго Обозрѣнія“, Протоіеря Петра Алексѣевича Преображенскаго, сказанная доцентомъ Московской Духовной Академіи А. И. Введенскимъ (6 іюня во время отгѣванія).

Прости на вѣкъ *многострадальный* старецъ!

Я называю тебя многострадальнымъ не потому только, что въ послѣдніе годы твоей жизни тебя, какъ всѣмъ извѣстно, осаждали всевозможныя невзгоды и недуги: это было лишь слѣдствіе; и не потому только что, какъ пастырь, призванный отъ Бога нести вмѣстѣ съ пасомыми ихъ бремя, ты чувствовалъ, конечно, и тяжесть этого бремени: это былъ твой долгъ, — тяжелый, но вмѣстѣ и радостный долгъ во Христѣ; называю тебя многострадальнымъ еще и особенно потому что, въ добавленіе къ этому бремени, ты вольно взялъ на себя другое, можетъ-быть, болѣе тяжкое, — служеніе русской богословско-философской мысли, православно-русскому слову, русскому журнальному дѣлу. Тяжело это бремя! Невниманіе со стороны однихъ, требовательность со стороны другихъ, матеріальныя затрудненія, постоянныя огорченія и заботы, — о, кто можетъ исчислить, сколько капель самой горькой и ѣдкой отравы влило все это въ чашу твоей жизни! Кто можетъ опредѣлить, на сколько дней, мѣсяцевъ, быть-можетъ даже годовъ ускорили всѣ эти труды и заботы пришествіе къ тебѣ вѣстницы иного міра! Конечно, на то была твоя вольная воля: про то ты самъ вѣдалъ и говорилъ. Но, съ другой стороны, то была и твоя горькая доля: про то мы знаемъ и свидѣтельствуемъ. И вотъ теперь, у этого гроба, мы спрашиваемъ себя: *зачѣмъ, во имя чего ты выбралъ себѣ столь горькую долю?*

Есть въ жизни человѣчества, въ міровой жизни, одинъ необъятно великій и знаменательный фактъ, въ которомъ самая глубокая тайна встрѣчается съ лучемъ самаго сильнаго свѣта, — фактъ *страданія*. Въ *страданіи* есть истина. Скажу болѣе: *страданіе* есть истина. Скажу еще болѣе: *въ страданіи* вся наша христіанская истина. Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ прошелъ крестнымъ путемъ страданія и намъ указалъ на этотъ путь, какъ на вѣрный путь къ истинѣ. Кто идетъ этимъ путемъ, кто вольно принимаетъ на себя страданіе во имя Христова, тотъ постигаетъ истину, тому уясняется смыслъ жизни, — тотъ прозрѣваетъ во всеобщей міровой борьбѣ созидающую силу любви. Гдѣ есть вольное страданіе, тамъ есть правильное пониманіе смысла жизни, тамъ есть истина, тамъ есть оживляющая и созидающая сила любви. Почившій перенесъ много вольныхъ страданій: значитъ онъ правильно смотрѣлъ на задачи и смыслъ жизни, горѣлъ любовью къ Богу, ближнимъ, ихъ благу. Нужны ли этому осязательныя доказательства? Въ нихъ нѣтъ недостатка. Вотъ вижу что окрестъ этого гроба не одинъ взоръ увлажился слозою. Мы знаемъ законъ человѣческой души: слеза не скатится, если ее не вызоветъ скорбящая объ утратѣ дорогаго человѣка любовь, а любовь не затеплится иначе, какъ отъ живой любви, отъ ласки и участія... О почившомъ плачутъ: значитъ онъ любилъ! Вотъ простираюсь мыслию въ пространства отдаленныя отсюда, гдѣ знали почившаго только по имени да по его дѣлу; и тамъ подмѣчаю и подслушиваю скорби о немъ, скорби глубокую и не лицомѣрную: значитъ и тамъ знали и любили труженика, который влагалъ свой трудъ и заботу въ полезное дѣло. Вотъ пытаюсь проникнуть во времена грядущія, всматриваюсь въ нихъ, и взорамъ открывается такая картина: въ уединенной келліи какой-нибудь повѣствователь, подобный древнему лѣтописцу, пишетъ свою повѣсть о минувшей судьбѣ отчизны, — уже не такъ, конечно, какъ писали во времена былыя, но въ томъ же духѣ, согрѣтомъ любовью къ созидателямъ жизни и мысли русской, и когда коснется нашего времени, запишетъ приблизительно такъ: „Въ лѣто отъ сотворенія міра такое-то, отъ рождества же Бога Слова по плоти въ 1860-е, поднята была на Москвѣ духовная брань на враговъ пра-

вославною русской мысли и жизни; эта борьба ведена была сначала соединенными силами многихъ (разумѣю сотрудниковъ по редакторству), но потомъ пала всею своею тяжестью на плечи одного труженика ¹⁾, — пала и подавила его своею тяжестью. Миръ его праху“... Вотъ свидѣтельства изъ настоящаго и даже будущаго, которыя отвѣчаютъ намъ на вопросъ, почему почившій избралъ собѣ такую горькую и многотрудную долю: онъ страдалъ и терпѣлъ потому, что безъ этого невозможно было служить тому дѣлу, къ которому влекла его душа, и любовь къ которому привлекла къ нему самому любовь другихъ. Онъ страдалъ потому, что хотѣлъ служить по мѣрѣ силъ созиданію православно-русской мысли и жизни. И вотъ предъ нами вѣнецъ его страданій, — смерть по человѣческимъ соображеніямъ преждевременная и ускоренная...

Еще мало и къ тому не узримъ тебя. Раскрылась уже могила, которая скоро приметъ твоё изможденное и удрученное страданіемъ и болѣзнию тѣло. Какъ мать больное и изстрадавшееся дитя прижметъ тебя къ своей груди наша общая, древняя и многострадальная мать сыра-земля, приметъ въ свое материнское лоно и... успокоить. Ты заснешь и забудешь свои страданія, отдохнешь отъ нихъ въ глубокомъ и успокоительномъ снѣ плотію. А духъ? О, онъ уже воспарилъ въ селонія горнія, къ жизни иной, лучшей! Тамъ нѣтъ нашего солнца, но тамъ свѣтитъ солнце несравненно болѣе яркое. Тамъ нѣтъ нашего воздуха, но тамъ атмосфера тоньше и чище, прозрачнѣе и удобопроницаемѣе. Оба свита, такъ сказать, изъ лучей истины, любви и святости; тамъ чистѣйшіе серафимы не гнушаются общеніемъ съ душой, которая въ смиреніи и терпѣніи прошла свое многострадальное жизненное поприще. Тамъ Богъ правосудный и милостивый отираетъ слезу труженика, до изнеможения несшаго свой крестъ съ вѣрой и надеждой на Распятаго. Туда, въ эти свѣтлыя, горнія обители, — вѣруемъ и надѣемся, — по молитвамъ и ходатайству Св. Цоркви востекаютъ теперь многострадальный духъ почившаго. О семъ молимся и помолимся!

¹⁾ Прот. П. А. Преображенскій былъ единоличнымъ редакторомъ „Православнаго Обозрѣнія“ съ 1875 по 1891 годъ, когда журналъ прекратился.

А мы, кого собрала къ этому гробу любовь къ почившему; что *мы* уносимъ отсюда въ свои дѣла? Уносимъ урокъ; уносимъ и упованіе.

Поучаетъ насъ самъ почившій своею страдальческою жизнью. Урокъ этотъ не сложенъ и кратокъ: *въ страданіи вся наша сила*. Мы ежеминутно „расширяемся, по отеческому выраженію, въ пожеланіяхъ большаго“. Но исполненіе этихъ пожеланій не въ нашей власти: захватить весь міръ мы не въ силахъ. Но страдать, — страдать за свое выпавшее намъ на долю дѣло, за свой долгъ, возлагаемый на насъ нашею совѣстью, мы можемъ *безконечно*, — даже до смерти. И почившій — живой и поучительный примѣръ такого страданія. Вотъ урокъ!

А надежда, — кто намъ преподаетъ надежду и кто утѣшитъ нашу скорбящую о почившемъ любовь? Насъ утѣшитъ зрѣлище вѣчно обновляющейся жизни природы на доно которой, сопровождая этотъ гробъ, мы скоро выйдемъ изъ храма. Земля лишь на мигъ раскроется чтобы принять гробъ и потомъ заключится снова, переводя такимъ образомъ и наши взоры и наши мысли отъ печальнаго зрѣлища ея мрачныхъ пѣдръ на поверхность, гдѣ солнце свѣтитъ, жизнь кипитъ и играетъ... Она этимъ вселяетъ въ наши сердца успокоеніе и надежду. Она говоритъ какъ бы такъ: „Милыя дѣти, не смущайтесь зрѣлищемъ этого вѣчнаго круговращенія жизни; на смѣну оскудѣвшимъ силамъ, угасшимъ источникамъ жизни я извожу новыя силы и новыя жизни, которыя продолжаютъ и довершаютъ дѣло прежнихъ дѣлателей. Такъ и въ вашемъ человѣческомъ родѣ: на смѣну поколѣніямъ, отходящимъ въ вѣчность, — для земнаго дѣланія рождаются новыя поколѣнія, которыя, будучи связаны съ прежними союзомъ любви, продолжаютъ ихъ дѣло въ томъ же духѣ и силѣ. *На нихъ* обратите свои взоры, *съ ними* свяжите свои надежды, *ихъ* окружите своею любовью и заботою“... Вотъ утѣшеніе, которое символически преподаетъ намъ природа, скоро сокроющая отъ нашихъ взоровъ этотъ гробъ!

Прости же на вѣки, многострадальный старецъ! Прими послѣдній прощальный привѣтъ отъ меня, юнѣйшаго изъ твоихъ сотрудниковъ, а въ моемъ лицѣ и отъ моихъ собратій по службѣ, профессоровъ Московской Духовной Ака-

деміи. Ты близокъ былъ Академіи. Правда, ты не отъ ея сыновъ, но ты всыновленъ ей духомъ. Судьба твоего дѣла всегда была тѣсно связана съ ея судьбами. Твоя духовная жизнь билась въ униссонъ съ ея жизнью. Ты былъ ея живымъ и дѣятельнымъ членомъ, проводникомъ ея идей, посредникомъ между ею и обществомъ. И вотъ почему въ твоемъ лицѣ она несетъ тяжелую утрату. Вотъ почему она теперь тронута скорбью и изъ-подъ сѣни обители Преподобнаго Сергія шлетъ тебѣ свой послѣдній прощальный привѣтъ, свое теплое материнское „прости“...

Прости! Миръ праху твоему, труженикъ, учитель страданія!

Заозерский Н. А. Исследования в области русской науки канонического права. [Рец. на:] Ильинский Н. И., свящ. Синтагма Матфея Властаря: Исслед. М., 1892 // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 155–161 (2-я пагин.).

Исслѣдованія въ области русской науки каноническаго права.

Синтагма Матфея Властаря. Исслѣдованіе священника Н. Ильинскаго. Москва. 1892 г.

По тщательности и полнотѣ изученія, всесторонности анализа, какому подвергаетъ авторъ избранный имъ предметъ, исслѣдованіе примѣчательное. Усвоивъ всѣ незначительныя кой-гдѣ, спорадически въ пролегоменахъ къ изданіямъ или въ курсахъ права брошенныя въ заграничной и русской литературѣ свѣдѣнія о М. Властарѣ, авторъ въ своемъ исслѣдованіи шелъ по большей части своимъ путемъ, всецѣло погрузившись въ самый изучаемый памятникъ каноническаго права, призвавъ къ себѣ въ качествѣ пособій огромныя грековизантійскія изданія Геймбаха, Цихаріа-фонъ Лингенталь, Ралли и Потли и друг. Трудъ, предпринятый авторомъ и имъ осиленный, особенно въ его положеніи (преподаватель таврической духовной семинаріи) громадный. „Многомудрый и словеснѣйшій Матеей Властарь“ — какъ величали его наши древніе книжники — въ названномъ трудѣ о. Н. Ильинскаго нашель себѣ вниманіе, для византійца XIV вѣка даже весьма завидное.

Самый главный научный интересъ, ради коего синтагма М. Властаря пользуется вниманіемъ цивилистовъ-византологовъ, образуютъ въ ней весьма суммарные эксцепты гражданскаго византійскаго права, приводимые безъ всякихъ цитатъ. Откуда М. Властарь бралъ свои эксцепты гражданскаго права — этотъ вопросъ давно занималъ византологовъ и до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ вполнѣ. Покрайней мѣрѣ до сихъ поръ оставалось въ этомъ отно-

шеніи общепринятымъ слѣдующее мнѣніе *Бинера*, высказанное имъ въ знаменитомъ его изслѣдованіи: „Geschichte d. Novellen Justinians. Berlin, 1824“. S. 221 и слѣд.: „Большая часть его (т. е. М. Властаря) рубрикъ въ титулахъ, содержащихъ гражданское право, напоминаетъ рубрики не отпечатаннаго Прохирона Василя (Македонскаго), другія же — рубрики первыхъ десяти титуловъ Эклоги Льва, напечатанной въ Jus graecoromanum Леунклавія. Но вѣроятно, онъ пользовался не обоими произведеніями, а только такимъ экземпляромъ Василя Прохирона, въ которомъ первые десять титуловъ Эклоги Льва ¹⁾ помѣщены были въ началѣ, а прочіе титулы ся только въ видѣ эксцентровъ присоединены были къ титуламъ Прохирона. (При этомъ Бинеръ указываетъ на подобный экземпляръ Прохирона въ Парижской и Мюнхенской библіотекахъ). Тщательно сравнивалъ я только нѣкоторые титулы Властаря; но „νόμοι“ его въ ученіи объ обрученіи указываютъ на 1-й титулъ Прохирона, а титулъ „περὶ βασιλέως“ совершенно согласенъ съ 2-мъ титуломъ Эклоги. Впрочемъ, можетъ быть Властарь пользовался и другими источниками“. Это мнѣніе было усвоено и подтверждено впоследствии Мортрейлемъ, Геймбахомъ и Ц. фонъ Лингелъталъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о какихъ то „другихъ источникахъ, которыми пользовался М. Властарь“ до настоящаго времени впередъ почти не двинулся ²⁾, за исключеніемъ впроч. одного пункта, — что М. Властарь такъ называемыми „Василиками“ Льва Мудраго не пользовался. Этотъ послѣдній пунктъ весьма основательно выясненъ Геймбахомъ въ его изданіи: „Basilicorum Libri LX“. T. VI, p. 153, 154, 156, 157. Lipsiae 1870. Восполнить этотъ пробѣлъ и рѣшился о. Н. Ильинскій: въ своемъ изслѣдованіи *по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ* онъ дѣйствительно и исполнилъ эту трудную солидно научную задачу. Но въ манерѣ, или методѣ,

¹⁾ Это—первые десять титуловъ Ананагоги.

²⁾ Ц. фонъ Лингелъталъ въ своей статьѣ: Griechischen Nomokanones. S. Peterbourg. 1877 (Mémoires de l'Académie impériale des sciences. St.-Peterbourg. T. XXIII, № 7) писалъ: „Въ предисловіи (синагмы) есть признаки, что авторъ зналъ номоканонъ 883 г.; прочіе источники, изъ коихъ онъ черпалъ свои свѣдѣнія, особенно что касается „νόμοι“ еще не достаточно изслѣдованы“.

коимъ авторъ осуществилъ эту задачу заключаются одновременно: и несомнѣнное достоинство его труда и—въ тоже время—весьма крупный недостатокъ. Почти для каждой строки властаревой синтагмы авторъ указалъ въ древнѣйшихъ ся памятникахъ права, каноническаго и гражданскаго, параллельное мѣсто: это—безспорно—достоинство его труда. Но указанные имъ параллельныя мѣста—онѣ сочель дѣйствительными истинами, изъ коихъ М. Властарь черпалъ свои знанія; это—весьма крупный недостатокъ метода, отсутствіе *надлежащей критики*. Въ силу этой методической недостаточности оказалось, по изслѣдованію нашего автора, что Синтагма М. Властара является глубокоученнымъ произведеніемъ византійской юриспруденціи, соединяющимъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, результаты законодательной дѣятельности императоровъ, константинопольскихъ патріаршихъ синодовъ и ученой дѣятельности профессоровъ права. Между тѣмъ въ дѣйствительности М. Властарь былъ дов. обыкновеннымъ компиляторомъ, какъ это съ совершенною ясностію оказывается изъ сравненія его синтагмы съ помоканомъ Фотія и толкованіями къ нему Вальсамона. Что касается въ частности гражданскихъ законовъ, то задачей его вовсе не было составить какое либо ученое юридическое сочиненіе на основаніи тѣхъ многотомныхъ юридическихъ произведеній, параллельныя мѣста изъ коихъ представилъ къ синтагмѣ его о. Н. Ильинскій, а дать лишь сводъ главнѣйшихъ *въ то время дѣйствовавшихъ законовъ* относительно разныхъ церковныхъ учрежденій и лицъ. А для сего М. Властарю было совершенно достаточно какого либо *prochiron auctum*, въ родѣ указываемаго Бѣперомъ, но совсѣмъ не было нужды обращаться къ такимъ устарѣвшимъ кодексамъ, какъ Василики Льва. Достопримѣчательно, что современникъ М. Властара, свѣтскій судья и юристъ К. Арменопуло положилъ въ основу своего знаменитаго юридическаго сборника прохиронъ Василия Македонскаго, а Василиками совсѣмъ не пользовался. Для основательнаго и вѣрнаго рѣшенія вопроса о непосредственныхъ источникахъ приводимыхъ Властаремъ гражданскихъ законовъ изданнаго матеріала по части гражданскаго права, современнаго ему недостаточно: необходимо обширное знакомство съ рукописнымъ. Так.

образ. попытку о. Ильинскаго восполнить научный пробѣлъ, оставленный Бинеромъ, Геймбахомъ и проч. должно почитать не вполне достигшею цѣли, хотя съ другой стороны какъ попытку, сдѣланную съ большимъ усердіемъ и основательностію нельзя не привѣтствовать.

Собрание по алфавитному порядку всѣхъ предметовъ, содержащихся въ священныхъ и божественныхъ канонахъ, составленное и обработанное смиреннѣйшимъ іеромонахомъ Матвеемъ, или алфавитная синтагма М. Властаря. Переводъ съ греческаго. Священника Н. Ильинскаго. Симферополь. 1892 г. Одновременно съ своимъ изслѣдованіемъ о. Н. Ильинскій издалъ и свой русскій переводъ синтагмы М. Властаря, снабженный весьма учеными комментаріями. Какъ бы въ оправданіе появленія на свѣтъ настоящаго своего почтеннаго труда авторъ раскрываетъ въ предисловіи (стр. I—XII) значеніе синтагмы М. Властаря въ практикѣ православныхъ церквей. Строго говоря, рѣчь въ настоящемъ случаѣ слѣдовало бы вести не объ оправданіи столь поздняго появленія перевода синтагмы М. Властаря, а о разъясненіи того страннаго явленія, почему памятникъ права имѣвшій такое широкое и продолжительное въ церкви значеніе до сихъ поръ не появлялся въ удовлетворительномъ русскомъ переводѣ? Но такъ какъ въ разъясненіе сего нельзя было ничего иного сдѣлать кромѣ указапія на нашу обычную косность въ самостоятельной разработкѣ подобнаго рода памятниковъ, въ особенности требующей напряженныхъ усилій, то почтенный авторъ и предпочелъ уклониться отъ этого объясненія, разъяснивъ положительнымъ образомъ важность предпринятаго имъ труда.

Въ самомъ переводѣ наблюдалась точность и вѣрность подлиннику — говоритъ переводчикъ въ своемъ предисловіи (стр. XI). Дѣйствительно, переводъ вѣрепъ своему подлиннику, отражая въ себѣ его свойства, т. е. положительные качества и недостатки даже въ самомъ стилѣ неровномъ, тяжеловатомъ и шероховатомъ. Вѣдь М. Властарь былъ компиляторъ, компиляторъ усердный, добросовѣстный: какихъ какихъ стилей нѣтъ въ его синтагмѣ? Само собою понятно, какой тяжкій трудъ предлежалъ переводчику въ

его задачѣ дать точный и вѣрный переводъ *такого подлинника*. Авторъ преодолѣлъ этотъ трудъ.

По долгу рецензента мы обязаны, воздавъ заслуженную честь ученому трудолюбію автора, отмѣтить и слабыя стороны въ его произведеніи. Въ этомъ отношеніи нами подмѣчено слѣдующее:

Синтагма М. Властаря, какъ вышла она изъ-подъ пера его, состояла изъ слѣдующихъ частей: 1) введенія (*προοίη*), 2) свода каноновъ и законовъ подъ буквами алфавита и 3) эпилога. Послѣдній состоялъ изъ слѣдующихъ статей: сокращеннаго номоканона Іоанна Постника, каталога церковныхъ должностей Великой Церкви, правилъ св. Никифора Исповѣдника и еще нѣкоторыхъ каноническихъ статей. Въ такомъ составѣ извѣстна синтагма Властаря по списку, современному самому ея автору, находящаяся въ Московск. синод. библиотекѣ (№ 149).

О. Н. Ильинскій для своего перевода избралъ текстъ синтагмы, изданный Ралли и Потли и въ своемъ переводѣ ограничился лишь только сводомъ каноновъ и правилъ, оставивъ безъ перевода предисловіе и эпилогъ. Съ научной точки зрѣнія нельзя оправдать такого сокращенія подлинника: ибо предисловіе и эпилогъ синтагмы имѣютъ научный интересъ не меньшій, чѣмъ самая синтагма.

Въ общемъ—какъ было сказано выше—переводъ точенъ и вѣренъ подлиннику; но что касается въ частности перевода *гражданскихъ* законовъ, то здѣсь не рѣдко встрѣчаются неясность, неточность и неправильность, происшедшія единственно отъ того, что переводчикъ переводилъ *буквально* такія термины и выраженія, которыя въ подлинникѣ употреблены въ техническомъ смыслѣ, какъ формулы и термины юридическаго византійскаго языка. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода:

На стр. 171 о. Ильинскій приводитъ подлинное „*παραγραφή*“ словомъ „*исключеніе*“—неправильно и не точно. *Παραγραφή* есть техническій терминъ соотвѣтственный римскому *exceptio* или *prescriptio* = возраженіе. Такъ назывался особый видъ судебного процесса.

На стр. 320 выраженіе подлинника: „*περί παρακαταθήκης*“ переводится выраженіемъ: о довѣреніи;—опять не точно и не правильно. *Παρακαταθήκη* есть техническій терминъ со-

отвѣтственный римскому *dopositum* = *поклажа*—особый видъ договора.

Переводчикъ отождествляетъ совершенно различные техническіе термины *ἐμφύτευσις* и *μίσθωσις* переводя ихъ однимъ словомъ „аренда“ (см. стр. 187 и 293); терминъ *ἀγωγή* = искъ переводить не одинаково: на стр. 350 словомъ: распоряженіе, на стр. 353—сдѣлка, на стр. 382—искъ.

Незнаніемъ техническаго юридическаго языка объясняется и темнота перевода напр. слѣдующаго закона: „потеря договоровъ не уничтожаетъ сдѣлокъ въ томъ случаѣ, когда истина можетъ быть доказана иначе“. (Стр. 353). Слѣдовало перевести: „утрата долговой росписки не уничтожаетъ исковъ, когда можно доказать истину иначе“¹⁾. Переводчика смутило слово *συμβόλαιον*, которое буквально дѣйствительно значить договоръ; но въ византійскомъ правѣ употребляется какъ соотвѣтственно римскому: *instrumentum* и для обозначенія письменныхъ условій договора, т. е. въ смыслѣ вообще писаннаго документа.

Пересматривая комментаріи, представленные о. Ильинскимъ мы замѣтили только три мѣста подлинной синтагмы, для коихъ не указано источника или цитаты, и именно на стр. 171 („Исключеніе по законамъ бываетъ и проч.). Не можемъ и мы указать, откуда заимствовалъ М. Властарь эту тираду. За тѣмъ въ предисловіи къ синтагмѣ (подл. S. 30) къ словамъ: „приспомятныи импораторъ Левъ Мудрый черезъ нѣкоего Савватія протоснаѳарія собралъ въ одно цѣлое всѣ постановленія“ и проч. (См. изслѣдованіе, стр. 155),²⁾ и наконецъ на стр. 29, 292 въ отд. б. М трактатъ: „о томъ, что и гражданскими послѣдующими законами установлено употреблять наказанія болѣе чело-вѣколюбиво“³⁾. За исключеніемъ этихъ трехъ мѣстъ комментирована о. Ильинскимъ, можно сказать, каждая строка

¹⁾ Подлинный текстъ гласитъ такъ: *Ἡ τῶν συμβολαίων ἀπώλεια οὐκ ἀναίρει τὰς ἀγυγὰς, ἐν ᾧ δυνατόν ἐστὶν ἑτέρως ἀποδειχθῆναι τὸ ἀληθές.*

²⁾ Параллель этому мѣсту можно указать въ предисловіи къ *Ἐπιτομῇ τῶν νόμων* въ изд. Zachariä v. Lingenthal: *Ius graecorum*, t. II, 281. Только здѣсь вмѣсто *Савватія* стоитъ *Симбаций*. Объясненіе этой разности можно найти у Геймбаха въ *Libri Basilicorum*, T. VI, 109, 110.

³⁾ Этотъ трактатъ есть компиляція изъ схоли Вальсамона къ *Νομοχ. tit. θ. κεφ. κβ'* (Z. σ. 189—191).

синтагмы М. Властаря т. е. указаны для нея параллельныя мѣста. Гдѣ же о. Ильинскій нашелъ эти параллельныя мѣста? Въ отвѣтъ на это приходится указать слѣдующую литературу: 1, святоотеческія творенія и сочиненія византійскихъ писателей, какъ то: приписываемыя Діонисію Ареопагату (стр. 56); св. Іоанна Златоуста (стр. 20, 63), св. Василия Великаго (стр. 376, 377), св. Іоанна Дамаскина (стр. 185, 186), Епифанія Кипрскаго (стр. 20), св. Θεодора Студита (стр. 187), Фотія, патріарха Константинопольскаго (Номоканонъ и бібліотека), церковныхъ историковъ Евсевія (стр. 196), Евагрія (стр. 22); Іоанна Фурна (стр. 367), Іоанна Мосха (стр. 65), византійскихъ канонистовъ: Зонары, Аристина и Вальсамона; далѣе наставленія константинопольскихъ патріаршихъ синодовъ (Т. V. Аѳинской синтагмы), за тѣмъ источники византійскаго гражданскаго права: *Corpus juris civilis* изд. Beck'a, все издание Zachariä von Lingenthal: *Jus graecoromanum* Т. I—VI, издание Геймбаха: *Libri Basilicorum* LX. Т. I—VI; С. Харменорупі, *manuale legum, sive Hexabiblos*, изд. Геймбаха; наконецъ—славянская Кормчая книга и сводъ россійскихъ законовъ. Таковы элементы (первоисточники), изъ коихъ составлены комментаріи о. Ильинскаго къ русскому переводу синтагмы М. Властаря.

Вообще, принимая во вниманіе, что синтагма М. Властаря, доселѣ имѣвшаяся лишь въ весьма невразумительномъ славянскомъ переводѣ и въ рѣдкихъ экземплярахъ, а между тѣмъ значеніе ея въ исторіи нашего церковнаго права было весьма важно, мы должны признать, что переводъ ея о. Н. Ильинскимъ, снабженный столь учеными комментаріями, есть не только почтенный ученый трудъ, за который ему должна быть признательна русская наука церковнаго права, но и ревностный подвигъ на пользу религіознаго просвѣщенія русскаго народа, украшающій званіе православнаго священника.

Н. Заозерскій.

Введенский А. И. Две библиографические заметки о новых трудах настоятеля Русской православной церкви в Берлине, прот. А. П. Мальцева [Рец. на: 1. Die Russische Kirche. Wiederlegung von dr. Paul Jrgen // Preussischen Jahrbüchern (Februar 1893); 2. «В добрый путь» Заграничный справочный календарь. СПб, 1892] // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 162–166 (2-я пагин.).

Двѣ библиографическихъ замѣтки о новыхъ трудахъ настоятеля русской православной церкви въ Берлинѣ, протоіерея А. П. Мальцева.

1. Die Russische Kirche. Widerlegung von dr. Paul Jrgen in den Preussischen Jahrbüchern (Februar 1893) von Alexios Maltzew. Berlin, 1893. (Русская Церковь. Опроверженіе трактата др-а Пауля Иргена, помѣщеннаго въ журналѣ: Preussische Jahrbücher).

Наши добрые сосѣди, нѣмцы, въ своей фанатической національной ненависти къ намъ, доходятъ иногда до геркулесовыхъ столбовъ. Обыкновенно осторожные и разборчивые до щепетильности, они положительно поражаютъ какою-то литературною неряшливостью, когда имъ приходится говорить о русскихъ. Вотъ новая иллюстрація на эту, впрочемъ, давно уже извѣстную тему.

Въ нынѣшнемъ году популярный, въ общемъ солидно и хорошо поставленный, пѣмецкій журналъ: Preussische Jahrbücher напечатавъ на своихъ страницахъ очень зло, неряшливо и—главное—совсѣмъ не обстоятельно написанный памфлетъ противъ православной русской Церкви. Чего чего тутъ не наговорено! Русская Церковь обвиняется и въ дуализмѣ, и въ пантеизмѣ, и чуть-ли даже не въ идолопоклонствѣ (она называется, въ концѣ концовъ, „Синагогою сатаны“!!). Ея ученіе о грѣхопадѣніи взято-де изъ восточныхъ дуалистическихъ системъ,—черезъ древне-греческую философію; она чуть-ли не учитъ по оригеновски о предсуществованіи душъ; она будто-бы признаетъ, что искупленіе совершено самымъ *рожденіемъ* Бога Слова по

плоти, а не Его *крестною смертью*; для полученія прощенія отъ грѣховъ и спасенія, по ея ученію, будто-бы вовсе не нужны ни личная мысль, ни личная воля, такъ какъ отдѣльная человѣческая душа, по ея пониманію, есть-де не болѣе, какъ „искра воликой, нѣкогда отдѣлившейся отъ божества и позднѣе снова съ нимъ имѣющей возсоединиться чрезъ Христа свѣтовой массы“ (?), какъ-бы нѣкоторой общей души человечества и т. д. и т. д. И весь этотъ вздоръ завѣренъ и скрѣпленъ подписью какого-то невѣжественнаго доктора (?), Пауля Иргена!

Къ счастью, на этотъ разъ безвинно обвиняемая русская православная Церковь не осталась безотвѣтною. Ея защиту взялъ на себя достойный представитель нашей Церкви и нашего русскаго имени въ Берлинѣ, протоіерей А. П. Мальцевъ. Кратко, спокойно, серьезнымъ и благороднымъ тономъ, со ссылкой на первые источники и документы онъ выяснилъ невѣжественному нѣмцу его ошибки, и въ концѣ концовъ, обратилъ противъ него его же собственное оружіе. Нѣмецъ пишетъ: „по ученію греческой церкви отдѣльный человѣкъ получаетъ спасеніе не какъ индивидуумъ, а какъ членъ нѣ котораго мистическаго, сверхчувственнаго единства“ т. е. безъ личной самодѣятельности, единственно по дару спасающей благодати. На это авторъ критики резонно и основательно замѣчаетъ, что, совершенно напротивъ, это ученіе, несправедливо предполагаемое у православныхъ, открыто исповѣдовали *протестанты* 16-го столѣтія. Памфлетистъ указываетъ на графа Льва Толстаго, какъ на „порожденіе“ нашихъ церковныхъ нестроеній и крайностей; защитникъ православія оплачиваетъ ему тою-же монетою и, какъ на прототипъ русскаго новатора и рационалиста, указываетъ на *Егиди*, роль котораго въ современномъ нѣмецкомъ обществѣ совершенно одинакова съ ролью у насъ нашего Л. Толстаго. Иргенъ осуждаетъ русскую церковь за ученіе о преданности Государю; апологетъ отвѣчаетъ, что это—не спеціально-православное, но общехристіанское, а въ частности и протестанское ученіе и т. д. Въ одномъ отношеніи отдаетъ заслуженную честь нѣмецкому писателю о. Протоіерей: признаетъ совершенно справедливымъ сдѣланное имъ сближеніе нашей религіозно-государственной язвы, штундизма, съ протестантизмомъ. Честь, какъ видимъ,

не завидная! Вообще защита православія отъ нѣмецкихъ инсинуацій на этотъ разъ выполнена съ достоинствомъ, основательностію, и даже не безъ остроумія.

Отмѣченный нами фактъ самъ по себѣ, конечно, не такъ значителенъ, чтобы на немъ задерживать вниманіе. Но онъ еще разъ напоминаетъ намъ, что къ нѣмецкому писательству слѣдуетъ относиться съ большою и большою осторожностію. Въ самомъ дѣлѣ, если уже современные явленія и факты, подъ вліяніемъ ложныхъ предположеній и злостныхъ тенденцій, нѣмцы такъ извращаютъ; то что-же сказать о событіяхъ и фактахъ отдаленныхъ?! Конечно, все будетъ проведено ими чрезъ призму національнаго и вѣроисповѣднаго сознанія...

2. *„Въ добрый путь“*. Заграничный справочный календарь. Изданіе „Русскаго Братства“ въ Берлинѣ. Берлинъ — С.-Петербургъ, 1892 г.

Не смотря на свое спеціальное назначеніе „дать для русскихъ, ѣдущихъ за границу, *спутникъ*, содержащій въ себѣ наиболѣе необходимыя и полезныя свѣдѣнія относительно различныхъ заграничныхъ учрежденій, какъ русскихъ (Посольства, Миссіи, Консульства, Церкви), такъ и иностранныхъ (отдѣлы: учебный, медицинскій, художественный, промышленный и пр.)“, книжка, заглавіе которой мы выписали, представляетъ и общій интересъ (что и послужило для насъ побужденіемъ занести ее на страницы „Богословскаго Вѣстника“). Этому интереса не лишены, конечно, уже и свѣдѣнія, наприм., объ условіяхъ жизни за границей, о научныхъ и художественныхъ заграничныхъ центрахъ, о курортахъ и выдающихся лѣчебныхъ мѣстахъ, о медицинскихъ и др. западныхъ знаменитостяхъ и т. д. Но особенно интересенъ и заслуживаетъ преимущественнаго вниманія составленный съ исключительною полнотою и тщательностію „Церковный отдѣлъ“.

Въ этомъ отдѣлѣ въ сжатой и обстоятельной формѣ мы находимъ всѣ важнѣйшія свѣдѣнія: 1) о православныхъ патріархіяхъ и автокефальныхъ церквахъ (патріархіи: Кон-

стантинопольская, Александрійская, Антиохійская, Иерусалимская; Церкви автокефальныя: Россійская, Эладская, Кипрская, Румынская, Сербская, Черногорская, Сремско-Карловацкая, Буковинско-Далматинская, Болгарскій экзархатъ); 2) о заграничныхъ православныхъ храмахъ (русскихъ, греческихъ, сербскихъ, румынскихъ и проч. съ рисунками нѣкоторыхъ изъ нихъ); 3) о православныхъ русскихъ храмахъ, существовавшихъ прежде, но закрытыхъ или перенесенныхъ въ другія мѣста; 4) о храмахъ, предположенныхъ къ сооруженію или уже сооружающихся. Между этими послѣдними отмѣтимъ проекты сооруженія храмовъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ: объявленъ сборъ пожертвованій на эти храмы и нельзя не пожелать, чтобы этотъ призывъ былъ встрѣченъ возможно сочувственнѣе и чтобы, такимъ образомъ, оказалась возможность украсить столицы, Германіи и Австріи сооруженіями, достойными православной вѣры и русскаго имени. Въ настоящее время наши храмы въ Вѣнѣ и Берлинѣ, какъ объ этомъ не разъ уже замѣчалось въ печати, оставляютъ желать весьма и весьма многого!

Изъ другихъ отдѣловъ путеводителя можно отмѣтить и рекомендовать читателю, — какъ это ни покажется, быть можетъ, страннымъ, — отдѣлъ „календарный“: свѣдѣнія о старомъ и новомъ стилѣ (лѣтосчисленіе и календарь Юліанскій и Григоріанскій), равно какъ и о причинахъ разновременнаго празднованія пасхи на Востокѣ и на Западѣ, при краткости, изложены здѣсь съ такою ясностію, которой мы, по крайней мѣрѣ, доселѣ нигдѣ не встрѣчали. — Таможенныя правила и тарифы, условія почтово-телеграфнаго и желѣзно-дорожнаго сообщенія, таблицы монетъ и вѣса и т. под., — все это въ путеводителѣ изложено съ точностію, не оставляющею желать ничего большаго; но интересъ къ этимъ предметамъ, конечно, — дѣло условное и мы не будемъ говорить о нихъ.

Путеводитель изданъ очень изящно, — по типу лучшихъ западныхъ изданій того-же рода. Продается (въ Россіи въ книжныхъ магазинахъ *Суворина*) исключительно съ благотворительною цѣлію, — въ пользу православнаго Берлинскаго Братства, на средства котораго изданъ и членами котораго

составленъ. Конечно, главная доля заботъ и трудовъ его составленію и изданію пришлась на долю одного главныхъ дѣятелей Братства, настоятеля нашей посольскаго церкви въ Берлинѣ, протоіереева А. П. Мальцева, къ которому, поэтому нельзя не отнести, какъ за этотъ, такъ и за другіе его труды, съ полною признательностію.

А. Введенскій

Воскресенский Г. А. Алексиевский список Нового Завета и четвероевангелие преподобного Никона, Радонежского чудотворца // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 167–173 (2-я пагин.).

Алексіевскій списокъ Новаго Завѣта и четвероевангеліе преп. Никона, Радонежскаго чудотворца.

Въ ризницѣ Московскаго Чудова монастыря хранится, какъ драгоценная святыня, пергаминаный списокъ всего Новаго Завѣта, писанный, по преданію, въ 1355 г. собственною рукою святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Руси ¹⁾. Въ семь списокѣ содержится новый переводъ на славяно-русскій языкъ какъ Евангелія, такъ и Апостола съ Апокалипсисомъ. На страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ помѣщены были наши замѣтки о положеніи, какое занимаетъ этотъ списокъ среди массы славянскихъ рукописей Евангелія и Апостола XI—XVI вв. и о значеніи его для нынѣшняго печатнаго славянскаго текста ²⁾. Сравненіе Алексіевскаго списка Новаго Завѣта съ предшествующими ему рукописями Евангелія и Апостола показало, что въ немногихъ относительно случаяхъ переводъ св. Алексія совпадаетъ съ древнѣйшимъ переводомъ юго-славянскою редакціи, а также—второй, древне-русскою, отличаясь вмѣстѣ съ ними отъ нынѣшняго печатнаго текста; въ большинствѣ же случаевъ Алексіевскій списокъ представляетъ исправленія древняго перевода, принятыя въ нынѣшнее печатное Евангеліе и печатный Апостоль. Наконецъ, не мало имѣетъ этотъ списокъ и такъ сказать личныхъ, только ему принадлежащихъ особенностей перевода, не встрѣчающихся въ предшествующихъ ему славянскихъ спискахъ и не принятыхъ въ ны-

¹⁾ Фототипически изданъ Высокопреосвященнѣйшимъ Леонтіемъ, митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, въ 1892 г., къ празднованію пятистолѣтія памяти преп. Сергія, Радонежскаго чудотворца.

²⁾ „Богосл. Вѣстникъ“, 1893, янв., стр. 180—199.

иѣшнюю печатную Библию. Дословная вѣрность и близость къ греческому тексту константинопольской рецензїи составляетъ отличительную черту перевода св. Алексїя. Что именно Алексїевскій списокъ оказалъ вліяніе на исправленіе печатнаго Евангелїя и Апостола въ XVII в., объ этомъ свидѣтельствуется историческая записка, найденная въ архивѣ Коллегїи Иностранныхъ Дѣлъ, о переводѣ Библии Елифаніемъ Славинецкимъ и напечатанная въ „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина Греко-россійской церкви. Переводчики или исправители, трудившіеся подъ руководствомъ Елифанїя, изчисляя рукописи, которыми они пользовались, о Чудовскомъ спискѣ говорятъ такъ: „первая Славенская книга бѣ у преведенїя сего преводу и рукописанья святого Алексѣя митрополита всея Россїи чудотворца, писанная въ лѣто 6863 (т. е. 1355), до смерти его за 23 лѣта, яже и доднесь обрѣтается въ обители его въ Чудовѣ монастырѣ въ книгоположницѣ блюдома и прочтаема бываетъ надъ болящими“¹⁾. Но имѣлъ ли этотъ списокъ какое-либо вліяніе на списки Евангелїя и Апостола ближайшіе, конца XIV—XV в. и вообще на рукописные тексты Новаго Завѣта? Этотъ вопросъ ученые доселѣ рѣшали отрицательно и поступали такъ съ полнымъ правомъ, потому что не было извѣстно ни одного списка, въ которомъ бы содержался текстъ такой-же, какой въ спискѣ Алексїевскомъ. Еще прот. А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ, знаменитые описатели Московской Синодальной библіотеки замѣтили, что трудъ св. Алексїя, „совершенный келейно, не оставилъ видимаго вліянія на улучшеніе списковъ“ (рукописныхъ)²⁾.

Недавно мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ спискомъ четвероевангелїя конца XIV или начала XV в., заслужи-

¹⁾ Евгеній, митр. Словарь истор. о пис. дух. чина, I, изд. 2-е, СІВ. 1827, стр. 182. Записка эта, какъ оказалось, представляетъ собою извлеченіе изъ предисловія къ списку четвероевангелїя 1674 г., содержащему переводъ Елифанїя Славинецкаго (рукоп. Моск. Публ. и Рум. Муз., собр. Уидольскаго, № 1291). Въ обширномъ предисловіи, помѣщенномъ въ началѣ рукописи, сообщаются интересныя свѣдѣнія о Ртищевскомъ Братствѣ и о трудахъ Елифанїя по переводу Св. книгъ и въ частности Новаго Завѣта.

²⁾ Опис. слав. рукоп. Син. б., М. 1855, I, стр. 290.

вающимъ полнаго вниманія изслѣдователей библейскаго текста по своимъ особеннымъ отношеніямъ къ списку св. Алексія. Это—четверосвангеліе преп. Никола чудотворца, хранящееся въ ризницѣ Свято-Троицкой Сергіевой лавры, подъ № 1. Представлю краткое описаніе этой рукописи.

Евангеліе это, значащееся по древней ризничной списи 1642 г. подъ № 15, писано на 194 л. (изъ нихъ первый и послѣдній порожніе), въ 8-ку, на прекрасномъ тонкомъ пергаментѣ, въ два столбца, по 24 строки, очень мелкимъ уставнымъ письмомъ XIV в. ¹⁾ Обложено по доскамъ голубою шелковою матеріею, отъ времени обветшавшею; застежки пергаменные, оконечности серебряныя и петли также. Правописаніе русское. Въ рукописи довольно сокращеній и буквенныхъ титлъ, хотя меньше, чѣмъ въ Алексіевскомъ списокѣ. На первомъ порожнемъ мѣстѣ надпись древняя: ѿмъ чѣвертноє . на харѣс . никона чѣтворца . а не ѿдати его никомѣ . Въ началѣ рукописи указаніе евангельскихъ чтеній и краткій мѣсяцесловъ, въ которыхъ памяти русскихъ и славянскихъ святыхъ нѣтъ. Въ началѣ Евангелія помѣщено предисловіе Теофилакта Болгарскаго къ толкованію Евангелія отъ Матѳея. Нач.: Первѣс оубо закона они божественни мужи ни грамотою . ни книгами оучаху ¹⁾. Послѣ Евангелія Іоанна помѣщены: 1) пасхалія въ таблицахъ, 2) „Настатъс лѣнѣ на книждо мѣць со клзными“ и 3) „Рука бѣслѣ, жиѣвскаѣ лоунна“. На об. предпослѣдняго листа перечень мѣсяцевъ года, начинающагося съ марта. Любопытна приписка киноварью—тѣмъ же, что и вся рукопись, мелкимъ уставнымъ письмомъ, на полѣ 161 л. об. противъ Еванг. Іоанна 8, 1—11, въ коемъ повѣствуется о женѣ, ятой въ прелюбодѣянїи: не достойтъ сего почитатѣ . бжтвѣнїи бо загооустъ еван-

¹⁾ Рукопись по листамъ не перенумерована. Въ описанїи архим. Леонида показано 189 л. (Слав. рукописи, хранящіяся въ ризницѣ Свято-Троицко-Сергіевой лавры, М. 1880, стр. 23). На об. 1-го л. показано 184 л., на об. послѣдняго листа—192. По моему нарочитому счету всѣхъ пергаменныхъ листовъ (включая первый и послѣдній порожніе) 194. Что касается формата рукописи, то въ длину она имѣетъ 3 вершка, въ ширину $2\frac{5}{8}$ в.; каждый столбецъ занимаетъ въ длину $2\frac{1}{8}$ в. и въ ширину $\frac{6}{8}$ в., остальное занято полями.

¹⁾ Опис. Сив. рук., II: 1, 124.

глыѣ се проше все . никакоже гавмаетса поманувъ сега части . како сдѣ взити гавлену не сзиі всако се еванглые по христѣ“¹⁾).

Нужно замѣтить, что въ библиотекѣ московской духовной академіи хранится другое четвероевангеліе преп. Никона (фундам. рукоп. № 138), весьма тщательно писанное на отличномъ тонкомъ пергаментѣ, въ 4-ку, на 199 л. въ одинъ рядъ, по 25 строкъ на страницѣ, отчетливымъ уставомъ XIV в., правописанія русскаго. На первомъ порожномъ листѣ надпись древняя: сѣе . ѿ в нѣдѣ на харѣ никоновское чѣтворца . По тексту этотъ списокъ совершенно сходенъ съ Евангеліемъ, писаннымъ въ 1383 г. въ Константинополѣ (Моск. Син. библ. № 26—742) и относится, по нашему дѣленію, къ четвертой редакціи рукописнаго славянскаго евангельскаго текста. На основаніи замѣтки о. архим. Леонида (въ названномъ выше описаніи его), что четвероевангеліе преп. Никона, хранящееся въ ризницѣ Сергіевой лавры по письму сходно съ его-же евангеліемъ, находящимся въ библиотекѣ моск. дух. академіи²⁾, я думалъ найти въ немъ текстъ тотъ же, что въ Константинопольскомъ Евангеліи 1383 г., т. е. четвертой редакціи. Но каково же было мое удивленіе, когда, приступивъ къ сличенію, я нашелъ въ Никоновскомъ ризничномъ Евангеліи текстъ отличный отъ четвертой редакціи, равно и отъ двухъ древнихъ и близкій къ третьей редакціи, къ Алексіевскому списку Новаго Завѣта. Я тщательно сличилъ Никоновское Евангеліе съ спискомъ св. Алексія. Ближайшее детальное сравненіе обоихъ списковъ показало, что переписчикъ Никоновскаго четвероевангелія или исправитель въ значительной степени воспользовался новымъ переводомъ, содержащимся въ Алексіевскомъ спискѣ. Нѣтъ главы, нѣтъ ни одного евангельскаго чтенія, въ коихъ Никоновское четвероевангеліе не представляло бы такихъ отличительныхъ чертъ отъ древнихъ списковъ и отъ нынѣшняго печатнаго текста, которыя свойственны, какъ личныя особенности,

¹⁾ Такъ и въ толкованіи Теофилакта Болгарскаго по списку Моск. Син. библ. № 91, XV в. на Іоанна 8, 1—11 пѣтъ ни текста, ни толкованія, а въ рукоп. № 94 одинъ текстъ, съ замѣткою писца: сѣмоу евангелію, толкъ, не пишѣ (Опис. Син. рук. II; 1, 136).

²⁾ Стр. 23.

исключительно списку св. Алексія. Но съ другой стороны Никоновское четвероевангеліе не представляетъ совершенно точной, послѣдовательной копии съ Алексіевскаго списка. Въ семъ послѣднемъ, помимо общихъ обоимъ спискамъ мѣстъ, содержится много другихъ особенностей, только ему одному свойственныхъ и не раздѣляемыхъ Евангеліемъ преп. Никона, которое въ этихъ случаяхъ или удерживаетъ древнія чтенія или имѣетъ новыя, частію принятыя, частію не принятыя въ нынѣшнюю печатную Библию.

Ограничусь въ настоящей замѣткѣ приведеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ евангелія Марка по списку преп. Никона, читающихся отлично и отъ всѣхъ рукописныхъ редакцій и отъ нынѣшняго печатнаго текста и совершенно согласно только съ Алексіевскимъ спискомъ.

Марк. 1, 7 ему же нѣсмь довоѣ преклоньса разрѣшити вступге (τὸν ζάβτα) сапогу кго. Въ спискахъ первой, четвертой и пятой редакцій чит. ремень, въ спискахъ второй редакціи въ звузы. Весьма вѣроятно, что св. Алексій заимствовалъ слово вступге изъ толкованія блаж. Теофилакта Болгарскаго, у котораго, по списку Синод. Моск. библ. № 91 чит. да разрѣшю оустоуговь сапогоу (Іоан. 1, 27) ¹⁾. Изъ рукописныхъ Евангелій, кромѣ Алексіевскаго и Никоновскаго, слово вступге (Марк. 1, 7) встрѣтилось только въ четвероевангеліи 1401 г. Моск. Публ. и Рум. Музея № 118. Но затѣмъ это евангеліе, № 118, особенной близости къ Алексіевскому списку не обнаруживаетъ.

1, 26 и терзаше кго дѣхъ нечѣзій (въ спискахъ второй редакціи съкроушивъ, въ ост. сътрасъ, сътрасе).

2, 17 не трѣбѣ имуть могущи (Ал. сдравн) но злоимущи.

5, 13, и оустремиса стадо по слудвамъ (κατὰ τοῦ κρηνοῦ, по брегоу) в море. Въ толкованіи Теофилакта, по сп. Син. библ. № 87, встрѣчаемъ: по слоудбѣ, Матѣ. 8, 32; съ слоу' Марк. 5, 13).

5, 26 и истрошивши иже оу неіа вса (Гал. и др. сп. первой ред. ижчивши, Мст. и ост. издагавши).

6, 11 ѿтрасте персть (τὸν χοῦν, прахъ).

¹⁾ Опис. Синод. рукоп., II: I, 135.

6, 16 тако ꙗко же азъ ѿглави (ἀπεκεφάλισα, οὐσὶ κηδῆς) ѿвана тѣ кѣсть. Ср. ст. 28: ѿглави; 12, 4 ѿглавиша).

8, 17 ꙗще ли ѿславлено имате срѣце ваше (всѣ сп. и нын. окаменено, πεπορωμένην).

8, 25 и оучредиса. и видаше ꙗсно вса (въ епискахъ разныхъ ред. читается различно: оутвърдиса, оустронса, оутвориса,—и оузрѣ вса свѣтъ).

9, 50 и мирьствуйте (εἰρηνεύετε) дрѹ другу.

10, 45 ꙗко сѣ члчъ не приде слугованъ взити (Ал. послужѣ взити, διακονηθήσαι).

12, 1 ꙗскопа иѣточилье (ὑπολήριον).

14, 55 архіерѣи же і все ссѣдалище (συνέδριον). Такъ и 15, 1.

15, 7 въ же глѣмын варавва съ сѹстанницею (μετὰ τῶν στασιαστῶν, съ свѣтъники—втор. ред., съ коньники—ост., и нын. со сквники) свѣзна. иже иѣци (в) сѹстанницѣ оубниство творашу.

16, 18 и добръ приимѹ (καὶ καλῶς ἔξουσιν, всѣ сп. и нын. и сдрани боудутъ).

Въ Алексіевскомъ спискѣ Новаго Завѣта постоянно чит. глѣ, глѹ въ соотвѣтствіе греч. λέγει, λέγουσι (вм. обычнаго глѣ, глѣша). Въ Никоновскомъ спискѣ въ Евангеліи Марка 21 разъ этотъ глаголъ употребленъ—согласно съ Алексіевскимъ—въ настоящемъ времени, и 30 разъ въ прошедшемъ. И другіе глаголы: видѣти, гласити, обрѣсти, послати, привести, прити и т. д. нерѣдко ставятся въ Никоновскомъ согласно съ Алексіевскимъ въ настоящемъ времени, вмѣсто обычнаго прошедшаго. Помѣщенное въ концѣ Никоновскаго четвероевангелія „Пастыре лѹиѣ на книждо мѣи со влазими“ буквально заимствовано изъ списка Новаго Завѣта св. Алексія.

Приведенныхъ мѣстъ достаточно, чтобы убѣдиться, что переписчикъ Никоновскаго четвероевангелія имѣлъ подъ руками Алексіевскій списокъ Новаго Завѣта, хотя — прибавимъ — не выдержалъ послѣдовательно редакціи своего оригинала. Спрашивается: могъ ли быть извѣстенъ и доступенъ писцамъ или исправителямъ св. книгъ личный келейный трудъ св. Алексія, и — разъ онъ сдѣлался извѣстенъ и доступенъ — почему не сдѣлано съ него точной копіи? Надобно признать, что св. Алексій, предпринимая свой трудъ, не имѣлъ въ виду распространить свой переводъ и

ввести его въ церковное употребленіе. Переводъ его всѣмъ новый, и по своимъ личнымъ отличительнымъ чертамъ—подбору словъ, буквальности и близости къ греческому тексту—слишкомъ далекъ отъ унаслѣдованнаго русскою церковію отъ болгаръ древняго кирилло-меоодіевскаго перевода. Св. Алексій совершилъ этотъ трудъ для себя, для своего келейнаго употребленія. Какъ такой, трудъ св. Алексія могъ быть извѣстенъ и доступенъ только особенно къ нему близкимъ лицамъ. Между ближайшими, присными св. Алексію былъ игуменъ Троицкаго монастыря преп. Сергій. Если св. Алексій особенно отличалъ своего ученика и друга, преп. Сергія, котораго умолялъ даже занять престоль митрополіи Московской и всея Руси, то и преп. Сергій безъ сомнѣнія питалъ чувства искренней любви и уваженія къ своему наставнику и другу. Чувства эти унаслѣдовалъ и преемникъ преп. Сергія по игуменству въ его обители, преп. Никонъ. Оба эти угодники Божіи могли знать о новомъ переводѣ св. Алексія и имѣть его подъ руками, и отсюда заимствовать тѣ случаи одинаковыхъ чтеній, которыя частію были нами выше приведены. Что св. Алексій въ своемъ переводѣ не стѣснялся обычнымъ въ его время славянскимъ текстомъ Евангелія и Апостола, объясняется тѣмъ, что онъ хотѣлъ имѣть только для себя, для своего домашняго употребленія, наиболѣе понятный и наиболѣе близкій къ греческому переводъ. Переписчикъ или исправитель Никоновскаго списка заимствовалъ изъ Алексіевскаго значительную долю чтеній, но такъ какъ его переводъ предназначался для церковнаго употребленія, то онъ и не дерзнулъ выдержать послѣдовательно Алексіевскій текстъ. Во всякомъ случаѣ четвероевангеліе преп. Никона весьма замѣчательно и достойно вниманія, какъ первый опытъ копіи (хотя и не вполне выдержанной) съ драгоценнаго Алексіевскаго кодекса.

Г. Воскресенскій.

15 іюня 1893 г.

Колосов Н. А. Перечень вновь вышедших русских книг богословского содержания // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 174–176 (2-я пагин.).

П Е Р Е Ч Е Н Ь

ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ РУССКИХЪ КНИГЪ БОГОСЛОВСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Александръ, епископъ Дмитровскій. Крещеніе Господне. Москва, 1893. 16 д. 16 стр.

— О почитаніи праздниковъ церковныхъ. Москва, 1893. 16 д. 15 стр.

— Срѣтеніе Господне. Москва, 1893, 16 д. 16 стр.

Антоній, архим. Правственная идея догмата пресвятой Троицы. Сергіевъ посадъ, 1892. 8 д. 22 стр.

Антоновъ Е. Разборъ шведовскихъ „показаній“, что якобы православная греко-російская црковь погрѣшила противу св Евангелія. Москва, 1893. 8 д. 248 стр.

Богусловскій Іоаннъ, свящ. Сборникъ общедоступныхъ статей религіозно-нравственнаго содержанія для вѣтбогослужебныхъ чтеній. Кіевъ, 1893. 8 д. II—253 стр.

Бяляевъ А. Д. Истинное христіанство и гуманизмъ. Сергіевъ посадъ, 1893.

Виноградовъ Николай. Нагорная проповѣдь Спасителя. Отношеніе новозавѣтнаго закона къ ветхозавѣтному. Вып. 2-й. Москва, 1893. 8 д. 36 стр.

Визровъ Арс., свящ. Объясненіе божественной литургіи св. Іоанна Златоустаго. Новгородъ, 1893. 8 д. 36 стр.

Вощковъ Ник., свящ. О грѣхахъ невѣдѣнія. Москва, 1893. 16 д. 35 стр.

Глазковъ Д., свящ. Второе великое путешествіе св. апостола Павла съ проповѣдью Евангелія. Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія. Тула, 1893. 8 д. 336—XIV стр. Ц. 1 р. 75 к.

Глазковъ С. С. Объ условіяхъ возникновенія религіозной вѣры. Сергіевъ посадъ, 1892. 8 д. 22 стр.

— Объ отношеніи философіи и естественныхъ наукъ къ наукѣ Введенія въ Богословіе. Сергіевъ посадъ, 1892. 8 д. 21 стр.

Догматы о знаменіи честнаго креста по Стефану Яворскому. Изд. 3-е. Москва, 1893. 8 д. 78 стр.

Иванъ И. Неизбѣжный путь. Мысли о жизни и смерти человѣческой. Изд. 2-е. Москва, 1893. 8 д. 95 стр.

Книга объ антихристѣ и о прочихъ дѣйствіяхъ, иже при немъ быти хотящихъ. Изд. 2-е. Казань, 1892. 8 д. 196—II стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ Вас., свящ. Катихизическое объясненіе Символа Вѣры, десяти заповѣдей и церковнаго богослуженія для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд. 6-е. Москва, 1893. 16 д. 128 стр.

Ландышевъ Евгеній, свящ. Простыя и краткія поученія сельскаго священника. Москва, 1893. 8 д. 35 стр.

Мартыновъ А. В. Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ. Сергіевъ посадъ, 1893. 8 д. 63 стр.

Молчановъ А. В., свящ., Возможенъ ли юттинно-христіанскій прогрессъ внѣ церкви? Казань, 1893. Ц. 20 к.

Надеждинскій Георгій, свящ. Бесѣды на апостольскія и евангельскія чтенія на службахъ воскресныхъ и праздничныхъ дней всего года. Саратовъ, 1893. 8 д. 691 стр.

На свѣтлый праздникъ. Иллюстрированный сборникъ (хрестоматія) статей духовно-нравственныхъ и историческихъ, путешествій къ св. мѣстамъ и проч. Составл. подъ ред. А. А. Соколова. Кн. 2-я. СІБ., 1893. 8 д. 390 стр. столбц. Ц. 50 к.

Наумовъ Д. Филаретъ, митрополитъ московскій, какъ канонистъ. Москва, 1893. 8 д. III+178+III стр.

Некрасовъ А., проф. Годъ крестныхъ страданій Господа нашего Іисуса Христа и седмины пророка Даніила. Казань, 1892. 8 д. 39 стр.

Нѣсколько словъ, поученій и бесѣдъ. По случаю празднованія 900-лѣтія учрежденія епископской кафедры на Волыни. Изд. свящ. М. Н. Житомиръ, 1893. 8 д. 168+II стр.

Объясненіе православнаго богослуженія. Вып. 1-й. Общія понятія о богослуженіи и объясненіе вечерни. Е. Н. Изд. 2-е. Казань, 1893. 8 д. 99 стр. Ц. 20 к.

— Вып. 2-й. Объясненіе утрени. Е. Н. Изд. 2-е. Казань, 1893. 8 д. 52 стр. Ц. 10 к.

О концинѣ міра. Страшный судъ и вѣчность мукъ. Изд. 2-е. Москва, 1893. 16 д. 216 стр.

О поминовеніи усопшихъ. Изд. 8-е. Москва, 1893. 16 д. 71 стр.

О путяхъ Промысла Божія въ жизни человѣческой. (Изъ сочиненій Иннокентія, архіеписк. херсонск. и таврич.). Изд. 2-е. Москва, 1893. 16 д. 36. стр.

О пьянствѣ и другихъ худыхъ привычкахъ. Изд. 2-е. Москва, 1893. 16 д. 71 стр.

О страданіи и смерти Господа нашего Іисуса Христа, воскресеніи Его и вознесеніи на небо. Изд. 2-е. Москва, 1893. 16 д. 192 стр.

Павель, архим. Была ли нужда въ исправленіи богослужебныхъ книгъ? Разговоръ православнаго со старообрядцемъ. Москва, 1893. 8 д. 24 стр.

— Дружескія бесѣды двухъ старообрядцевъ, старца и юнаго, о ихъ религіозномъ положеніи. Москва, 1893. 8 д. 65 стр. Ц. 10 к.

Поповицкій Дор., прот. Уроки по Закону Божию для православныхъ воиновъ, полковыхъ и другихъ учебныхъ командъ. Изд. 2-е. СІБ., 1893. 8 д. 63 стр.

Рудиковъ А., прот. Священная исторія Новаго Завѣта. Изд. 2-е. СІБ., 1893. 8 д. 160 стр.

Русановъ Николай, прот. Краткія поученія къ простому народу. Изд. 2-е, дополн. СІБ., 1893. 8 д. 320 стр.

Сборникъ распоряженій, касающихся церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты СІБ. епархіи. СІБ., 1893. 8 д. II+84 стр.

Краткія *свѣдѣнія* о праздникахъ православной церкви и сказаніе о житіи особенно чтимыхъ святыхъ. Изд. княг. Е. Горчаковой. Москва, 1893. 8 д. 200 стр.

Сергіевъ Іоаннъ, прот. Моя жизнь во Христѣ. Извлеченіе изъ Дневника. 2-е общедоступн. изд. Вып. 1-й. О св. Троицѣ и о Богѣ какъ о Творцѣ вселенной. СПб., 1893. 8 д. 30 стр.

— Вып. 2-й. О храмѣ Божіемъ, о св. иконахъ и о призываніи Пресв. Богородицы и о крестѣ. СПб., 1893. 8 д. 47 стр.

Вып. 3-й. О вѣрѣ и надеждѣ христіанской. СПб., 1893. 8 д. 52 стр.

Сильвестръ, епископъ. Опытъ православнаго догматическаго Богословія. (Съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). Т. 1-й. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892. 8 д. III+317 стр. Ц. 1 р. 70 к.

— Т. 2-й. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892. 8 д. VI+643 стр. Ц. 3 р. 30 к.

Смирновъ Петръ, прот. О православіи вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ. СПб., 1893. 16 д. 29 стр. Ц. 10 к.

Соколовичъ Март. Смерть, безсмертіе и будущая загробная жизнь нашихъ усопшихъ на основаніи Свящ. Писанія, ученія церкви и свв. отцевъ. СПб., 1893. 16 д. 91 стр.

Соколовъ А. Объяснительный словарь церковно-славянскаго языка. Москва, 1893. 8 д. 84 стр.

Соколовъ В. А., проф. Можно ли признать законность іерархіи старокаатоликовъ. Сергіевъ посадъ, 1893. 8 д. 37 стр.

Соколовъ Дм., прот. Молитвы, заповѣди и Символь вѣры съ объясненіями. Изд. 41-е. СПб., 1893. 8 д. 64 стр.

— Священная исторія Ветхаго Завѣта. Изд. 31-е. СПб., 1893. 8 д. 128 стр.

— Священная исторія Новаго Завѣта. Изд. 31-е. СПб., 1893. 8 д. 116 стр.

Ученіе о богослуженіи православной церкви. Изд. 11-е. СПб., 1893. 8 д. 157+III стр.

Соловьевъ А. И. Объяснительный словарь малононятныхъ славянскихъ словъ, встрѣчающихся въ св. Евангеліи, Часословѣ и Псалтири. Изд. 3-е. Москва, 1893. 16 д. 64 стр.

Спасскій П. Н. Толкованіе на пророческія книги Ветхаго Завѣта, составленное на основаніи святоотеческихъ толкованій по программѣ для IV кл. духовн. семинарій. Вып. 1-й Книги пророковъ. Исаія и Іереміи. Новгородъ, 1893. 8 д. VI+473 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Суворовъ Н. С. Къ вопросу о западномъ вліяніи на древнее русское право. Ярославль, 1893. 8 д. VII+383+XVI стр. Ц. 2 р. 50 к.

Сумароковъ П. Собраніе правилъ, законоположеній и распоряженій Св. Синода о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты съ присоединеніемъ программъ учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ. Изд. 2-е, значит. дополн. Вятка, 1893. 8 д. 226+2 стр. Ц. 50 к.

Хорошунъ Теодоръ, свящ. Краткое изложеніе ученія о нравственности христіанской. Кіевъ, 1893. 8 д. IV+67 стр. Ц. 40 к.

Царевскій А., проф. О христіанской обязанности помогать бѣдствующимъ отъ голода. Публичное чтеніе. Казань, 1892. 8 д. 57 стр. Ц. 40 к.

Райскіе *цѣтты* съ русской земли. Сборникъ назидательныхъ повѣствованій о жизни и дѣятельности благочестивыхъ людей русской земли. Владивіръ, 1893. Ц. 1 р.

Өмжы Кемпійскаго. О подражаніи Христу 4 книги. Новый переводъ съ латинскаго К. П. Побѣдоносцева. 5-е изд. крупной печати, съ примѣчаніями и размышленіями изъ духовныхъ писателей и библиографич. приложеніемъ. СПб., 1893. Ц. 1 р. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ и БРОШЮРЫ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу 9-я часть **Твореній св. Кирилла Александрійскаго**, содержащая толкованія на пророковъ Осію, Іоила и Амоса. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. За всѣ части (1—9) Твореній св. Кирилла Александрійскаго ц. 13 р. 50 к. съ пер.

Св. Астерія Амасійскаго бесѣда на слова Евангелія отъ Маттея: „по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею (19,3)?“. Ц. 5 к.

Е. Голубинскаго. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра. Ц. 2 р. 25 к.

В. Соколова. Можно-ли признать законность іерархіи старо-католиковъ. Ц. 50 к.

И. Корсунскаго. Черты изъ житія св. праведнаго Филарета Милостиваго въ жизни Филарета, митрополита Московскаго. Ц. 40 к.

Прот. А. Мартынова. Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ. Ц. 30 к.

С. Глаголева. Чудо и наука. Ц. 40 к.

Поступили въ продажу сочиненія **А. И. Введенскаго**:

1. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Ц. 60 к.

2. П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Ц. 25 к.

3. Демоніонъ Сократа (этюдь по исторіи древней философіи). Ц. 40 к.

4. Рѣчь предъ защитой диссертации: «Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія». Ц. 30 к.

Выписывающіе отъ автора (Сергіевъ посадъ, доценту академіи А. И. Введенскому) за пересылку не платятъ. Мелкія суммы можно высылать почт. марками.

ПЕЧАТАЮТСЯ: 1) Творенія св. Кирилла, архієпископа Іерусалимскаго и 2) Творенія св. Исаака Сирійнина.

Вышла и разсылается подписчикамъ іюльская за 1893 годъ книжка

„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ

Содержаніе ея слѣдующее:

- I. ИСУСЪ ХРИСТОСЪ ПО ЕВАНГЕЛІЮ. Путь страданій Христо-выхъ отъ Гевсиманіи до Голгооты. Управляющаго Московскаго митрополіею, Преосвященнаго Александра, Епископа Дмитровскаго.
- II. О СИМВОЛИЗМѢ ПРАВОСЛАВНАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ въ таин-ствѣ священства. Почетнаго опекуна Тайнаго Совѣтника В. С. Арсеньева.
- III. АНТОНІЙ РИМЛЯНИНЪ. (По поводу торжества 2 Іюля). Е. Посе-лнина.
- IV. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ НОВѢЙШАГО (СИНОДАЛЬНАГО) ПЕ-РІОДА РУССКОЙ ЦЕРКВИ. Гл. IV. Православіе и унія въ поль-скомъ краѣ.—Страданія православныхъ отъ поляковъ.—Торжество Православія. А. П. Добролюбова.
- V. КО ДНЮ ПРЕПОДОВНАГО СЕРГІЯ (5-го іюля). П. А. Виногра-дова.
- VI. ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА ОТЦА АМВРОСІЯ. Къ превосходительной NN. Сообщ. изъ Оптиной пустыни Е. Н. Вытropicкій.
- VII. ИСКАНІЕ ИСТИНЫ. М. И. Хитрова.
- VIII. СКАЗАНИЕ О ЖИТИИ ОПТИНСКАГО СТАРЦА, ОТЦА ІЕРОСХИ-МОНАХА АМВРОСІЯ. Его Пасхальныя и Рождественскія общія поздра-вленія. Инспектора М. Д. Анад. Архимандрита Григорія (Борисоглѣбскаго).
- IX. ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ИСІДОРЪ, МИТРОПОЛИТЪ НОВ-ГОРОДСКІЙ И С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ. (Окончаніе). Проф. М. Н. Корсунскаго.
- X. КАТИХИЗИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ. О второмъ лицѣ Св. Троицы Сынѣ Божіемъ. Свщ. С. М. Садвинскаго.
- XI. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМО-НАХА ОТЦА АМВРОСІЯ. LVIII. Оскорбленный самолюбія.—LIX. Объ училищѣ при монастырѣ.—LX. Наставленіе чтобы отъ матери духовной не уклоняться.—LXI. Польза болѣзней.—LXII. Совѣтъ прельщенной.—LXIII. Объ явномъ и тайномъ затворѣ. Сообщ. изъ Оптиной пустыни Начальникъ скита Іеромонахъ Ана-толій.
- XII. АРХИМАНДРИТЪ ДАНИИЛЪ, НАСТОЯТЕЛЬ РОСТОВСКАГО БОРИСОГЛѢВСКАГО МОНАСТЫРЯ. Архимандрита Григорія.
- XIII. ХРАНИЛИЩЕ МОЕЙ ПАМЯТИ. Мудровъ, *Матвій Яковлевичъ*. Графа М. В. Толстаго.
- XIV. ПАМЯТИ РЕДАКТОРА „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ прот. Я. А. Преображенскаго. Рѣчь А. И. Введенскаго.

XV. РЪЧЬ ГИМНАЗИСТАМЪ. Пресвященнаго Виссаріона, Епископа Коостромскаго и Галичскаго.

XVI. ОТЕЦЪ ІОАННЪ КРОНШТАДСКІЙ. О силѣ молитвы. (Внѣбогослужбное чтеніе въ день св. пророка Іліи).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.
О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Открыта полу-годовая подписка на праздничный журналъ

„РАДОСТЬ ХРИСТІАНИНА“

при чтеніи Библии какъ Слова жизни.

(Съ рисунками и чертежами. Въ концѣ книжекъ помѣщаются запросы и отвѣты при чтеніи текста Библии).

Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к. (мелкія деньги марками).
Цѣна 1-го полугодія также. 1-я кв. 2-го полугодія (VII) выйдетъ къ 29-му Іюня. Цѣна за годъ (12 кв.) 5 р., съ перес. 6 р.

Журналъ рекомендованъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній; по распоряженію Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода разсылается въ духовныя семинаріи и женскія училища, состоящія подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Редакторъ «Радости Христіанина» Протоіерей А. Полотебновъ.

Адресъ: Москва, редакція „Радости Христіанина“ на Старой Басманной.

VI годъ изданія. Продолжается подписка на 1893 г.

на большую политическую, общественную, экономическую и научную еженедѣльную газету

П Р А В Д А

и на литературныя ежемѣсячныя

„КНИГИ ПРАВДЫ“.

„ПРАВДА“ органъ національныхъ интересовъ Россіи и Славянъ и культурно-соціального преуспѣянія русскаго народа. Цѣль изданія—осуществлять общечеловѣческія идеи правды, добра, знанія и красоты, поддерживать все честное, бороться съ порокомъ и невѣжествомъ. Правда—насто́льный органъ интеллигенціи.

Газета „ПРАВДА“:

52 болшихъ №№ въ годъ и болѣе 700 оригинальныхъ статей: политическихъ, юридическихъ, военныхъ, церковныхъ, научныхъ: по философіи, богословію и всѣмъ областямъ знанія, фельетоны и проч.

Книги Правды—12 книгъ

въ годъ въ изящной обложкѣ: романы, повѣсти, новеллы, этюды, рассказы и проч.

Кромѣ того, редакція поставила себѣ задачу, не останавливаясь предъ крупными расходами, ежегодно давать русскихъ и иностранныхъ классиковъ и капитальнѣйшія ученія произведенія и въ 1893 г. подписчики получаютъ:

Соч. имп. *Екатерины II.*

Соч. *Г. Р. Державина.*

Соч. *К. Ѡ. Рылѣва.*

Соч. *Виктора Гюго* 2 т.

Соч. *Вальтеръ-Скотта* 2

тома и, наконецъ еще научное сочиненіе знаменитаго ученаго

К. Вольфа—Происхожденіе міра и жители планетъ.

Въ своемъ новомъ трудѣ К. Вольфъ подробно анализируетъ теорію о происхожденіи міра и жителей планетъ и, наконецъ, излагаетъ собственные изслѣдованія и выводы.

Сочиненія названныхъ классиковъ составляютъ дорогой и полезный подарокъ, значительно превышающій подписную цѣну, вообще крайне низкую при солидной постановкѣ изданія.

Въ вышедшихъ №№ *газеты мною* разныхъ оригинальныхъ статей, а въ *книгахъ Правды* — полное собраніе соч. *Рылѣва; В. Гюго*— „Послѣдній день осужденнаго“ и *Эсмеральда*; *Вальтеръ-Скотта*— „Квентинъ-Дорвардъ“ и проч., проч.

Незаакисмо сего наши подписчики подробно ознакомятся со всеміи чудесами конца XIX вѣка на выставкѣ въ *Чикаго*, куда редакція уже командировала собственного корреспондента.

Подписная цѣна съ перес. по Имперіи: на годъ *шсть* рублей, на полгода *четыре* рубля. Новые подписчики получаютъ все уже вышедшіе №№.

Адресъ: С.-Петербургъ, Казанская ул., у Казанскаго собора, 11 (парадный подъездъ, бель-этажъ).

Издатель-Редакторъ **Ш. Н. Подлигайловъ.**

